ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1960 г.

12

Поворот... Серебряное облако взметнулось за лыжами. Снежная круча исписана следами бесчисленных спусков.

А ты? На каких склонах, по каким равнинам прочерчена твоя лыжня?

ПИОНЕР

Год издания 37-й

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Слушай, пионер!

Как только наступит 30 декабря и прозвенит звонок с последнего в этом году урока (а может, вас по случаю праздника пораньше отпустят!), бегом домой!

Найди уголок понадежнее, чтоб братишка не добрался, и спрячь туда

портфель,
учебники,
тетрадки,
ручку

и все другие школьные принадлежности.

Устрой им тоже каникулы!

А в самое дальнее место положи дневник. Зачем он на каникулах? На каникулах все люди равны: и круглые отличники и последние троечники. Только если какой-нибудь несчастный умудрится двойку в четверти схватить, ему, конечно, плохо. Все настроение будет испорчено!

Итак, все, что для дела,— отправим на отдых.

А все, что для отдыха,— пустим в дело:

крепкую клюшку — чтоб забивать голы в ворота противника,

ладные санки — чтоб с высоченной горы вниз головой скатиться,

верные лыжи — чтоб не подвели в соревнованиях,

острые коньки — чтоб сами несли по льду,

смешные игрушки — чтоб устроить елку для малышей. Все это каникулярное имущество нужно заранее подготовить.

Даже если по восемь часов в день отдыхать (потому что и спать надо, и есть, и маме по дому помогать), то получится:

12 дней $\times$ 8 часов $\times$ 60 минут = !

Подсчитайте, как мало! И шести тысяч минут не набирается. Нельзя потерять ни одной!

Давайте каждую минутку с пользой проведем, то есть на воздухе, на морозце, под чистым зимним небом.

Только, чур, не отморозить нос!

Придете 10 января в школу, а там объявление:

«Лицам с отмороженными носами вход в школу воспрещен».

Потому что это совсем непростительно — в наше время, и не на Северном полюсе, и не в Антарктиде, и не в китобойной экспедиции, а просто на дворе отморозить себе нос!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сказка всегда возвращается

Эдуард ШИМ
Рисунки Ф. Глебова.

1

Выстрел звучит не раскатываясь, коротко.

Впереди, за кустами бересклета,— слабый, почти ребячий вскрик. Темное пятно бьется на земле, едва видимое сквозь ветки.

— Есть!..— с натугой выдыхает Димка, поворачиваясь ко мне.— Точно врубил...

Я мельком вижу его глаза: круглые, оловянные, еще не отмякшие от напряжения.

Через просеку он идет в кусты.

Козлушка — маленькая дикая коза — лежит неподвижно. В судороге заломлена ее тоненькая шея, копытца зарылись в жухлую листву. А на груди — несколько черных рябинок, из которых падают на землю медленные, тягучие, будто резиновые капли...

Неправда, что кровь пахнет. Она не пахнет. Но все время, пока мы связываем козлушке ноги и продеваем палку, чтобы легче было нести, я то и дело сплевываю. Во рту солоноватый, вяжущий привкус, от которого никак не избавиться.

На привал вскоре приходят и остальные охотники. Я слышу, как сразу же начинается шум, ругань; на Димку кричат, отбирают у него ружье, он оправдывается скрипучим, визгливым голосом...

Мне не хочется быть сейчас вместе со всеми. Подстелив ватник, я ложусь в сторонке. Вечер тихий и теплый, но мне почему-то не согреться, во всем теле зябкая, противная дрожь.

Вчера я видел такую же козлушку возле ручья. Может, это была та самая, что нынче убита Димкой. А может, и другая, не знаю.

Перед заходом солнца я сидел на берегу. Было совсем тихо, все застыло, затаилось, и только рыхлый вечерний туман растекался из низин.

Я не услышал, а только увидел ее, когда она была уже совсем близко.

Среди белесого ивняка мелькнула желтая тень. В просветах показались ноги, спина. Затем, будто беззвучно перелетев через кусты, вся она выросла на берегу — кургузенькая, легкая, с высоко поднятой головой.

Осторожно, как на цыпочках, она переступила по камням и стала пить, смешно наморщив черную верхнюю губу. А потом долго прислушивалась, окаменев над водой. В темной заводи ясно виднелось ее отражение. Оно подрагивало, колыхалось, будто дышало.

Так и стояли две сестры-козлушки — вздрагивающая в воде и неподвижная на берегу.

Можно было выстрелить. Я бы успел.

Но я не поднял ружья, замер, оставил в себе живыми одни глаза.

Это было так удивительно и чудесно — в нескольких шагах от себя видеть пугливую, трепетную душу леса.

Вот она исчезнет сейчас, и уже совсем другими будут и этот ручей, и кусты, и деревья, и сам туманный воздух: они опять станут спящими, уйдут в себя, замкнутся...

Я не поднял ружья.

Я смотрел до тех пор, пока она не повернулась и не пропала в редком кустарнике.

И вот теперь эту встречу перечеркнуло другое: ружье у Димкиного плеча, слабый вскрик на просеке, заломленная в судороге шейка и те черные капли, что медленно и вязко падали на землю.

Я не успел помешать Димке. Впрочем, нет, наверное, я бы успел. Я мог бы подбежать и рвануть ружье в тот миг, когда ударил выстрел.

Но я не сделал этого, замешкался, растерялся. Все было слишком неожиданным и слишком знакомым; ведь совсем недавно я был таким же, как Димка; сколько раз я вскидывал ружье, не рассуждая, для чего нужен мой выстрел; сколько раз лежала у моих ног бесполезная, жалкая, никому не нужная добыча...

Самого себя увидел я на месте Димки — и не сумел помешать выстрелу.

2

В минувшую войну нас, школьников, увезли из осажденного города в лесную северную область. Год я прожил в детском доме. Потом приехала мать, взяла меня к себе.

Может, в иную пору и не родилось бы у меня никакой привязанности к природе. Гонял бы я с мальчишками в футбол, строил бы планеры да приемники. Но вышло иначе.

Жилось нам тогда худо. Мать приехала больная, на службу ходила через силу. А надо было как-то держаться и жить. До водяных мозолей я копался на огороде, рубил дрова, носил с реки воду. А летом почти всякий день шел в лес — по ягоды, по грибы. И шел не весело, не для прогулки, а словно на работу, потому что знал: если воротишься пустой, так и есть будет нечего.

Я не любовался природой. Я изучал ее, как изучают нелегкое ремесло. Мне надо было знать лесные приметы, чтобы не заплутать в чаще, и я научился запоминать их. Мне требовалось знать, где какая ягода растет, где какой гриб водится, и я привык отыскивать их наверняка. Мне надо было кормиться в лесу, и я узнал вкус березового сока, пестышков и птичьих яиц.

Порою мать по неделям не бывала дома. Она служила в райисполкоме, а оттуда всех служащих часто рассылали по колхозам проводить посевные и уборочные кампании.

Я оставался хозяевать в одиночку. Сам топил печь, варил еду, прибирался в избе. А когда уже невмоготу было ждать, выбегал за околицу.

Забравшись на сруб старой кузни, я смотрел за реку, на большак. Безлюдный, зеленевший от подрастающей травы, он пропадал вдали.

Оттуда, отцепившись от каемки лесов, всплывали в небо облака. Их тени, изгибаясь на холмах, медленно накатывались на деревню. Мне казалось, что они гасят солнечный свет с шипением, как грязная вода.

И еще мне казалось, что я слышу, как в той стороне неумолчно гудит и стоном стонет земля. Там был фронт, совсем близко.

Обычно мать возвращалась под вечер. Обойдя несколько деревень, она уставала

так, что сразу не могла подняться на крыльцо, а присаживалась на приступку и отдыхала, свесив на грудь голову в пыльном, выгоревшем платке.

Однажды она вернулась особенно поздно. Из простывшей печи я вынул еду, выставил на стол. Сварены были пустые щи из крапивы. Не сняв платка, мать опустилась на лавку и, сгорбленная, сжавшаяся, стала жадно есть прямо из чугунка. Она спешила и даже не замечала, что по морщинам у ее рта течет жидкий зеленый навар.

Я не мог на нее глядеть. В горле стало душно и горячо. Я знал, отчего так голодна мать. В деревнях у людей, которым в тяжкое это время тоже не хватало еды, она не решалась взять даже куска хлеба, хотя и звалась грозным именем уполномоченной исполкома.

В сенях лежали у меня картофельные лепешки, припасенные на завтра. Я кинулся за ними, чтобы отдать их матери.

Снял с полки глиняную миску, заглянул. Лепешек было немного — штук пять. Но они пахли, сильно пахли маслом и пригоревшей мукой, и от этого запаха у меня замутилась голова. Я ведь тоже был голоден. И я был мальчишкой — тринадцать лет.

Не знаю, сколько простоял я так, прижимая к себе миску. Холодная, она жгла руки.

Не знаю... Я бы, наверное, не отдал лепешки, если бы смог их тогда съесть. Но я не смог: в горле комом стояли, рвали грудь слезы.

Эта ночь выдалась непогожей; до рассвета в печной трубе дудел ветер, было слышно, как он скрипит желобом под стрехой и с треском рвет с крыши гнилую дранку.

Поутру, идя на реку, я увидел на тропке молоденького галчонка. Наверное, он выпал ночью из гнезда.

Я принес его на двор, пустил с рук. Летать он еще не умел, только припрыгивал и махал растрепанными крыльями, на которых торчали белые дудки неотросших перьев.

Я смотрел на него и уже прикидывал, чем бы его покормить. А после — внезапно, будто натолкнувшись на эту мысль — я подумал, что ведь галчонок-то сам — тоже еда.

Ну, конечно, я же слышал: галок едят. Значит, можно и этого...

Я бросился в сени. Топора не оказалось — где-то оставил. Но ждать, искать я сейчас не мог.

Под руку подвернулся валявшийся кнут — ременный, плетеный, на длинной березовой рукоятке. Я схватил его и плотно зажал в кулаке.

Увидев меня над собой, галчонок не испугался. Он осел на хвост и широко раскрыл сухой, будто деревянный клюв. Он даже закрыл глаза и так тянулся, тянулся ко мне, вертя головой.

Кнут просвистал в воздухе звонко и жестко. В конец ремня была вплетена проволока.

Я ударил раз, другой и рывком отвернулся, чтобы не видеть, как галчонок трепыхается на песке.

Днем я долго не решался взять его в руки. Он лежал под крыльцом, и было страшно видеть, как по смятой кучке перьев ползают мелкие земляные муравьи.

Мы съели этого галчонка. Мать сказала, что мясо белое, почти что куриное.

3

А вскоре я пошел на охоту. Знакомый старик инвалид позволил мне взять его ружье и набил несколько патронов. Был уже конец весны, и старик перестал ходить на тетеревиные тока. Но я все-таки засел в шалашку.

Она была поставлена на озимом поле, неподалеку от березового леска. Деревья недавно развернули листву, и воздух так был пропитан ее запахом, что казался липким.

Крупная, еще не обитая ветром роса лежала на траве. Было холодно, и у меня закоченели руки, державшие ружье. Ток пустовал. Мне уже захотелось, чтобы скорей взошло солнце и можно было бы идти домой.

Солнце взошло. Лучи ударили по макушкам берез, разбились в медные горячие брызги. Потом эти брызги стали опускаться, они осыпали нижние ветки, стволы, кустарник. Легкий дымок пробежал по траве, и сразу она зажглась белым стрельчатым огнем — это засверкала роса.

Сказочный, переменчивый свет изменил все вокруг. Березняк словно горел и не мог

сгореть в неподвижном пламени. Крошечные радуги вставали и опадали в траву.

Тогда-то и появились тетерева. Нет, это были не тетерева... Жар-птицы — такие, как снились в детстве,— вдруг опустились на землю. Они словно купались в этом пламени, и быстрые огоньки вспыхивали и гасли на их витых, отливавших синевой перьях.

Но я не досмотрел сказку.

Я вспомнил, зачем я пришел сюда. И тотчас будто накатила грязная, тяжелая тень. Чудес не было.

Передо мной — мокрое овсяное поле, а на нем — мясистые петухи, сшибающиеся друг с другом. Их надо убить. Чем больше, тем лучше.

И я бил их, осторожно и хитро, и глаза мои уже не видели ничего, кроме мушки в прорези да петушиного бока, куда надо всадить заряд.

И когда вечером обрадованная мать ощипывала петухов, я был спокоен, доволен и сказал, что можно не скупиться, потому что я пойду на охоту опять и принесу чего-нибудь еще.

И я ходил на охоту — в те годы невольно, из нужды, а позднее уже просто так, без особенной надобности. И если случалось пристукнуть козлушку, лисенка, птицу какую-нибудь,— нет, мне их не было жалко.

Сказка моя от меня ушла, а ведь только в сказках опускает охотник ружье, когда слышит голос медведицы: «Пожалей моих малых детушек...»

Я детушек не жалел.

4

Мы вернулись в свой город перед концом войны. Я поступил работать на завод и вскоре стал забывать, как хаживал когда-то в лес. Пришлось учиться другим ремеслам.

Вновь настало лето. Я работал тогда каменщиком. Впрочем, у нас почти все были

каменщики: завод едва начали восстанавливать.

В середине заросшего бурьяном пустыря лежали разваленные бомбой стены цехов. Мы их разбирали на кирпичи.

Весь день на дворе стоял грохот: кувалды вперебой стучали по кладке, вздымая розовую скрипучую пыль. При такой работе перестаешь думать и чувствовать. Замахиваешь кувалду за плечо, бьешь и снова замахиваешь; качается небо, качается земля, и только иногда остановка, чтобы сплюнуть с губ красную слюну.

Внезапно грохот обрывается. Непривычная тишина заливает уши, будто нырнул в воду. Это обед. Помывшись в железной цистерне, уходим к забору и ложимся у заросшей воронки. В обед мы всегда спим.

Печет солнце; сквозь пыльный воздух оно кажется маленьким и колючим. Чтобы укрыться от него, я переползаю в тень. Щекой прижимаюсь к земле.

Перед глазами — спутанные, блеклые стебельки травы. Они подрагивают от моего дыхания.

Ползет по травинкам серенькая букашка, перелезает со стебелька на стебелек. Я веду за ней взглядом.

Стебель длинный. Он разматывается вверх долго — прямой, скучный, как суровая нитка. И вдруг взгляд наталкивается на цветное пятно. На конце стебля — голубой колокольчик. Сверху он тоже присыпан пылью, а снизу еще не потерял чистоты. Видно, как просвечивают вырезные лепестки. Из-под них торчит пестик — смешной такой желтенький язычишко.

Я прислушиваюсь.

Колокольчик звенит.

Мои уши, огрубевшие от грохота, еще плохо слышат его песенку, но я догадываюсь, какая она. Вдруг исчезает двор, битые кирпичи, ржавое железо... Я иду по росному лугу, к босым ногам прилипают семена-веснушки от метелок высокого щавеля, ветер звенит в ольховых кустах, кричат стрижи, а маленькие радуги встают и опадают передо мной, рассыпаясь огоньками в траве...

Я не заснул в этот обед. И до вечера стояла у меня перед глазами чашечка колокольчика, прошитая тонкими жилками.

После работы я вновь пошел к забору. Цветка не было. Или кто-то сорвал его, или просто вдавил сапогом в песок. Я пожалел — не только этот цветок, а и еще что-то, пока не осознанное, непонятое, едва почувствованное...

Ночью мне захотелось выйти на улицу. Рябая желтая луна стояла в небе. При ее свете холодным, свинцовым блеском мерцали крыши домов и булыжная мостовая.

Еще не было снято затемнение, ни один фонарь не горел, не светились окна. Пустынной и мертвой казалась улица, и странные, мертвые звуки слышались порою на ней. В коробках разрушенных домов что-то стонало, свистело, сыпалось битое стекло, скрежетал оторвавшийся железный лист...

Мне захотелось уйти подальше, посидеть где-нибудь в саду. Я отыскал небольшой скверик, присел на белеющий в сумраке теплый и сырой пень. Пней было много вокруг. Вероятно, зимою деревья тут спиливались на дрова.

С близкой реки порывами накатывал ветер, трепал редкие кусты. Прошлогодние листья скреблись и шуршали на дорожках. Но сквозь этот шум опять пробились какие-то странные, мертвые звуки — не то гудение, не то стонущий, тоскливый скрип.

Я поднялся и шагнул за кусты. Там на месте газонов и цветников чернела голая земля, разбитая на крохотные, кривые грядки. Сквер был перекопан под огороды — так же, как почти все городские сады.

Участочки были отделены друг от друга ржавыми кроватями, проволокой, обрезками жести, трубами. Ветер путался в этих уродливых загородках, раскачивал их, и слышались те же звуки, что и в мертвых домах.

5

Потом была еще весна, и еще... Однажды я шел с завода домой. Долгий закат дымил над городом. Только что прошумел дождь, еще бренчали капли, падая с карнизов, и синие лужи на мостовых курились паром.

Я шел медленно, подставляя лицо под капли и улыбаясь собственным мыслям. В эту весну у нас было много работы; мы отстаивали по полторы-две смены и ходили злые, невыспавшиеся. А теперь вот горячка кончилась, и можно будет отдохнуть и по вечерам даже поездить за город...

Навстречу попалась женщина. Она несла букет расцветающей, желтоватой черемухи. Я не успел посторониться, и шершавые мягкие листья задели меня по лицу. На миг я ощутил полузабытый запах — такой свежий, холодящий, словно от сосульки, положенной на язык.

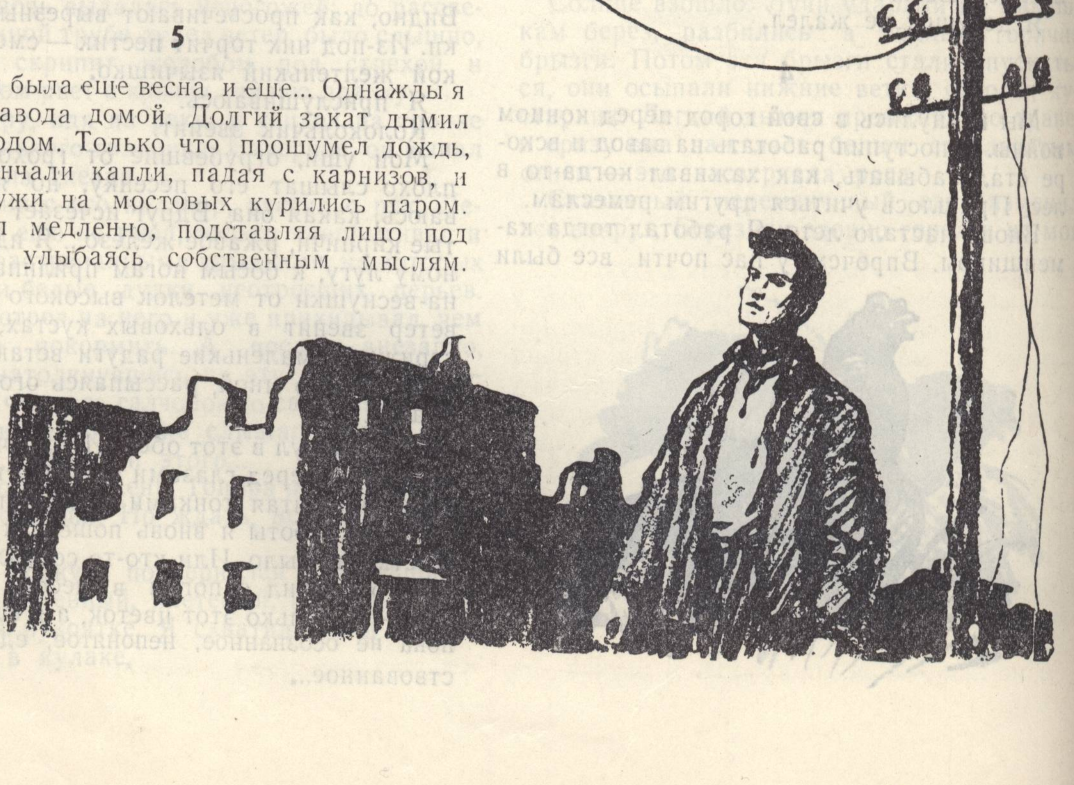
Я представил себе, как завтра или послезавтра слезу на каком-нибудь полустанке и пойду бродить по лесу. Я непременно отыщу черемуху и привезу домой вот такой же тяжелый, шумящий букет.

Невдалеке передо мной катилась коляска. Тогда они часто встречались, эти коляски, состроенные из фанеры и велосипедных колес.

В коляске сидел безногий мальчишка. Покрасневшими грязными руками он подпихивал колеса за мокрые шины, и коляска толчками катилась вперед.

У перекрестка он задержался, завертел головой. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь перевез его на другую сторону.

Людей поблизости не было. Я ускорил шаги, но все-таки опоздал. Мальчишка сам скатил коляску на мостовую и, напрягаясь, задвигал руками.

Все случилось быстро. Гукнув сиреной, из-за угла выскочил грузовик. В нескольких метрах от коляски он успел свернуть, взвизгнули тормоза. Я кинулся к мальчишке и выпихнул коляску на панель.

Подбежал шофер, серые губы у него тряслись. Стала собираться толпа. Мальчишка молчал. Потом он лениво поднял голову.

Я ожидал увидеть в его глазах все, что угодно: растерянность, злобу, страх... Ничего подобного!

Глаза его были совсем равнодушны.

Они казались непрозрачными, и мой взгляд толкнулся в них, как в заколоченную дверь.

Я отшатнулся.

— Чего вылупились? — глухо сказал мальчишка и пихнул колеса. Разрезая толпу, коляска двинулась дальше. Я не пошел следом, а свернул в первый попавшийся переулок.

Мне уже не хотелось вспоминать о черемухе.

Но неожиданно я встретил ее.

Старая, раскидистая, она росла в конце тихой улочки, доставая третьи этажи. Издали казалось, будто чистое летнее облако опустилось между домов. Подойдя, я остановился у склоненных веток. Кисти крупных цветов качались над самой головой. Их можно было трогать руками. Их можно было сорвать.

Я протянул руку. Эти цветы будут не завтра, а уже сегодня стоять у меня дома...

Надламываясь, ветка громко хрустнула. Я торопливо сунул ее за спину. Постукивая палкой, к черемухе подходил сутулый, худой старик. Сняв шляпу, он прислонился к стволу и словно задремал. Мне было слышно, как он дышит, по-старчески посапывая.

Я отодвинулся и тут заметил еще двух человек. Они стояли, прижавшись друг к дружке, молоденький парень и девушка. Ни меня, ни старика они не замечали.

И еще я увидел окна. Настежь распахнутые окна в соседних домах. Дома словно тоже дышали, жадно и глубоко...

Я представил себе тех, кто живет на этой улице, и подумал: как удалось им сохранить черемуху? Не со слов, сам знаю: страшной блокадной зимой, когда в комнатах застывает вода и садится на стенках иней, чем не пожертвуешь ради крохи тепла, ради слабенького пламени в печурке? А огромное старое дерево уцелело. Неужто на пороге смерти своей заботились люди о красоте и ждали вот такой весны?

Мокрая шина коснулась моей руки. Рядом остановилась коляска. Мальчишка сидел в ней, задрав острый подбородок вверх.

Он не мог привстать, и ему было дальше всех до цветов.

Я вытащил из-за спины ветку и положил ему на колени.

Я опять увидел его глаза. Может, это в зрачках отражались белые цветы, а может, и свет из окон, но мне показалось, что глаза мальчишки блестят и не то плачут, не то смеются.

Вскоре случилось так, что я надолго уехал из города. А вернулся летом, как помнится, поутру, в тот удивительный час, когда солнце еще не встало, но уже озарены облака на востоке, чуть проступают тени, далеко ложась по земле, а воздух как бы дрожит и светится сам собою.

Я знал, что многое изменилось в городе, но все-таки не чаял увидеть его таким помолодевшим и прибранным. А свою улицу я попросту не узнал.

Чисты, светлы были ожившие дома, легли перед ними цветники, и виднелись цветы еще на балконах и окнах, почти везде смеялись их глазастые рожицы, а середину мостовой занимали ряды тонких, еще подвязанных деревцев-малолеток.

Помню, как впереди катилась машина-поливалка, распустив прозрачные крылья, а я шел за нею, смотрел на деревца, и мне казалось, что они совсем как мальчишки приплясывают под струями, задирая кверху зеленые свои ладошки с короткими пальцами...

Так стала возвращаться ко мне моя сказка.

Было еще всякое — хорошее и дурное, радости и печали, но жить мне сделалось легче, потому что я знал: сказка жива и когда-нибудь придет насовсем.

И теперь вот, лежа в лесу у костра, вспоминаю я все, что было, думаю о себе, о Димке, о черемухе, о цветах и деревьях в моем городе и понимаю, что сказка-то и не могла погибнуть. В самые лютые дни, в самое черное время все же отыщутся люди, которые смогут удержать ее, сберечь до весны, а потом вернуть остальным.

И рано или поздно сказка придет и ко мне, и к этому Димке, и ко всем тем, кто еще глядит на мир незрячими, наглухо забитыми глазами.

Она все равно возвращается.

Валерка из аэропорта и

Была уже середина сентября, но в Ташкенте и в середине сентября жара. Наш «ТУ-104» подрулил к огромному, с высокими тонкими колоннами зданию Ташкентского аэропорта ранним утром в воскресенье, и уставшие от московского холодного ненастья, одетые в свитеры и плащи москвичи очень неуютно чувствовали себя под жарким солнцем среди пестрой, веселой, по-летнему нарядной толпы встречающих.

Меня никто не встречал. Через два часа мне надо было садиться в другой самолет и лететь в Джалал-Абад. И вот за эти два часа я и познакомился сначала с Валеркой Макеевым, а потом с его товарищами.

Босой, в серых штанах, в белой рубахе с незастегнутым воротником, белобрысый Валерка бродил по залам аэропорта. Он был очень не похож на чистеньких, нарядных, в дорогу одетых мальчиков и девочек, которые сидели со своими мамами и папами, ожидая самолетов. Рубашка на Валерке казалась свежей, недавно выстиранной, но, несмотря на это, по ней шли странные рыжие разводы.

— Сам стирал? — спросил я Валерку.

— Са-ам, — застенчиво протянул он, оглядывая рубашку. — А что?

— Оно и видно.

— В арыке стирал.

— Молодец.

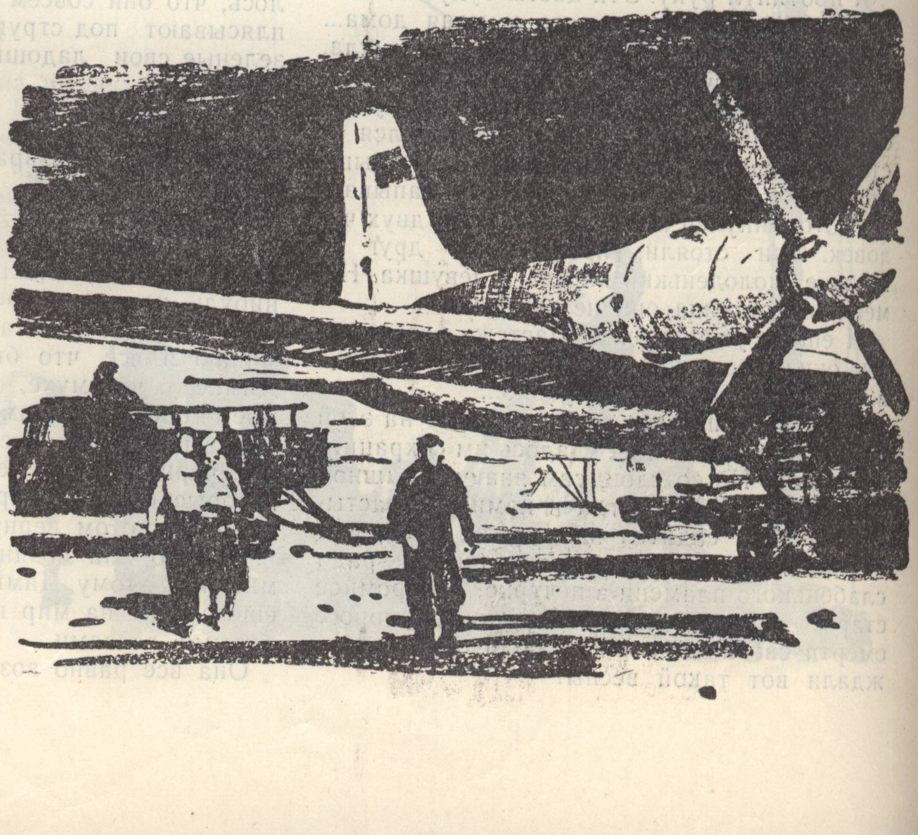
Так мы познакомились, и я узнал, что белобрысому Валерке почти десять лет, что живет он с мамой «во-он там» (Валерка показал рукой на маленькие домики, которые теснились на краю летного поля) и что он, Валерка Макеев, «Валерка из аэропорта», как его потом называли товарищи, несмотря на свой солидный возраст, еще ни разу в жизни не ходил в школу. Не учится, не знает азбуки. Только в кино видел парты. Никогда в жизни не держал ни букваря, ни тетрадки, не макал перо в чернильницу-непроливайку, не чертил палочки и кружочки на трех косых линейках, не считал, сколько будет, «если к десяти прибавить три».

Сначала я подумал, что Валерка врет. Так, прикидывается дурачком. Бывают такие ребята — выдумщики. Не задумываясь, они наговорят вам с три короба про свою «ужасную жизнь», и не для какой-нибудь особой цели, а просто так, ради интереса.

Вот я и подумал сначала: «Врет паренька. Выдумывает. Где ж это видано, чтобы человеку было почти десять лет, а он еще в школу не ходил?!»

Но потом, когда мы с Валеркой поговорили подольше, когда я тайком от него расспросил девушек — работниц аэропорта, мне пришлось поверить Валерке Макееву. Он ни в чем не обманул меня. Он, ребята, действительно не ходит в школу.

Валерка, как я уже говорил, живет с мамой. Мама его очень больна. К ней ходят

его никудышные друзья

врачи, лечат ее, но пока ничего не удается сделать.

— Вырасту — доктором стану и мамку вылечу, — сказал мне Валерка.

— Как же ты станешь врачом, если в школу не ходишь? На врача, знаешь, сколько учиться надо?

Валерка сначала ничего не сказал. А потом, поводив по пыли черной от грязи ногой, вспомнил:

— А я уже некоторые буквы выучил: а, б, в, г, д, е...

И я понял, как ему хочется учиться. Но что делать? Мама не пускает его в школу, она не хочет оставаться дома одна. Правда, особый уход ей не нужен; Валерка все равно целыми днями шатается по аэропорту, но в школу она все-таки сына не пускает. Да Валерка и сам боится идти.

— А вдруг она помрет без меня? — сказал он и посмотрел на меня укоризненно.

Мне не удалось увидеть маму Валеры: он категорически отказался идти домой, боялся.

— Побьет она меня, — почти шепотом проговорил он.

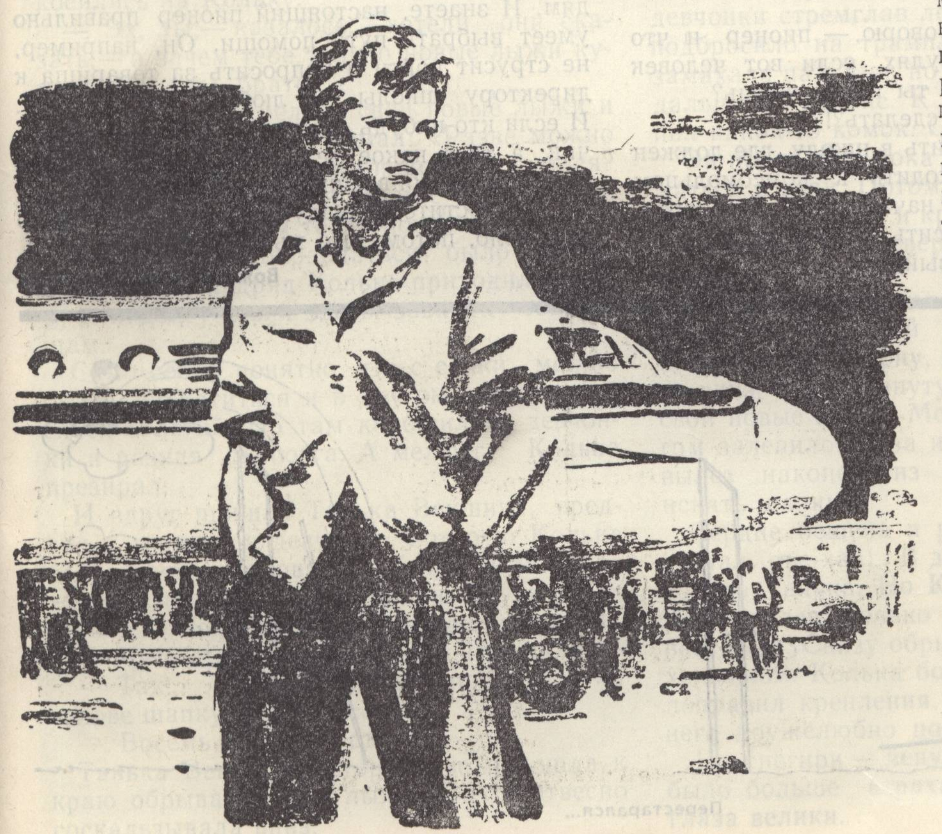
И сколько я ни упрашивал, сколько ни убеждал, Валерка только упрямо мотал головой:

— Не пойду. И вы не ходите.

Вот какая беда встретилась мне в Ташкентском аэропорту. День выходной, никого из начальников аэропорта нет, и школа средняя, та самая, куда Валерка должен по утрам бегать с портфелем в руках, закрыта... А время идет, и вот-вот диктор объявит на двух языках — узбекском и русском, — что пора идти к самолету.

И вдруг, ребята, мне стало очень стыдно. Ведь есть же у Валерки товарищи! Как это я забыл про них! Может быть, среди них есть пионеры? Они обязаны помогать, они помогут человеку.

Пока мы разговаривали с Валеркой, выяснилось, что он, оказывается, никогда не был на самолете. Всю жизнь живет на аэродроме, по двадцать раз в день видит, как самолеты садятся и взлетают, ходит без пропусков и без разрешения всюду, где можно ходить и где нельзя, а вот в кабине летчиков никогда не был. Не пускают туда мальчишку, и все тут. Я обещал Валерке попросить разрешения и сходить с ним вместе на «ТУ-104».

— А правда пустят? — недоверчиво спросил Валерка.

— Попробуем.

— Тогда я сейчас, — быстро сказал Валерка и исчез.

Появился он минут через пять в сопровождении двух ребят. Если идти на самолет, так, конечно, всем вместе!

И вот мы в кабине «ИЛ-14», как сразу

определили ребята. Бортмеханик Николай Петрович Курицын показывает, как двигается штурвальная колонка, как поворачивается штурвал, и объясняет, для чего нужны все эти десятки приборов, циферблаты которых занимают огромные щиты... Потом мы идем на «ТУ-104», и ребята прямо ахают, когда попадают в огромный салон с длинными рядами высоких кресел. Леня Дмитриенко, семиклассник, и его брат Юра, второклассник, заявляют, что они обязательно будут летчиками, и Валерка не хочет отставать от друзей.

— Я тоже буду летчиком, — говорит он.

— А врачом?

— Или врачом...

У нас снова заходит разговор об учебе, и тут выясняется, что друг Валерки Леня Дмитриенко даже не знает, что Валерка не ходит в школу...

— Как же так?

— Так ведь я не здесь живу, я сюда прихожу только по воскресеньям... — спокойно объясняет Леня.

Очень хороший пионер Леня Дмитриенко. Он долго и подробно рассказывал мне, какая у них замечательная школа, и как он занимается в авиамодельном кружке, и как интересно работает у них пионерский патруль... Честно говоря, я обозлился. Я чуть не накричал на него.

— Какой ты, — говорю, — пионер и что толку в ваших патрулях, если вот человек в школу не ходит, а ты и не знаешь?..

— Что же я могу сделать?!

— Как что? Сходить в школу, где должен учиться Валерка, сходить к комсомольцам аэропорта, пойти к начальнику аэропорта, рассказать им, попросить, чтоб помогли.

— Да ничего не выйдет...

— А ты пробовал?

Леня помолчал, а потом сказал:

— Хочешь, Валерка, я тебя французскому языку буду учить?

Ну что ты с ним будешь делать? К чему Валерке сейчас французский, если он и по-русски-то слова прочитать не может, фамилии своей никогда в жизни не писал?!

...Мы договорились с Леней и с комсомолками аэропорта Тамарой Тихомоловой и Светланой Прописновой, что они все вместе определят Валерия Макеева в школу, помогут ему и его маме устроить свою жизнь так, чтобы мальчик стал учиться. Не может быть в нашей стране такого безвыходного положения, чтоб ничего нельзя было сделать.

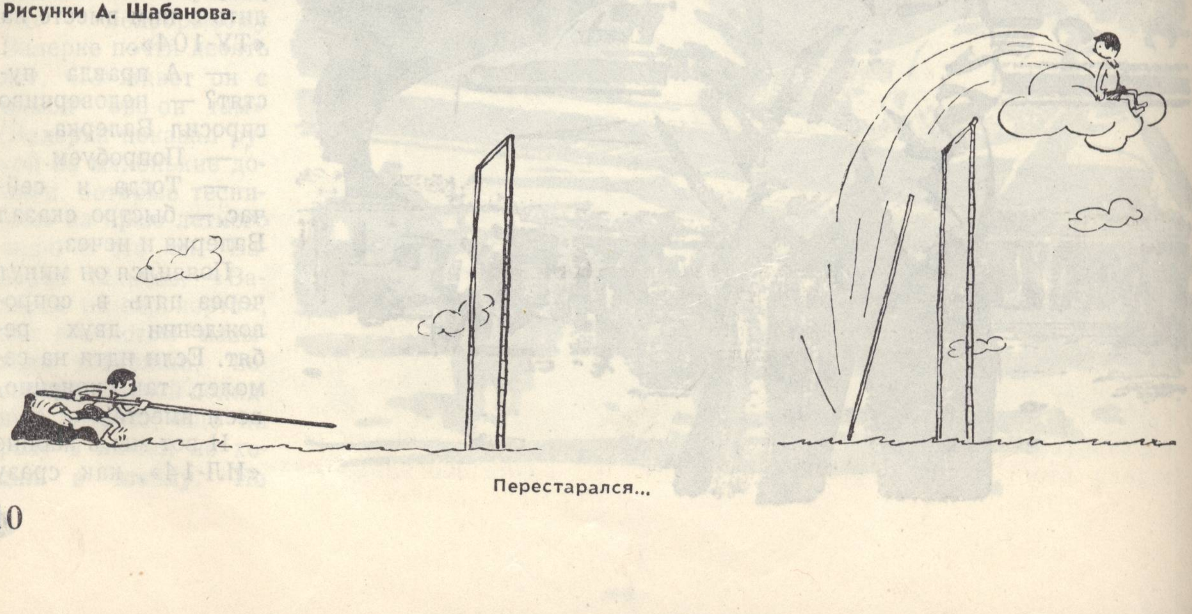
Мне захотелось рассказать об этом случае всем ребятам, чтобы тот, кто прочитает про Валерку и его никудышных друзей, подумал: «А все ли мои товарищи учатся? Никому не нужна моя помощь?»

Бывает, что люди носят красный галстук и не совсем хорошо понимают, к чему он обязывает их. Некоторые думают, что если они хорошо учатся, занимаются в кружке и выполняют задания отряда, — значит, они хорошие пионеры. А, по-моему, хороший, настоящий пионер не ждет никаких особых поручений, но всегда готов прийти на помощь людям. И знаете, настоящий пионер правильно умеет выбрать пути помощи. Он, например, не струсит пойти и попросить за товарища к директору школы, к любому начальнику. И если кто-нибудь скажет: «Послушай, мальчик, а твое какое дело? Ты-то чего ходишь тут, пороги обиваешь?», — то ответит:

— Простите, пожалуйста, но нам до всего есть дело, потому что мы пионеры.

Вожатый Сима Соловьев

Рисунки А. Шабанова.

Перестарался...

СТРАХ

Юрий КАЧАЕВ

Рисунок А. Смолина.

Спуск был такой крутой, что у Кольки екало сердце всякий раз, когда он смотрел вниз. А рядом, на ветке черемухи, сидели упитанные красногрудые снегири и ехидно косились на Кольку.

— Эх, ты,— казалось, хотели они сказать,— и зачем тебе только новые лыжи купили! Трус ты, братец...

Колька посмотрел на свои новые лыжи и вздохнул. Раньше он думал: «Разве можно на самоделках по-настоящему кататься? Конечно, нет. Вот если бы мне такие лыжи, как у других. Я бы тогда показал».

Вот. А теперь оправдаться было нечем. Третий день подряд Колька приходил на гору и подолгу стоял здесь, завидуя товарищам.

Само собой понятно, что с сопки можно было прокатиться и в другом месте, где спуск отлогий. Но там копошились девчонки и разная мелюзга. А мелюзгу Колька презирал.

И вдруг пришла Танька Векшина, вредная и горластая девчонка, которую Колька не раз учил уму-разуму. У нее были такие же пухлые и красные щеки, как грудь у снегирей. И мохнатые заиндевевшие ресницы.

— Чего стоишь? — спросила Танька.

— Так... Устал.— Колька поправил на голове шапку и важно соврал:

— Восемь раз уже съехал.

Танька Векшина неторопливо подошла к краю обрыва, откуда лыжня почти отвесно соскальзывала вниз.

«Струсит»,— подумал Колька и хотел добавить что-нибудь едкое.

Но Таньки на обрыве уже не оказалось. Как ветром сдуло.

Колька бросился посмотреть. Фигурка девчонки стремглав летела с откоса. Вот ее подбросило на трамплине — Танька нелепо замахала палками, но устояла и промчалась дальше по лыжне. К горлу Кольки подступил какой-то комок. Стало жарко и стыдно.

Он подождал, пока Танька начала подниматься в гору. Потом подошел к обрыву, подвигал лыжами и крепко зажмурил глаза.

«Разобьюсь»,— твердо решил Колька и подумал о матери.

Дальше он помнил только, как рот захлестнул холодный тугой ветер. Кольку швырнуло в сторону, и он кубарем покатился вниз. В эту минуту он боялся лишь за свои новые лыжи. Мокрым, противным снегом залепило глаза и уши. Кряхтя, Колька вылез наконец из сугроба и принялся искать шапку.

Сердце бешено и радостно выстукивало: съехал, съе-хал!.. В двух шагах от него хохотала Танька. Но Колька ни капельки не рассердился. Только покрутил головой: бывает, мол. Снизу обрыв казался пустяковым холмиком. Колька бодро вылез на гору и поправил крепления. С ветки черемухи на него дружелюбно поглядывали снегири.

Но снегири — чепуха! Главное то, что не было больше страха. Страха, у которого глаза велики.

Н. КОЛЕСНИКОВА,
П. МИХАЛЕВ
Фото И. Гричера.

На родине

Кто не знает Чипполино, веселого и озорного мальчишку-луковку из книги писателя Джанни Родари!

Осенью нам довелось побывать на его родине — в Италии. В Риме проходили XVII Олимпийские игры. Это было большое и очень интересное спортивное событие. Но нас привлекало также другое — обычная жизнь города. И сейчас нам хочется рассказать о земляках Чипполино, о простых итальянских ребятах и их взрослых друзьях, с которыми мы встретились в Риме.

«РОТ-ФРОНТ!» — ГОВОРИТ САЛЬВАТОРЕ

Италию называют «раем для туристов». Южная природа (пальмы растут здесь прямо на улицах, как у нас в Москве тополя), ослепительное солнце, замечательные памятники старины. Все это влечет в Рим тысячи богатых людей из Америки, Франции, Австралии.

Но попробуйте свернуть в сторону от туристского маршрута, который пролегает между Колизеем, где когда-то бился гладиатор Спартак, и знаменитой картинной галереей Ватиканского дворца — резиденции папы римского. Не успеете вы пройти и трех кварталов, как окажетесь в другом мире. Будто и не было нарядных людей, роскошных особняков, сверкающих лаком лимузинов. Да что лимузинов! Будто не было и солнца. Ведь в такую улицу-щель, глубокую, как сырой колодец, оно не может пробиться даже в полдень. Грустно, как паруса в безветренную погоду, повисло над улицей белье, которое хозяйки на длинных шестах вывешивают для просушки прямо из окон...

Вот мы идем по одной из таких улиц.

— Сальваторе! — Голос раздается сверху. На третьем этаже хлопает ставня. Из окна высовывается женщина и спускает на веревке маленькую корзиночку. — Сальваторе!

— Да, синьора!

На зов бежит мальчик с огромной корзиной на плече, доверху наполненной свежими булками. Едва успел он опустить хлеб в стоящую на тротуаре корзиночку, как хлопнула другая ставня, потом третья...

— Сальваторе, Сальваторе!..

Щуплая фигурка, сгибаясь под тяжестью ноши, заметалась от одного окна к другому.

Из маленьких обитателей квартала не только разносчик хлеба двенадцатилетний Сальваторе начинал это утро с работы. На той же улице гулко стучал молоток старика сапожника. Он сидел в дверях своей лачужки перед колодкой, на которой был натянут дряхлый башмак. Мальчик чуть постарше Сальваторе помогал ему. Неподалеку заклеивал камеру ученик велосипедного мастера. И лишь совсем крошечные ребятишки играли на пыльной мостовой.

Мы окликнули Сальваторе. Он подбежал к нам, готовый предложить свой товар.

— Нет, мы не покупатели. Мы журналисты из Москвы. Давай знакомиться.

— Моска? — Глаза мальчика засверкали. — Спутник!

— Спутник, спутник! — засмеялись мы и прикололи к его старенькой куртке, на которой не было ни одной пуговицы, значок с изображением советского лунника.

— А почему ты не в школе, Сальваторе?

Мальчик сердито пнул ногой свою корзину, будто она была виновницей всех его бед.

— Школа? Три года я учился. Отец сказал: хватит, пора работать. Ведь у нас дома еще четверо, они младше меня...

Мы узнали, что работать Сальваторе приходится даже по воскресеньям, а платят ему втрое меньше, чем взрослому. Таков закон в капиталистической Италии. Такие же гроши получают помощник сапожника и ученик велосипедного мастера. Они тоже подошли к нам, прося подарить советские значки.

А потом мы сфотографировали Сальваторе.

— Прислать тебе карточку?

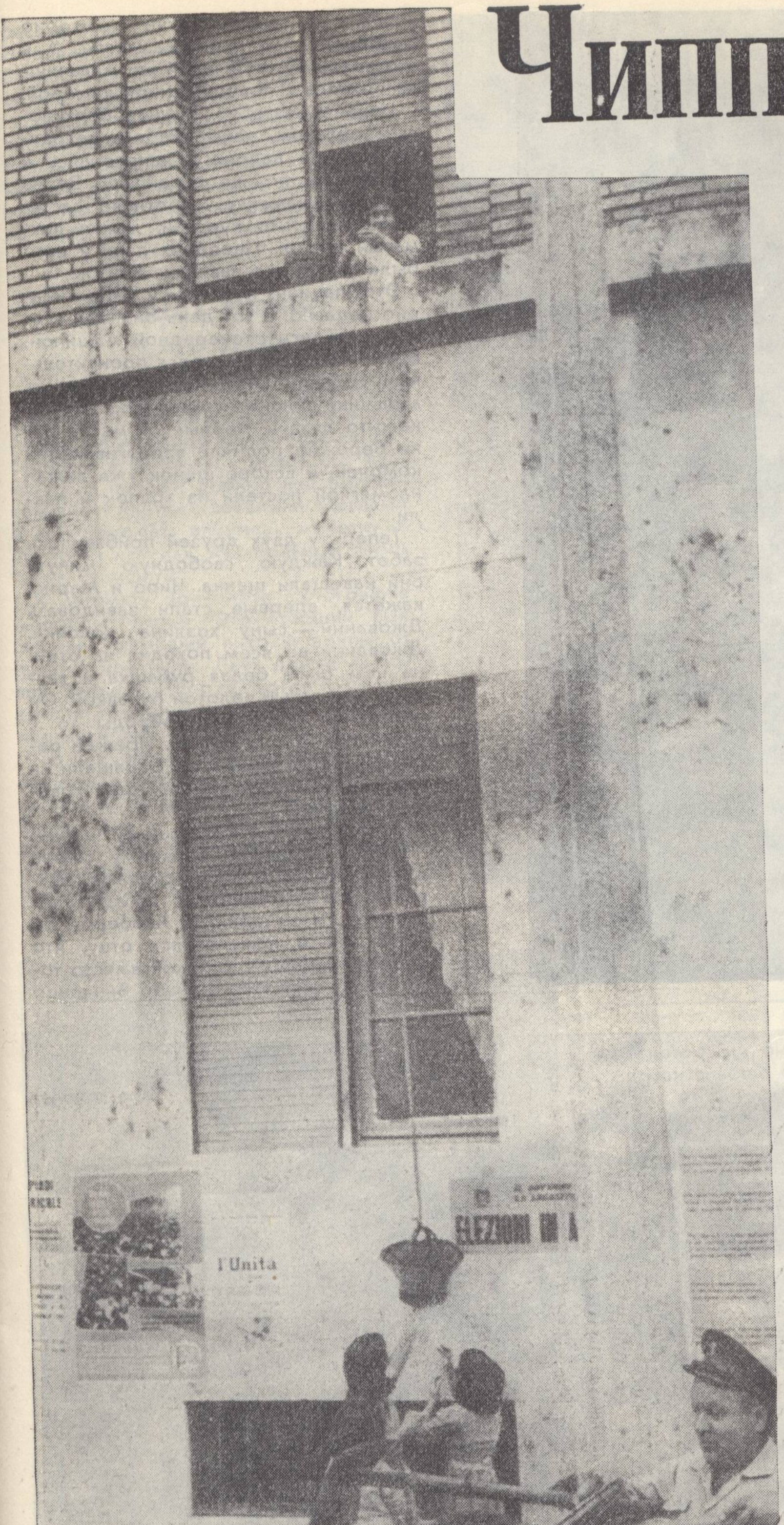
— Карточку? Мне? У меня дома нет ни одного фото!

— Тогда напиши нам свой адрес.

Сальваторе работает даже по воскресеньям.

Чипполино

Старательно закусив язык, наш новый знакомый непослушными пальцами написал в блокноте: Мэри Сальваторе, Рим. Виа Дей Торионі, 29.

Мы попрощались с Сальваторе и пошли дальше.

— Аривидерчи, компаньо! До свидания, товарищи! — послышалось нам вслед.

Оглянувшись, мы увидели, что все мальчишки улицы стоят, подняв вверх сжатые кулаки. «Ротфронт!» — это приветствие, этот жест, ставшие символом рабочей солидарности, были, видно, хорошо знакомы здесь.

ЖИВОЙ ЩЕНОК И ОГНЕДЫШАЩИЙ ПЕС

В Риме много автомобилей и бензиновых колонок. Покрашенные в яркие цвета, колонки стоят у обочин пригородных шоссе или на перекрестках. Над каждой — реклама нефтяной компании, бензином которой она торгует. Желтая раковина — английская компания «Шелл»; черная собака с шестью ногами, у которой, как у сказочного дракона, из пасти вырывается пламя,— марка итальянской фирмы «Аджипгаз». Шестиногих собак много: за последние годы в Италии выросла своя отечественная нефтяная промышленность.

Возле одного такого огнедышащего пса и остановилась на заправку наша машина. Ее соседом оказался большой туристский автобус на трех колесах. Четвертое лежало на земле.

В этом не было ничего удивительного — обычное дорожное происшествие. Необычно выглядел только механик. Он был так мал, что легко проскальзывал под автобусное брюхо, будто ящерица. Но на нем, как на взрослом мастере, была желтая рубашка с черной фирменной собакой, синий рабочий комбинезон и такая же кепка.

А главное, это был действительно настоящий мастер! Его пере-

Таким «грузовым лифтом» пользуются итальянские хозяйки, покупая хлеб, овощи, фрукты. Удобно!

пачканные маслом руки проворно разбирали, чистили, смазывали. А в это время другой такой же мальчишка возился с поврежденной камерой.

Наконец автобус, пыхнув бензиновым облаком, уехал. Ребята деловито вытерли ладони и направились к стоявшему тут же сарайчику. Возле него на скамейке, заботливо застеленной чьей-то курткой, лежал лохматый щенок. Передняя лапа у него была аккуратно завязана бинтом.

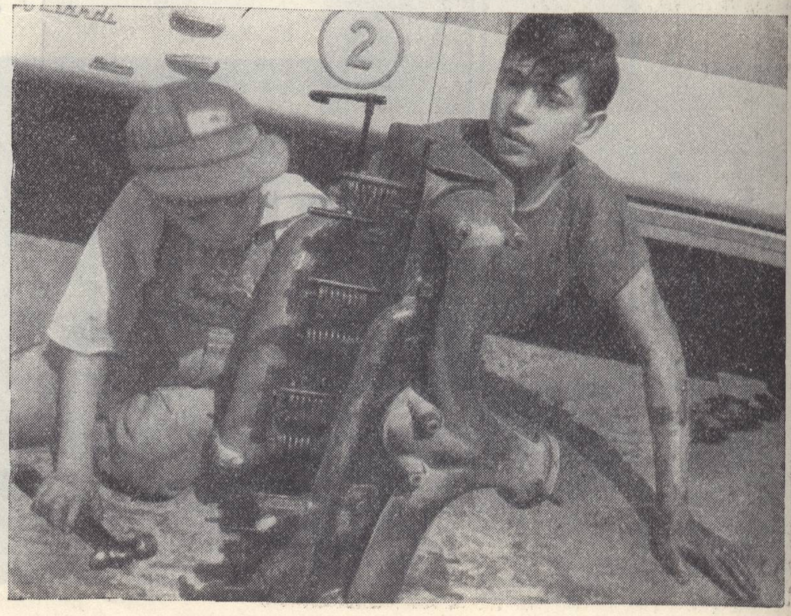
Этот пациент появился у Чиро и Марио недавно. В тот день они, как всегда, возились с очередной машиной. Вдруг на шоссе раздался пронзительный собачий визг. Через мгновение мальчики склонились над жертвой какого-то лихача. Черные от масла руки бережно подняли вздрагивающий комочек, и вскоре щенок уже лежал на мягкой постели из тряпок и пакли.

Теперь у двух друзей прибавилось забот. Каждую свободную минуту они навещали щенка. Чиро и Марио, кажется, впервые стали завидовать Джованни — сыну хозяина колонки. Джованни во всем походил на отца: на нем была белая рубашка и галстук, заколотый золотой булавкой. Он постоянно жевал бутерброды то с ветчиной, то с колбасой. Прежде ребята, занятые делом, не обращали на него внимания. А теперь Чиро говорил Марио:

— Эту ветчину бы нашему щенку!

Ребята отдавали больному самые лучшие куски от своих скудных завтраков. Но Джованни не догадывался поделиться со щенком. Наоборот, он даже как-то нажаловался отцу, что ребята нянчатся с собакой вместо того, чтобы работать. Синьор Винченцо

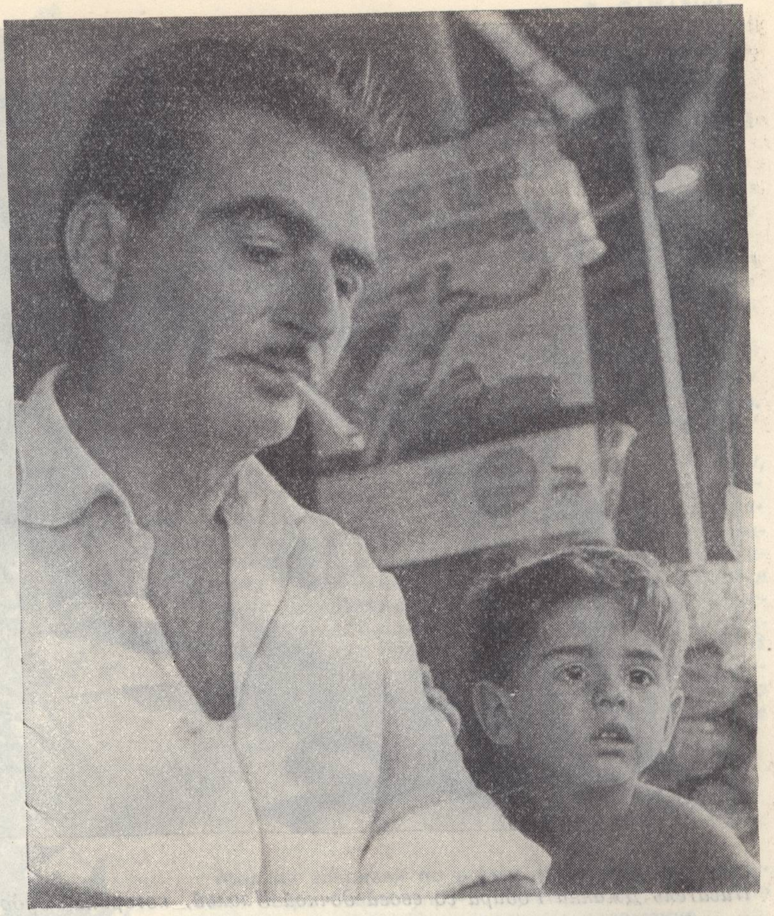
Этот знак рабочей солидарности хорошо знают маленькие римляне.

Руки Чиро и Марио умеют и «вылечить» автомобильный мотор и перевязать лапу больному другу.

рассердился и велел выбросить ее. И только заступничество взрослых рабочих помогло Чиро и Марио отстоять своего друга.

...Часто попадалась нам на итальянских дорогах черная, изрыгающая пламя собака. И всякий раз мы вспоминали двух друзей и их щенка. Живого, ласкового щенка, скрашивающего нелегкое детство двух ребят

Папаша Энрико, как и другие коммунисты, борется за светлое будущее своего маленького Иориса и всех детей Италии.

ПАПАША ЭНРИКО И ЕГО ДЕТИ

Папаша Энрико торгует фруктовой водой и сигаретами в лавчонке возле пляжа в пригороде Рима — Остии. Ребятишки всей округи знают его лавчонку. У папаши Энрико над прилавком висит клетка с веселыми щеглами и есть автомат: опустишь монетку — выскочит круглая, как большая горошина, конфета.

К автомату приколота фотография молодого парня. Это старший сын Энрико, погибший в годы войны от фашистской пули. Двух других сыновей Энрико потерял, когда они все вместе сражались в гарибальдийском партизанском отряде.

Те из ребят, кто постарше, уже понимают, что такие, как Энрико, освободили тогда Италию от фашизма. Знают они и другое: что сейчас в итальянском правительстве у власти стоят люди, которые считают коммуниста Энрико преступником, а врагов,

с которыми он сражался,— лучшими друзьями. Это правительство выплачивает старику Энрико за погибших детей такую пенсию, на которую можно разве что три раза в месяц пообедать.

А ведь у Энрико подрастают еще пятеро. Старшему, Карло, семнадцать. Он уже принял «боевое крещение». Недавно Карло участвовал в демонстрации против фашистов. Полиция встретила демонстрантов выстрелами, но Карло не отступил.

— Разве я мог сказать Карло: не ходи,— говорил нам папаша Энрико.— Народ Италии и сейчас живет плохо, а что будет, если у нас возродится фашизм!

Да, это так. Стоит посмотреть хотя бы на шалаш-хибарку, в которой живут Энрико, его жена и их малыши. Кажется, довольно одного сильного ливня, и это сооружение из фанеры и обрезков жести развалится на части. А ведь в Риме замечательно строят. В новых районах города вырастают красавцы дома из стекла и бетона. Но многие из них пустуют. Квартиры тут стоят слишком дорого, в десять раз дороже, чем пенсия, которую получает папаша Энрико.

Но этот немолодой уже человек не привык сгибаться перед голодом и нуждой. Вместе с тысячами других коммунистов Италии он борется за лучшее будущее ее маленьких граждан.

Писатель Джанни Родари со своей дочкой Паолой, которая с удовольствием рисует папиных гостей.

ДРУГ ВСЕХ ДЕТЕЙ

Остались позади вечерние огни, рекламы и витрины главных улиц Рима. Трамвай, с трудом преодолевая один подъем за другим, вползает в рабочий район. Тут рано встают и рано ложатся спать. Окна в домах плотно закрыты деревянными ставнями.

— Вилла Памфили! — громко выкрикивает остановку кондуктор.

Еще два квартала пешком — и мы у цели. В маленькой передней нас встречает старый знакомый — надутый, важный и смешной принц Лимон. Это кукла из папье-маше. Но ростом она почти такая же, как черноглазая девочка лет трех в синих штанишках, которая стоит тут же и с любопытством смотрит на нас.

— Бона сера! Добрый вечер! — раздается веселый голос. Он принадлежит невысокому, сухощавому человеку. Мы сразу узнаем его. Ведь это он придумал для ребят и принца Лимона, и хитрого мальчишку Чипполино, и злого синьора Помидора...

— Здравствуйте, Джанни!

Да, это был Джанни Родари, веселый и мудрый итальянский писатель-коммунист, друг всех детей на земле.

Сейчас, в дни Олимпийских игр, Родари пишет для взрослых о соревнованиях на стадионах. Он от души рад успеху советских спортсменов.

Мы передаем Родари подарки от маленьких советских читателей. Это герои его книжки, целлулоидные фигурки, которыми играют сейчас наши малыши. Джанни благодарит.

— Теперь Лимону, которого мне подарили польские кукольники, будет не так скучно, — улыбается он.

Родари ласково гладит Чипполино по луковичной головке и обещает поселить его на книжной полке, рядом со своими книгами, изданными на разных языках, рядом с томиками Маяковского, Гайдара, Маршака.

— Я был в Советском Союзе десять лет назад, — говорит Родари. — На будущий год собираюсь приехать еще раз... Пусть Паола походит в детский сад, хоть немного поживет при социализме, — с грустью добавляет он, поднимая на руки свою маленькую дочку.

Мы попросили Джанни написать что-нибудь для читателей «Пионера». И он написал, в том же блокноте, где были у нас адреса Сальваторе, Чиро, папаши Энрико:

«Дорогие советские пионеры!

Вырастайте скорее и старайтесь повторить замечательные успехи ваших чемпионов во всех видах спорта.

Ведь скоро настанет время проводить Олимпийские игры в космосе.

Будьте готовы к этому!

Посылаю вам самый лучший свой привет.

Джанни Родари».

Рим.

В. САПАРИН

Исчезновение Лоо

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рисунки П. Кирпичева.

Первые люди на Венере! Вы, вероятно, читали, ребята, рассказ В. Сапарина «Возвращение круглоголовых» — он был напечатан в 6 и 7-м номерах нашего журнала за этот год. Помните, как ученые, прилетевшие с Земли на Венеру, встречаются с обитателями этой планеты. Люди Венеры, коу, находятся еще на первобытной ступени развития. Они враждебно относятся к таинственным пришельцам. И только один из них, юноша Лоо, тянется к людям. В конце концов он приходит к ним и остается на построенной землянами научной станции. О том, что случилось дальше, вы прочитаете в новом рассказе того же автора — «Исчезновение Лоо».

1

Молнии сверкали по всему горизонту. Под порывами ветра башня упруго гнулась, а потом, словно маятник, возвращалась в прежнее положение.

— Не сломается,— заметил Барч, угадав мысли Горина.— Ее испытывали ураганом на Земле. Пластилит — самый прочный материал, который пока известен в солнечной системе.

Башня продолжала туго раскачиваться. Горин понимал, что, если бы она не качалась, она давно сломалась бы.

Могучие, как канаты, струи воды били в прозрачные стены обзорной площадки. Гигантские молнии впивались в почву вокруг станции, нигде, однако, не приближаясь к ней ближе чем на километр.

— Ну что ж,— вздохнул Горин,— отводное кольцо действует. Но я, собственно, подумал об обитателях Венеры. Каково им-то во время такого столпотворения?

— Сидят себе в пещерах и слушают сказки,— засмеялся Барч.— Ведь они абсолютно непромокаемы. Их шерсть не пробьет никакой дождь. А тавтолоны, наверное, просто счастливы в такую погоду. Квакают себе от радости, как лягушки. Вы забываете, что здешние существа, разумные и неразумные, находятся в обычной, своей, родной им среде.

— Люди каменного века тоже находились в привычной им среде. Однако она не казалась им очень уж уютной. Иначе человек не придумал бы всей этой техники.

— Можно спросить Лоо,— сказал Барч,— что ему больше нравится.

— Он редко выходит наружу и почти никогда не делает этого в одиночку, хотя Карбышев сказал, чтобы его выпускали в любой момент, когда ему

вздумается покинуть станцию. Похоже, он привязался к нам.

— Или ему некуда идти.

— К сожалению, он так мало рассказал о себе! Конечно, двадцать восемь слов — небогатый запас.

— Кстати, вот и наш герой.

При свете молнии оба увидели высокого юношу, покрытого густой шерстью, на коротких ногах с большими перепончатыми ступнями.

Он сделал несколько свободных шагов, но уперся в прозрачную стену. Юноша остановился почти машинально. У него начали уже вырабатываться рефлексы, связанные с передвижением внутри станции.

— Хотел бы я знать, о чем он думает,— заметил Горин.— Может быть, о своих соплеменниках? Куда они исчезли?

Юноша обернулся, сделал шаг назад, схватил Барча за руку и, поднимая свободную лапу вверх, выкрикнул:

— Хр-р!

— Новое слово? — обрадовался Горин.

— Никак не могу привыкнуть к его манере,— проворчал Барч, потирая руку.— Схватит, как клещами...

— У вас блок-универсал был включен? — заволновался Горин.

— Да. Я нажал кнопку, как только он вошел.

— Ну, тогда мы поймали что-то новое.

— Знаете,— Барч пожал плечами,— мне иногда кажется, что он знает гораздо больше слов, чем мы думаем. Лоо просто неразговорчив. Ему нужна конкретная обстановка. На отвлеченные темы он беседовать не мастер.

Лоо, услышав свое имя, обернулся.

— Лоо,— отрывисто произнес он, ткнув себя в выпуклую грудь.

— Барш! — добавил он, указывая на Барча.

Имя Горина он произносил в два приема: Го-ри!

— Идем,— сказал он затем отчетливо. Первое слово, которое он услышал при встрече с землянами.— Хр-р-р...— произнес он снова и замолк.

— Смышленый парнишка,— откликнулся Барч.— Все запомнил.

Дождь тем временем стал ослабевать. Последняя молния с треском развернула свой ослепительный клубок, и вдруг все стихло. Только на горизонте полыхали зарницы.

— Как здесь все сразу,— покачал головой Барч.

— Меня интересует другое: надолго ли? Мы разбросали по планете столько автоматических станций, а настоящей метеослужбы все еще нет.

Небо светлело. На нем появились светло-розовые пятна, а общий фон становился нежно-сиреневым.

— Взгляните,— сказал вдруг Горин.— Вон туда.

Плоский берег венерианского озера, голый, лишенный растительности, покрылся мелкими круглыми куполами, словно кожа пупырышками. Купола медленно росли. В ложбине между холмами, где скопилась жидкая грязь, вздувались и лопались большие пузыри, разбрасывая густые брызги. Купола на берегу тоже трескались, но медленно, как нарыв, образуя маленькие кратеры.

— Хочется высунуться в форточку,— простонал Горин.

— К сожалению, нельзя.— Барч сочувственно кивнул.— Но звуки включить можно.

Он тронул пальцами тумблер.

Тотчас же в пространство под куполом ворвались звуки планеты. Горину даже показалось, что он ощущает дыхание ветра на своем лице. Шорох, шелест, журчание скатывающихся последних струек воды. И на этом общем фоне с разных сторон слышалось то умиротворенное, то самодовольно-восторженное: «Хр-р-р...», «Хр-р...», «Хр-р-р...». Точно бесчисленное стадо бегемотов выражало свои чувства.

— А ведь это пузыри,— спохватился Барч.— Почва, мать сыра земля, перенасыщенная водой, нахватавшаяся воздуха, изъявляет свое удовольствие.

— Не это ли имел в виду Лоо? Он, наверное, знал, что дождь скоро кончится.

— Патрульным приготовиться к выходу! — раздался голос из репродуктора.

— Пошли,— сказал Барч.— Нам в патруль.

— Идем,— произнес Лоо.

— Ого, он хочет с нами. Возьмем его?

— Ну что ж, не в первый раз.

2

— Сто восьмой луч, сектор шестнадцатый,— сказал Барч.— Сплошной лес.— Он ткнул пальцем в карту.

— В лесу они вряд ли прячутся. Карбышев считает, что строение их тела более приспособлено к передвижению в воде.

Барч промолчал. На его жизни опровергалось столько гипотез, что он взял себе за правило не спешить с выводами. Тем более тут, на Венере.

Он повел вихрелет по сто восьмому лучу.

Внизу простерся широкий залив. Среди бутонов и полураспустившихся цветов гигантской лилии кое-где торчали маленькие головы тавтолонов, иногда из воды высовывалась спина животного, похожая на аэростат. Один тавтолон выбрался на сушу. Широкое книзу и сужающееся кверху тело напоминало отдаленно кувшин. Тавтолон водил по сторонам головой, неправдоподобно маленькой, качающейся на тонкой шее, как бутон на стебле. На вихрелет он не обратил никакого внимания, как, впрочем, и его собратья.

— Привыкли,— заметил Горин.— Как вы считаете, можно их приручить?

— Томсон из шестой экспедиции пытался. Тавтолон прокусил ему скафандр.

— Ну, одна попытка ни о чем не говорит. Представляете себе: стада многотонных красоток и наш Лоо на вибролете в качестве пастуха? Ведь рано или поздно придется переменить охотничий образ жизни и его сородичам.

— Надо сначала найти их.

Скоро кончилось озеро с плоскими берегами и окружающими его болотистыми равнинами. Внизу потянулся густой, непроходимый лес.

— Венерианская тайга.— Горин не спускал глаз с макушек деревьев.— Как сплошная ткань.

— Вот наша метка,— сказал Барч и показал на длинную розовую полосу в сизо-лиловой чаще. За розовой меткой шел все тот же лес, только, пожалуй, еще более густой.

— Собственно, такие участки можно бы и не осматривать,— заметил Горин.— Не представляю существа, которое могло бы здесь пройти.

Но тут Лоо схватил его за руку и показал вниз.

— Коу,— произнес он возбужденно.

— Коу — значит люди,— встрепенулся Горин.

Барч развернул машину.

— Не вижу,— признался Горин.— Может быть, Лоо почудилось?

Барч опустил машину еще ниже. Теперь она шла над самыми колючими верхушками.

В чаще появился небольшой просвет. Здесь рухнул растительный гигант и образовал брешь, которую тайга не успела затянуть.

— Коу,— повторил Лоо и показал вниз.
— Подежурим над этой полянкой,— сказал Барч.— Включите бинокль!

Тридцатикратный бинокль отбросил на экран отображение близкой, словно отстоящей на вытянутую руку, поверхности планеты. На мягкой почве, усыпанной пожелтевшими колючками и шипами, отпечатался след, напоминающий ступню человека.

След ребенка!

— Коу,— настойчиво повторил Лоо.— Коу-бу!

— Бу — значит лес. Лесные люди! Он не первый раз произносит эти слова. Может быть, это пигмеи?

След не напоминал широкую ступню Лоо. Взамен растопыренных веером пальцев с перепонками между ними на почве отпечаталась маленькая узкая ступня с прямыми, почти параллельными пальцами. Только один палец торчал резко вбок.

— Возьмите на себя управление,— сказал Барч.— А я спущусь.— Он откинул люк в полу и дернул ручку. На тонком, едва различимом глазом тросе сиденье пошло вниз.

— Тут много следов! — послышался его голос в телефон.— И все маленькие.

Некоторое время слышались звуки возни.

— Послушайте, Горин,— снова закричал Барч,— я поймал одну за хвост! Не знаю, то это или нет. Тащу, но боюсь, что хвост оторвется.

Барч возился довольно долго, потом крикнул:

— Спустите мне что-нибудь, чтобы усыпить ее! Это определенно зверь, и церемониться тут нечего.

Горин спустил по тросу снотворное.

— Чуть не укусила пульверизатор,— незамедлительно сообщил Барч.— Но зато хлебнула изрядную дозу. Кажется, готова. Можете тащить.

Горин включил механизм, втягивающий трос. Барч держал на коленях странное существо ярко-голубого цвета: лохматое, с голыми черными коленками и локтями, с ушастой головой, черным личиком и голым хвостом с ярким красным помпоном на конце.

Барч положил добычу на пол и захлопнул люк.

— Коу,— объяснил Лоо.— Бу.

В тоне его голоса чувствовалось презрение.

— Ветвь, не получившая развития,— сказал Горин.— Чего-то ей не хватало.

— Умения ходить на задних ногах.

— Ну, в здешней чаще и на четвереньках не пролезешь. Видите, она ползала на коленках и на локтях.

— Могла бы лазать по ветвям.

— А колючки? Ведь это не лес, а проволочное заграждение.

Барч вдруг рассмеялся.

— Лоо мог сколько угодно повторять нам свои «коу» и «бу», а мы так и не узнали бы, что он имеет в виду, если бы не поймали эту венерианскую «недобезьяну».

— Да, это маленькое чучело уничтожило целую научную гипотезу. Я полагаю, что версия о лесном племени разумных существ отныне провалилась.

— Не спешите с выводами. Конец сектора. Не возражаете против желтой?

Барч выпустил желтую несмываемую краску, а затем поменялся местами с Гориным. Лоо бросил жадный взгляд на клавиатуру управления.

— Ого, кажется, наш друг не прочь вести машину,— улыбнулся Барч.

— Вихрелет — опасно. На виброЛете можно дать поупражняться. Как-нибудь я с ним займусь,— пообещал Горин. Он взглянул на «недообезьяну», неподвижную, словно набитую ватой.

— Как мы назовем ее?

— Да так и окрестим — Коу-бу. Будет по крайней мере название, взятое прямо с языка венерианцев.

— И неверное в своей основе. Никакой это не человек.

— Так же, как наш орангутанг. Ведь орангутанг тоже значит «лесной человек».

...Вихрелет сел у ворот с тройными шторными дверями. Загнав машину в ангар, разведчики направились к входному тамбуру.

Лоо, подставляя тело под мощные световые струи, тихо урчал. Ему нравилась противомикробная обработка.

3

— Начинаю думать, что медаль Гаусса вам присуждена по чистой ошибке,— заметил Гарги.— Оказывается, вы не умеете считать до двадцати.

Мяч перестал прыгать под куполом спортивного зала.

— Во всем виноваты счетные машины,— объяснил Сун-лин.— Люди скоро забудут, сколько будет дважды два.

— А я утверждаю, что счет был девятнадцать-семнадцать! — запальчиво возразил Нгарроба.

— Ошибка совершена в начале нашего века,— вмешался Лыков.— Отмена судейства в спортивных играх — явно преждевременная мера. Разве можно доверять игрокам самим следить за своими промахами?

— Это сделали для развития чувства объективности,— улыбнулся Гарги.— Но эксперимент, как видите, провалился.

— Начальник! — взревел Нгарроба.— Вы здесь старший. Подтвердите, что я прав.

— Вас разыгрывают,— отмахнулся Карбышев. Он работал на снарядах.— Неужели не понимаете? Им неинтересно вас просто обыграть. Они хотят еще вывести вас из себя. Это же спорт!

— Обыграть? Меня? — удивился Нгарроба.— Команда, в которой я нахожусь, не проигрывает. Черт с ними, с очками! Начнем сначала.

Игроки стали по местам.

Прежде чем пробили первый мяч, на площадку совершенно непредвиденно выбежал Лоо. Вид его говорил, что он собирается принять участие в состязании. Он ничего не понял в происходившем споре, но решил, что Нгарроба нуждается в поддержке.

Нгарроба несколько озадаченно посмотрел на неожиданного союзника.

— Ладно,— сказал Костя.— Пусть играет. Я выйду.

Противная сторона точно подала мяч: он пролетел над самой сеткой, нацеленный в пустое место. Барч сделал бросок, словно кидался в воду. Он ухитрился наподдать мяч кончиками пальцев и тут же упал, как кошка, на руки. Нгарроба ждал, когда ему перешлют мяч для завершающего «мертвого» удара. Но тут раздался звук, похожий на выстрел: Лоо держал в руках то, что осталось от мяча.

— Послушай, друг, надо полегче,— сказал Лыков. Он взял из рук Лоо раздавленный мяч и отбросил в сторону.— Гляди! — Он подкинул новый мяч, осторожно поймал, подбросил еще раз и стал наподдавать сложенными ладонями.— Понятно?

Лоо кивнул головой. Он научился этому у «небесных людей». От нетерпения он переступал с ноги на ногу.

Игра возобновилась. Лоо в азарте схватил мяч. При броске он сшиб с ног игрока своей команды. Мяч лопнул.

— Играть с этим медведем положительно невозможно,— расстроился Гарги.— Надо затребовать с Земли грузовую ракету с запасными волейбольными мячами.

— Раньше чем через три года все равно не пришлют.

Лоо раздавил еще шесть мячей, и Гарги сказал, что на сегодня хватит. К величайшей досаде Нгарробы, его команда оказалась в проигрыше. Лоо виновато жмурил круглые, без век глаза.

— Ладно,— смилостивился Нгарроба, хлопая своего подопечного по волосатой спине.— Не виноват же парень, что он такой сильный.

— А как, по-вашему, каким видом спорта ему лучше заниматься? — поинтересовался Карбышев.

— Ему — спортом?! — воскликнул Гарги.

— Вы забываете,— возразил Карбышев,— что для Лоо находиться среди нас все равно, что горному жителю спуститься в долину. Нужны упражнения, сохраняющие подвижность грудной клетки венерианцев в земных условиях и в искусственной атмосфере станции. Иначе обратный переход от богатой кислородом атмосферы к бедной будет представлять для них затруднения. Лоо и сейчас это дается не просто.

— Борьба,— предложил кто-то.— Борьба требует хорошо поставленного дыхания.

— Только кто посмеет с ним бороться? Разве Нгарроба!

— Его нужно научить лучше двигаться,— сказал Гарги,— чтобы он не сшибал игроков.

— Для этого есть два способа: гимнастика и вольные игры.

— Гимнастикой его трудно уговорить заниматься. Остаются игры.

— Ладно,— сказал Гарги.— Пусть играет в волейбол. Я буду заклеивать порванные мячи. Но только, чур, он играет в другой команде. Меня такая глыба может просто раздавить!

Лоо, уловив дружески-восторженный взгляд Гарги, улыбнулся ему. Он раздвинул углы широкого рта и сморщил свой короткий нос.

— Смотрите,— удивился Барч.— Можно подумать, что он понял.

4

Все сто восемь лаборантов Барча работали без устали. Результаты своих исследований они печатали на стандартных бланках — тонких, плотных листах бумаги, сверкающих, как накрахмаленное и подсиненное белье. Бланки бежали по конвейеру и исчезали в магазине машины, которая обобщала полученные результаты, сравнивала с данными из других источников и печатала сводные сведения, сопровождая их таблицами и всеми логическими выводами, прямыми и косвенными. За день она выдавала два-три тома трудов, каждый из которых в прошлом веке мог бы быть приравненным к кандидатской диссертации. Конечно, к средней диссертации, но все же требовавшей нескольких лет работы.

Время от времени раздавался тонкий писк. Это очередной электронный лаборант, выполнив задание, требовал работы.

— Нелепость какая-то,— ворчал Барч, поднося комок почвы в герметически запаянном сосуде к зеву автомата.— Человек, единственное разумное существо в лаборатории, должен выполнять работу подсобного рабочего.

— Если вас унижает обслуживание автоматов,— заметил Горин, забежавший к Барчу,— я соберу машину, которая избавит вас от этой заботы. Вы будете объяснять ей, что вы хотите получить, а она будет раздавать задания лаборантам и работать без вас круглые сутки. У нас на складе сколько угодно готовых узлов, из которых можно сложить все что хотите, а для меня такие головоломки — сущее удовольствие.

— Совсем другое дело,— согласился Барч.— Все-таки стационарная лаборатория, а не полевая какая-нибудь.

— Я, собственно, ищу Лоо,— объявил Горин.

— Вчера он целый день катался на самодвижущихся дорожках в центральном коридоре. А третьего дня лазал по запасной лестнице на самый верх обзорной башни. Счастливец! Каждый день открывает что-нибудь новое. Что он вздумал делать сегодня, я не знаю. Ко мне он не заглядывал.

— Карбышев поручил начать с ним уроки рисования. Вернее, посмотреть, не умеет ли он изображать что-нибудь на глине или камне. После Нгарробы он больше всего благоволит к нам с вами. А Карбышев хочет, чтобы общение с Лоо шло как можно естественнее.

— Попросите дежурного поискать его!

Дежурный включил пульт обзора станции. Лоо нигде не оказалось. В то же время автомат-привратник доложил, что Лоо не выходил в дверь, которой обычно пользовался, покидая станцию.

Дежурный сразу стал озабоченным.

— Не испарился же он! Правда, все опасные помещения на замке. Я полагаю, он не мог проникнуть как-нибудь к шинам высокого напряжения.

— Может быть, он отправился с кем-нибудь?

— Обычно сообщают, если берут Лоо с собой. Отсутствуют два экипажа: вихрелет и «черепаха». Сейчас проверю.

Первым откликнулся вихрелет: о Лоо там ничего не знали. «Черепаха» молчала; автомат, сообщающий каждые десять минут ее координаты, показал ее последнее местонахождение в восточном углу Большого озера. Очевидно, она находилась в погружении. Через несколько минут автомат выбросил буй для передачи очередного сообщения, и «черепаха» поймала вызов станции. На ее борту Лоо тоже не было.

— Послушайте,— спохватился Горин.— А остальные машины на месте?

Дежурный нажал кнопку «ангар» и, оглядев помещение, с изумлением воскликнул:

— Нет вибролета! Самого маленького. Одноместного.

Горин почувствовал угрызение совести.

— Локатор засекает что-нибудь? — поспешно спросил он.

— В зоне чисто. Автомат-передатчик тоже молчит. По-видимому, не включен.

5

Охотники племени Хц наконец-то убили большую кулу. Все старались съесть как можно больше мяса. Такие удачи в последнее время стали редкостью.

Круглоголовые, судя по всему, вовсе и не думали уходить. Они пригнали с собой целое стадо небесных кулу, ревущих так, что можно оглохнуть. Потом они сделали что-то такое, от чего на голом месте выросли не то деревья, не то скелеты каких-то больших животных. Эти скелеты-деревья двигались, хотя и медленно, и словно из камней сложили на ровном месте полупрозрачную гору с пещерами, в которых поселились круглоголовые. Все, что им было нужно, круглоголовые доставали из своих небесных кулу, вспоров им брюхо. Пустые кулу, теперь уже явно мертвые, стояли вокруг поселения круглоголовых, словно караулили его. Круглоголовые их не ели. Впрочем, у небесных кулу такая жесткая кожа, а возможно, и мясо, что о них ломаются даже летающие жала.

Охотники, посланные Хц на разведку, прибежали очень напуганные. Небесные кулу сваливались с неба одна за другой, и их огненные хвосты делали самую мягкую почву твердой, как кость, а деревья зажигали. Лоо, ушедший с охотниками, куда-то пропал и с тех пор не появлялся. Хц сразу понял, что круглоголовые вернулись, чтобы отомстить стаду и захватить его места охоты. Места, и правда, были хорошие: вокруг много открытого пространства и большая вода рядом. Кулу водились тут, как личи в луже. А круглоголовые все шарят вокруг. Они залезают в зверя, похожего на зеленого зума, но только гораздо крупнее, и плавают, ныряют, а когда захотят, выходят на сушу и могут продвигаться даже в самых густых зарослях. Их большой зум мечет при этом огонь и валит деревья, как траву. А еще они могут летать и гудят во время полета, словно гигантские жуки. И с каждым днем они забираются все дальше и дальше от своих прозрачных пещер.

Надо уходить и отсюда. Сейчас, пока люди сыты. Хц говорил сегодня на эту тему особенно долго. Он кривлялся, по обыкновению, и с силой сжимал длинные пальцы, похожие на клешни.

Стадо слушало молча. Люди устали. Они видели в своем воображении огромных, толстых, жирных кулу, которых они лишились.

Когда Хц закончил, в ответ не раздалось единодушного «ха», к которому он так привык. Просто кое-кто пошевелился, некоторые переступили с ноги на ногу, а Быр, тупой и могучий великан, никогда ни над чем не задумывающийся, равнодушно почесал грудь.

Первый раз Хц ощутил, что его слова не встречают отклика. Он еще раз оглядел все стадо и от растерянности сам переступил с ноги на ногу.

А стадо уже окончательно расшевелилось. Люди поглядывали по сторонам и собирались разойтись.

Хц в отчаянии поднял длинные худые руки.

— Ха! — воскликнул он так патетически, как только мог. Не без ужаса ожидал он, что вот сейчас повернутся в его сторону две-три головы с равнодушным вниманием — и все.

К его удивлению, в ответ раздалось такое дружное «ха», какого он не мог даже вообразить. Хц выпрямился и торжествующе ударил себя в грудь. Но тут же заметил, что люди смотрят не на него, а поверх его головы.

Слабое жужжание, которое он принимал за один из тех звуков, что постоянно раздаются в лесу, усилилось. Он быстро обернулся. Низко над деревьями летел огромный жук, а внутри него, в просвечивающем насквозь теле, виднелся силуэт коу.

Круглоголовые захватили стадо врасплох! Хц открыл рот, чтобы отдать распоряжение, но замер на месте.

Жук повис в воздухе над поляной. Прозрачные, почти невидимые крылья неутомимо вибрировали. Внутри яйцеподобного туловища, хорошо различимый, сидел радостный, счастливый, разинувший в улыбке рот до ушей...

— Лоо! — воскликнул Быр.

— Лоо! — повторило с восхищением стадо.

И Хц показалось, что почва под его ногами колеблется.

Никто не смотрел на Хц. Головы на толстых шеях, словно выходящих из покатых плеч, повернулись в сторону Лоо, чудесным образом державшегося в воздухе. Клапаны ноздрей у людей были откинуты, как всегда в минуты крайнего возбуждения. Двое-трое тихо взвизгивали.

Лоо, насладившись произведенным впечатлением, опустился так низко, что до него можно было дотянуться рукой. Люди расступились, жук, который нес в своем теле Лоо, коснулся брюхом бурой, усыпанной обломками ветвей почвы.

Затем с жуком что-то произошло. Его туловище раскололось, верхняя часть разошлась на две половинки, они откинулись и висели по краям. Жужжание прекратилось, стали видны на миг крылья, медленно взмахивающие за спиной, потом они сложились и исчезли.

Лоо встал с сиденья и стоял теперь, открытый по пояс. Все окончательно забыли про Хц.

Лоо, к всеобщему удивлению, произнес целую речь.

— Небесные коу,— сказал он и показал на небо. Потом ткнул себя ладонью в грудь и с убеждением добавил: — Небесный Лоо.

— Ха! — воскликнуло стадо в восторге и ужасе.

Никто не сомневался в его словах. Он действительно спустился с неба. Значит, он побывал там, у небесных коу.

— Небесные коу,— повторил Лоо и махнул рукой в сторону, где остались пещеры стада. Он еще раз отчетливо выговорил: — Небесные коу! — Потом с большим усилием добавил: — Много кулу. Большие кулу. Хорошие пещеры.— Тут он сделал паузу. Потом подумал и решил, что сказал достаточно.

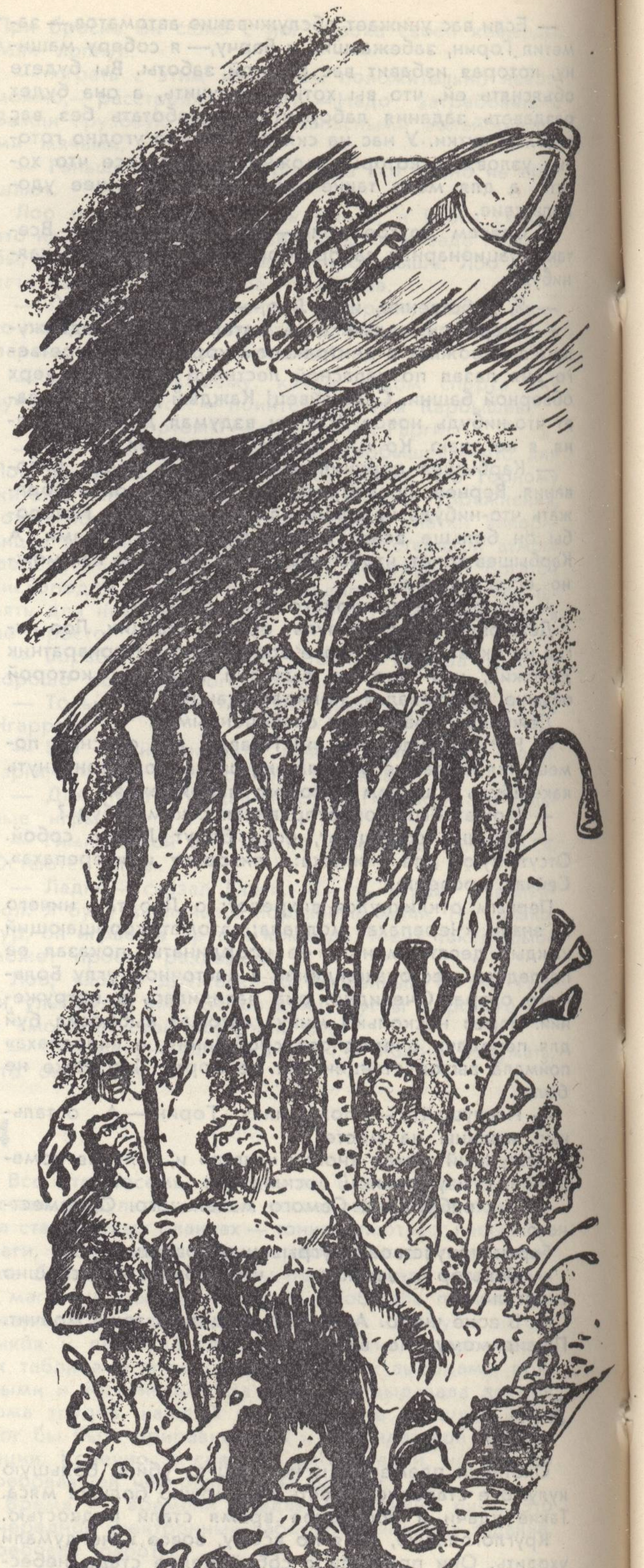
Он махнул еще раз рукой, сел в кресло, сделал небольшое усилие, словно хотел сдвинуться с места. Тотчас же прозрачные створки кабины вибролета захлопнулись, за спиной Лоо развернулись легкие просвечивающие крылья, вибролет стал подниматься в воздух. Едва он поднялся до верхушек деревьев, как полетел вниз. Лоо не мог, конечно, понять, что это результат того, что он вдруг увидел Хц, и ему захотелось посмотреть на старого вождя вблизи. Аппарат, управляемый биотоками, возникающими в организме при одном появлении желаний, имеет свои неудобства. Инстинктивно, увидя совсем близко поверхность планеты, Лоо мысленно отпрянул, и вибролет тотчас же взмыл кверху.

Хц, видя летящее на него сверху тело, со страху упал на колени, и ладони его коснулись скользкой, упругой, немнущейся травы.

— Ха! — раздался из всех глоток крик ужаса.

Встать на четвереньки на глазах всего стада! Хц тотчас же вскочил. Ноги его дрожали. Все теперь смотрели на него, но это было совсем не то внимание, которого он так жаждал. Закон требовал неукоснительного изгнания из стада человека, опустившегося на четвереньки. Сам Хц внушал всегда, что это правило не должно знать исключений. Закон, введенный когда-то для того, чтобы заставить людей резче стряхнуть с себя звериное прошлое, уже давно превратился в обычай, но соблюдался тем более строго.

Пока Хц топтался на месте, машина Лоо продолжала парить над стадом. Она жужжала так настойчиво, что люди перевели наконец свои взгляды на него. Лоо жестами показал, что Хц может присоединиться к стаду. Лоо сам однажды нарушил закон,

правда, никто не видел его тогда. Потом он понял, что совершенное им не так уж страшно. Он не хотел подвергать Хц наказанию, которого избежал сам.

Хц сделал неуверенный шаг к стаду. Не потому, что он признал право Лоо приказывать. Ему стало страшно остаться одному. Человек не может существовать один. Изгнание из стада означает смерть.

Лоо поднялся над деревьями и медленно полетел. Он даже не оглядывался. И так велик был авторитет прилетевшего с неба Лоо, что стадо подчинилось. Разрозненной толпой оно следовало за ним, пробираясь в редких зарослях.

Хц брел позади, склонив узкую голову с низким скошенным лбом, с тупым затылком, покрытым блестящей, местами потертой шерстью. Он стал рядовым, более того, самым жалким членом стада.

6

— Вина отчасти на мне,— сказал Горин.— Прошу дать мне возможность найти Лоо.

— Лоо на этой планете — дома,— пожал плечами Лыков.— Особенно беспокоиться нечего.

— Не уверен,— возразил Сун-лин.— Одному тут нелегко. Я думаю, он потому и пришел к нам, что отбился от племени.

— Опасность еще и в другом,— сказал Нгарроба.— Представьте себе ощущения Лоо. Он летит! Радость дикаря и необузданность желаний могут тянуть его неизвестно куда.

— Или он падает в воду в километре от станции,— мрачно заключил Гарги.— Лоо не владеет своими чувствами, как мы. Вибролет не для первобытных существ.

— Мне кажется,— снова возразил Сун-лин,— что будь на месте Лоо нервный земной человек прошлого века, тот скорее свалился бы. Вибролет последнего образца, как ни парадоксально, лучше всего приспособлен для людей XXI века на Земле и каменного века на Венере. У Лоо замедленные реакции и верные инстинкты. Это то, что нужно.

— Тем не менее это первый его самостоятельный полет со всеми вытекающими отсюда последствиями,— сказал Нгарроба.

— Я повторяю свою просьбу,— напомнил Горин.

— Ну что ж,— сказал Карбышев,— было бы жестоко отказывать вам в этом. Но только вы не должны действовать в одиночку.

— Я согласен отправиться в паре с Гориным,— объявил Барч.

7

Сверху могло показаться, что в траве запуталась пчела. Брюшко, золотистое, с темными внутренностями, блестело на солнце, тонкие прозрачные крылышки смялись о жесткие стебли.

Но то, что казалось травой, представляло собой гигантские колючие заросли матово-сизого цвета. Пчела же была потерпевшим аварию вибролетом.

— Никак не подберешься,— в сердцах сказал Горин.

Барч, работавший следопытом в Службе биологической защиты на Земле, бывавший в разных переделках, не тратил слов на выражение эмоций, он просто пошел в новый круг.

— Видите кольцо? — коротко сообщил он Горину.— В нем шанс.

В тыльной части вибролета, чуть выше того места, откуда выходят крылья, имелось кольцо, соединенное со скелетом летательного аппарата. За него подвешивали вибролет при транспортировке или хранении в ангаре. Обычно прячущееся в углублении кольцо сейчас отошло от толчка, и можно было надеяться зацепиться за него крюком.

«Черепаха», прожигая ход в зарослях, сможет прийти сюда только через неделю. Опуститься человеку тут просто некуда. Отовсюду торчали острые и длинные шипы и колючки. Одного прокола в скафандре достаточно, чтобы в него ринулись полчища микробов. Путешественников окружали как бы бактериологические шприцы.

— Другого шанса нет. Попытаемся!

Горин достал лесу, из тех, что на Земле применяются для ловли тунцов, и подвязал грузило с крючком.

В то время как Барч старался удержать вихрелет над застрявшей в зарослях машиной, Горин движениями рыбака то опускал, то поднимал руку с намотанным на нее шнуром.

Раза два крючок зацеплялся за шипы и, как ни дергал Горин леску, не хотел освобождаться. Приходилось обрезать ее, подвязывать новую снасть и начинать сначала.

— Хватит ли лесы? — засомневался Горин. Но тут же он воскликнул: — Ага, попалась!

Крючок задел кольцо. Теперь следовало не ослаблять лесу

— Попробуйте,— сказал Горин,— только потихоньку.

Барч стал поднимать аппарат вертикально. Горин через люк в днище наблюдал. Леса, привязанная к стойке, натянулась так, что превратилась в идеальную геометрическую линию. Сейчас она со звоном лопнет!

«Пчела» внизу даже не пошевелилась. Должно быть, она крепко застряла в растительном клубке, вцепившемся в нее зубами и когтями. Особенно страшны были загнутые шипы растения, напоминавшего толстого удава, лениво переползающего от ствола к стволу.

Тогда Барч повел машину в сторону, потом в другую — старый прием рыболова, у которого получился задев лесы. При каком-то из этих маневров вибролет внизу дрогнул.

— Есть! — закричал Горин.

Но дело не пошло так просто. Груз, повисший на лесе, выдирался короткими толчками и снова застревал — иногда, казалось, еще основательнее, чем прежде. Горин и Барч действовали терпеливо и настойчиво.

Вот уже вся спина механического насекомого показалась над верхушками деревьев. Только «лапки» — нижняя часть — удерживались невидимыми сверху зацепами.

— Осторожнее! — предостерег Горин.— Лоо может вывалиться прямо на колючки.

Но тут леса, упруго натянутая, подпрыгнула, как это случается, когда крупная рыба сходит с крючка. Горин, смотревший в люк под ногами, увидел, что леса не оборвалась и крючок цел, более того — попрежнему крепко держит кольцо. Но само кольцо вместе с двумя-тремя «хребтинами», к которым оно было прикреплено, выдернулось из обмякшей оболочки вибролета.

Человек Венеры, сидевший внутри яйцеподобного прозрачного туловища, выпал лицом вниз и застрял в ветвях двух переплетенных друг с другом деревьев, прошитых толстым колючим швом какой-то лианы.

— Ниже! Как можно ниже! — крикнул Горин.

Барч остановил аппарат, только когда примятые и пригнутые ветви с визгом стали царапать обшивку. Горин поспешно захлопнул люк. Жесткие, колючие ветви вползали внутрь вибролета и уже шарили там, словно выискивая возможность укусить путешественников за ногу.

Теперь человек Венеры различался хорошо. Мохнатая согнутая спина, бугры мускулов, обозначенных слишком жестко, словно застывших. Одна рука держала сломанную ветвь и прижимала ее к телу. Другая свободно свешивалась. Большие ступни с перепонками между пальцев казались чужими и нелепыми здесь, в лесном океане.

— Бедный Лоо! — сказал Горин.

— Он мертв! — глухо произнес Барч.

От волнения он слишком сильно нажал клавиш на пульте. Возникший вихрь привел в движение ветви, и туловище, в которое они вцепились, перевернулось.

— Ай! — невольно воскликнул Горин.

На него глядело мертвое лицо, морщинистое, исхудалое и вытянутое.

— Это не Лоо,— вымолвил потрясенный Горин.

8

— Один взгляд на этот труп говорит, что перед нами не рядовой член племени. Как хотите, а этот старик с грубыми чертами лица и скошенным лбом представляется мне мыслителем,— сказал Сун-лин.

— Ваш мыслитель мог убить Лоо,— мрачно заметил Гарги.

Нгарроба нетерпеливо двинулся с места.

Карбышев остановил его жестом.

— Предположим,— сказал он,— что мыслитель действительно захватил вибролет силой. Тогда, если авария произошла вскоре же, Лоо, живой или мертвый, должен находиться где-то поблизости. Очень важно и другое: Лоо встретился с сородичами.

Карбышев подошел к табло с фотокартой территории планеты, простирающейся вокруг станции.

— Они должны выйти к воде,— сказал он, вычерчивая световым карандашом большую стрелу.— Но наступает ночь. Они могут уйти в темноте. Искать нужно безотлагательно. Все патрули — в этот район!

9

В ночном мраке чужая планета казалась особенно дикой и полной загадок. Внизу мелькали какие-то огоньки: одни двигались без всякой системы, другие оставались на месте. Изредка показывались огни, менявшие свой цвет, словно светофор.

— Может быть, нам сигнализируют? — высказал предположение Горин.

— Или сообщают о нашем передвижении,— возразил Барч.— Что на экране?

— Слишком много источников инфракрасного света. Картина искажается. Мы где-то на границе леса и воды.

Большой светящийся шар поднялся снизу и поплыл навстречу вихрелету.

— Смотрите не столкнитесь! — предостерег Горин.— Кто знает, что это за штука.

Сверкающий шар темно-синего цвета, словно притягиваемый летательным аппаратом, приближался сбоку.

— Оглянитесь,— прошептал Горин.

Еще три шара, переливающихся цветами от сере-

бристо-зеленого до ярко-фиолетового, подходили к вихрелету сзади.

— Не нравятся мне эти елочные игрушки,— пробурчал Барч.

Он протянул руку к клавишам. Но один из шаров уже коснулся летательного аппарата. Вибролет качнулся, стал боком, и Барч с ужасом почувствовал, что руки его немеют. Горин увидел голубую ленту, вылетевшую из шара, прежде чем он лопнул.

— Это шаровые молнии! — крикнул он.— Или еще что-то...

Вибролет крутился на одном месте, будто муха с оторванным крылом. Еще несколько шаров, словно влекомые любопытством, направились к нему. Их сверкающая поверхность холодно переливалась.

— Ходу! — закричал Горин.— Хоть вверх ногами!

Но Барч не мог пошевелить одеревеневшими пальцами. Обозлившись, он ударил по клавиатуре пульта локтем. Включилось сразу несколько сопел, сильные потоки воздуха забили из вихрелета, под влиянием какой-то неуравновешенной силы он закувыркался, как бумажный змей, выпущенный из рук. Шары отступили в сторону, но затем стали снова приближаться.

Барч хотел крикнуть Горину, чтобы тот переключил на себя аварийное управление, но язык не повиновался ему.

Горин уже сам понял, что должен действовать, но удобный момент был упущен. Автоматические застежки замкнули его тело в несколько обхватов. Сидя в кувыркающемся кресле, как бы привязанный к нему, Горин испытывал головокружение. Он потерял ориентацию, и протянутые в темноте руки не могли найти переключатель. Шаря лихорадочно ногой, он нащупал педаль аварийного выброса и нажал ее. Тотчас же кресло, в котором он сидел, выскользнуло из тела вибролета и понеслось к сверкающей мелкими огоньками поверхности планеты.

Парашют раскрывался постепенно, так что Горин не ощутил толчка, а почувствовал только усиливающееся давление кресла. В стороне и чуть ниже болталось кресло Барча, оно безостановочно крутилось.

Какие-то обломки летели со свистом вниз. Один проскочил совсем неподалеку, другой задел край парашютного купола. К счастью, их успело отнести в сторону, когда следующий, самый большой обломок с ревом промчался мимо.

Когда ноги Горина коснулись почвы, наверху все уже было кончено. Он обнаружил, что по колено стоит в болоте. Неподалеку шлепнулся в воду Барч.

Они погасили купола, вынули из-под сидений ранцы с НЗ и побрели, осторожно ступая по вязкому болоту. Прожекторы на их шлемах освещали воду, из которой то тут, то там торчали растения, сейчас казавшиеся совсем фантастическими.

Когда они приблизились к какому-то кусту, похожему на клубок шерсти, клубок вдруг распался, а нитки, составлявшие его, поплыли по воде, делая резкие зигзагообразные движения и сверкая зелеными точками.

Хотя нижняя часть скафандров изготовлялась из пластических материалов особой прочности и могла соперничать в этом смысле с броней, в которую заковывали себя средневековые рыцари, ощущения путников были не из самых приятных.

По радио они уже сообщили о том, что с ними случилось. Каждые десять минут они передавали новые сведения о себе. Разговоры, которые они вели друг с другом, фиксировались на паутинных нитях магнитной записи. Если с ними что-нибудь случится, товарищи будут все знать.

Они шлепали по болоту, проваливаясь местами по пояс. Иногда попадались ямы, в которых путники не могли нащупать дна.

— Может быть, позовем помощь?

— В воде ждать рискованно. Кто гарантирует, что какой-нибудь любопытный не подстерегает нас?

— Достаточно существа с острыми клешнями,— согласился Горин.— Вроде того гигантского жука, которого обнаружили, когда искали Ольсена.

— Яма. Осторожнее! — крикнул Барч.

Тотчас же вода перед ним вскипела, и на поверхность вынырнул круто уходящий вверх хребет, заканчивающийся тонкой шеей с маленькой головкой на конце. Рассекая воду, животное поплыло прочь.

— Ах, черт! — выругался Барч.— Эта тварь меня напугала. Самое смешное, что эти гиганты — отчаянные трусы.

— Нгарроба утверждает, что если тавтолон находится на суше и вы его спугнете, он в девяти случаях из десяти бросается к воде, а спугнутый в воде устремляется к берегу. Не проверить ли его теорию?

— Вы предлагаете последовать за этим животным?

— Вот именно.

— Поплыли.

Скафандры держали их на поверхности. Прожекторы, укрепленные на шлемах, бросали длинные полосы света. Он выхватывал из темноты листья гигантской лилии, лежащие на воде, и бутоны, чуть приподнятые над ее поверхностью. Один из бутонов, засеребрившийся в электрическом свете, вдруг задвигался, и из воды показалась утолщающаяся книзу шея.

— Опять тавтолон! — воскликнул Горин.— Или это тот же самый?

Тавтолон, вытянув шею, как это делает лошадь, плывущая в воде, и поматывая маленькой головкой, устремился прочь.

— Послушайте,— спросил Барч,— вам не кажется, что он переменил направление? Куда, по-вашему, мы должны сейчас плыть?

— Вон на ту бочку или бревно, которое там болтается на воде.

— Уж во всяком случае это не бочка.

Действительно, предмет, издали похожий на бочку, при приближении к нему утратил это сходство. Теперь он напоминал скорее шляпку гигантского гриба, плавающую на воде.

Но когда Барч, подплывая вплотную, хотел хлопнуть гриб ладонью, как это делают пловцы, достигшие финиша, «гриб» вдруг метнулся в сторону и, бурля воду, исчез, оставив расходящиеся круги.

— Это был жук! — воскликнул Барч.— Тот самый, чьих клешней мы должны опасаться.

— Куда же плыть? Нам нужен берег.

Слабый свет возник вдруг далеко впереди. Он осветил дерево, ветви, закрученные штопором; желтые огоньки пробежали по ним — и все погасло.

— Костер?!

Через минуту свет снова появился, но уже в другом месте.

— Он движется?

При следующей вспышке дерево переместилось еще дальше.

— Не может же дерево шагать по берегу...

— Значит, двигаемся мы!

— Нас несет течением.

В следующее мгновение где-то далеко, у самого горизонта, вспыхнула и затрепетала зарница. В неясном ее свете блеснула вода. А слева от себя пловцы увидели островок с одиноким деревом. Наступила темнота.

Они успели взять курс на остров. Вскоре он выплыл из темноты, похожий в свете прожекторов на фантастический корабль.

— Видите, мелькают какие-то тени?

— Одна похожа на тавтолона.

— Эти животные не умеют разводить костров.

— Посветите получше!

При свете фонарей неясные блики, бегающие по стволу и ветвям одинокого дерева, померкли. Но зато ясно вырисовывалась огромная туша тавтолона. Он наполовину вылез из воды. Вытянутая шея лежала на песке, словно животное спало.

— Видите? — возбужденно сказал Барч, хватая Горина за руку, когда оба достигли твердого песчаного дна и встали рядом.

— Вижу. Это дротик! А вот и второй...

Из туловища тавтолона торчало несколько тонких, похожих на камышины палок.

— Значит, спугнутый и раненный, он пришел сюда умирать.

— Выходит, версия Нгарробы подтвердилась.

— Тавтолоны не нумерованные. Не берусь судить категорически.

— А где тени? Те, что двигались?

— Посмотрите-ка внимательнее.

Горин взглянул на силуэт тавтолона, вырисовывающийся на фоне мерцающего света, и ему показалось, что животное шевелится.

— Это от костра. Обман зрения.

Оба разведчика вышли на берег. У подножия одинокого дерева тлел потухавший костер. Язычки пламени бегали по сложенным поленьям, иногда какое-нибудь из них вспыхивало, и тогда все дерево освещалось на короткий миг от подножия до макушки.

Барч подошел к костру и вдруг бесцеремонно засунул руку в перчатке в самое пекло. Горин не успел ничего вымолвить, а следопыт размахивал перед его носом пылающей головней.

— Никакой это не костер! — объявил он.— Возьмите в руку.

Горин осторожно коснулся пальцами головешки и не ощутил тепла. Тогда он смелее схватил пылающее полено.

Оно светилось холодным фосфорическим светом. Даже сейчас, держа полено в руках, Горин с трудом убеждал себя, что полено не горит. Он размахнулся и бросил его в сторону. Полено полетело, вращаясь и, как показалось обоим, разбрасывая искры. Тотчас же раздался крик и всплеск воды, затем все стихло.

— Гм,— пробормотал озадаченный Барч. — Такое впечатление, что на острове не только тени.

Они стали обследовать островок. Пустой пляжик, небольшой холм, на нем дерево, под ним фосфоресцирующие венерианские гнилушки.

— И все-таки это костер! — торжествующе воскликнул Барч.— Смотрите!

Он рылся в груде светящихся кусков дерева, блики бегали по всему его телу. Его малиновый скафандр словно тоже приобрел способность светиться и пылал в темноте, как факел.

— Обломки не от этого дерева,— резюмировал Барч.— Никакой другой растительности на острове нет. Значит...

Хриплый крик прервал его слова.

— Вас зовут,— произнес вдруг Горин.

Звук повторился, и Барчу тоже показалось, что он похож на что-то вроде:

— Ба-а-а-ртщх!

— Лоо! — закричал Горин.— Лоо!

Он надавил подбородком клапан в шлеме, включающий микрофон для разговора вслух.

— Лоо! — повторил он.

В ответ послышался только слабый шелест ветра в ветвях дерева.

Потом плеснула вода у берега. Оба быстро повернулись в ту сторону. Овальное опрокинутое блюдо плыло, отталкиваясь лапами, как веслами, и блестя мокрой спиной.

— Опять этот жук...

— Он, оказывается, и кричит.

— И к тому же знает ваше имя.

Слабый свет озарил путешественников сзади. Голубые блики забегали по рукавам скафандров.

Обернувшись, они увидели Лоо, стоявшего позади них с головешками в руках.

— Лоо! Черт! — крикнул Барч.

— Вот так жук! — Горин принялся трясти Лоо за руку.

Лоо в свете ламп от шлемов землян лучился самой чистой радостью. Он отбросил ненужные сейчас головешки.

— Где ты прятался? Почему не вышел сразу? Кто похитил вибролет?

— Где люди, которые убили кулу?

Вопросы сыпались до тех пор, пока спрашивающие не сообразили, что Лоо с его запасом слов все равно не в состоянии ни понять, ни ответить им.

10

Первым опомнился Барч.

— Нет. Так нельзя. Давайте по порядку. Где ты был?

Лоо показал на озеро и произнес слово, означающее «вода».

— Так. Понятно. Что ты там делал?

— Глядел,— ответил Лоо.

— На кого?

— Ты,— пояснил Лоо и ткнул Барча рукой в грудь.— Он.— Лоо показал на Горина.

— Он не сразу узнал нас,— догадался Горин.— Наши прожекторы оставляют человека в тени. Пока мы не осветили себя головешками, когда стали рыться в костре, Лоо не мог узнать нас.

— Хорошо. А кто устроил костер?

Барч подвел Лоо к светившимся гнилушкам и показал на них рукой.

— Лоо,— ответил юноша. Он гордо выпрямился. Чувствовалось, что он очень доволен.

— Зачем? — допытывался Барч.

Но Лоо только улыбался.

Оба с сожалением посмотрели на юношу.

— Вибролет? — спросил Барч.— Ж-ж...— И он зажужжал, замахав руками, словно крыльями.

Лицо Лоо стало жестким.

— Хц,— сказал он с оттенком негодования.

— Что значит «хц»?

— Может быть, «украл»? Он первый раз произносит это слово.

— Вряд ли в их языке есть такое понятие. Скорее, «взял» или «отнял».

— Хц,— повторил Лоо. И вдруг сморщил лицо, стал приседать и размахивать руками. Потом выпрямился, гордо уставился в небо и так забарабанил кулаком по грудной клетке, что она чуть не загудела.

Что-то знакомое промелькнуло в сморщенном лице Лоо.

— Узнаете? Он представляет того типа, чей труп мы нашли в вибролете,— сообразил Горин.— Значит, Хц — имя.

— Но каким образом вибролет очутился у него? Оба выжидающе смотрели на Лоо.

Юноша начал топтаться на месте, вминая в рыхлый песок свои ступни с перепонками. Он сам хотел бы сейчас рассказать все.

В его голове проносились картины недавних событий. Поход в зарослях. Он кружит над лесом, в то время как люди пробираются внизу. Потом привал на какой-то странной поляне: ее покрывала трава красного цвета. Хц рвал траву, подносил людям к носу, те, оттопырив клапаны, жадно вдыхали. Постепенно они приходили в возбужденное состояние, начали ссориться. Лоо пытался уговорить людей покинуть нехорошее место. Он хотел скорее вывести стадо к воде. Но его попросту отпихивали, если он оказывался у спорящих на дороге.

Хц повелительным жестом, словно он был по-прежнему вождем, приказал Лоо показать ему летающее яйцо. И Лоо, на которого вдруг напало необъяснимое легкомыслие, с какой-то непонятной торопливостью подчинился. Он помог Хц усесться в кресле и нажал рукой рычаг «внимание» — единственный рычаг, которым Лоо умел пользоваться. В следующий момент Хц вместе с аппаратом поднялся в воздух. Лоо запомнил его торжествующую и испуганную гримасу.

Потом Лоо почувствовал, что грудь его словно наливается чем-то теплым и бурлящим. Он шагнул вперед, оттолкнул оказавшегося поблизости Быра и стал возбужденно выкрикивать. Что он кричал, он потом не мог вспомнить. Очнулся он на траве. Ветер обдувал его лицо. Люди стада с зевотой поднимались на ноги, мрачные, вялые, недовольные. Когда ветер донес запах травы, Лоо почувствовал, что он сейчас вывернется наизнанку. Вероятно, нечто подобное ощутили и другие, потому что многие захлопнули клапаны ноздрей, и все дружно пошли за Лоо, когда он повел их прочь.

Но, сделав несколько шагов, Лоо с ужасом убедился, что не знает, куда идти. Сверху он видел воду — она блестела далеко за лесом. Сейчас, в зарослях, найти правильное направление он не мог. Летающее же яйцо исчезло вместе с коварным Хц.

— Хц,— повторил Лоо и переступил с ноги на ногу. Он сделал неуклюжий жест, долженствующий означать полет,— простой взмах рукой.

— Это мы знаем,— разочарованно произнес Барч.— Итак, все, что мы выяснили,— обернулся он к Горину,— имя похитителя. Может быть, когда-нибудь мы поймем, что случилось.

— Для чего костер? — снова задал вопрос Горин. Он потрогал ногой куски дерева, и они вспыхнули так натурально, что ему захотелось отдернуть ногу.

Лоо понял вопрос.

— Бартчш,— ответил он,— Го-ри.

— А ведь он устроил эту иллюминацию для нас! — воскликнул Горин.— Но как он сообразил, что мы неподалеку?

— Он понимал, конечно, что мы будем его разыскивать. Он знал, что мы ищем племя.

— Знаете, это уже большая сообразительность!

Юноша молча переводил взгляд с Барча на Горина. Лицо Лоо изображало внимание и стремление понять, о чем идет речь. Вместе с тем чувствовалось, что содержание беседы ускользало от него. Он понимал только, что разговор касался его. Он растерянно и застенчиво улыбался.

— Коу? — настойчиво спросил Горин.— Коу? Как «много» по-здешнему? Ведь «х-хи», да? Коу — х-хи! Х-хи — коу!

Лоо отступил на шаг. Потом показал на воду.

Горин и Барч осветили поверхность озера прожекторами. Мелкая рябь появлялась и исчезала вместе с легкими порывами ветра. В прибрежной полосе раскачивались тростники.

Лоо подошел к туше тавтолона, с усилием выдернул один дротик и, опустив его острие в воду, поболтал. Затем он высоко взмахнул рукой и нанес сильный удар по воде; острый сплющенный наконечник дротика пришелся плашмя к ее поверхности. Раздался звонкий звук, почти музыкальный, но такой резкий, что у Барча и Горина, несмотря на наушники в шлемах, зазвенело в ушах. Лоо ударил еще дважды таким же образом.

Ветер стих. Тростники, торчавшие из воды, вдруг зашевелились, словно невидимая рыба расталкивала их. Потом они стали расти. И вот из воды стали показываться мокрые, сверкающие в лучах прожекторов головы, как две капли воды похожие на голову Лоо.

— Древки от дротиков служат им для дыхания! — воскликнул Горин.

Высунув головы, соплеменники Лоо уставились на Барча и Горина круглыми недоверчивыми глазами.

Барч и Горин повернулись так, что свет от их прожекторов перекрещивался на фигуре Лоо. В белом свете прожекторов, сверкающий, точно отлитый из серебра, стоял не застенчивый, робкий юноша, каким видели Лоо Горин и Барч минуту назад, а вождь — спокойный, властный, сознающий свою силу.

Но что сделают его подопечные в следующий момент? Нырнут снова в воду или пустят в ход свои дротики?

Лоо повернул голову, и, словно волна прошла по озеру, все головы повернулись туда, куда глядел Лоо. Он протянул руку к Барчу и Горину, и те догадались осветить своими фонарями друг друга.

— Небесные коу! — произнес Лоо торжественно и не запинаясь.— Небесные коу!

Он сделал паузу. Лоо чувствовал себя уверенно, как Хц в период своего господства.

— Лоо,— сказал Лоо и ткнул себя в грудь.— Коу! — произнес он веско. Он продолжал показывать одной рукой на Барча и Горина, а другую простер в сторону озера и замерших в волнении слушателей.— Коу,— повторил он настойчиво. И добавил: — Небесные коу!

Выступление Лоо не походило на многословные представления старого Хц.

Стадо слушало внимательно. Все ждали, что будет дальше. Лоо не знал, что еще говорить. Но тут его выручил Быр.

Быру наскучило слушать слова, и, мало раздумывающий, поступающий под влиянием порыва, он решительно двинулся к Лоо, разрезая грудью воду с таким шумом, словно не выходил из озера, а бросался в него. Шум разрушил оцепенение, охватившее стадо, люди зашевелились, двое-трое испуганно нырнули в воду. Вслед за тем, подчиняясь стадному инстинкту, и другие потянулись за Быром. Они выходили из воды, отряхиваясь всем телом так, что брызги летели с густой шерсти в разные стороны, и сбивались в кучу, сжимая толстыми, мускулистыми руками дротики.

Никто не приблизился к Барчу и Горину. Так стояли они двумя группами. Толпа венерианцев и два пришельца с Земли.

В воздухе раздалось тонкое комариное пение.

Барч и Горин не повернули головы. Они отлично знали звук вибролета на большом удалении. Кто-то шел им на помощь. В шлемофонах прозвучал сигнал вызова. Карбышев, находившийся в первом вибролете, сообщил, что следом летят другие, но что он боится, не спугнут ли они венерианцев.

Небо вдруг посветлело. Венерианское небо, не отличающееся постоянством, подготовило очередной сюрприз. Течения и вихри, что постоянно разыгрываются в толстом облачном слое, окутывающем планету, образуют иногда что-то вроде окошка, и тогда на поверхности планеты наступает резкое посветление, словно электромеханик в театре включил несколько дополнительных софитов.

Рассвет, давно подкрадывавшийся, вдруг прорвался через такое окошко и осветил бледным, точно процеженным через густое сито, рассеянным светом одинокий островок. Тотчас же погас костер у подножия дерева, на песке теперь лежали мертвые деревяшки. Тускло заблестела вода. А звук в небе усилился, вибролет пел торжествующе и счастливо, как птица на Земле.

Лоо встрепенулся.

Вот он, тот момент, которого он так ждал, когда старый Мбаэ с покривленной спиной (его придавила синяя глина в пещере) вывел стадо к озеру, ориентируясь на запах воды, он чуял его своими огромными ноздрями сквозь дали зарослей.

Лоо надеялся все время на небесных коу. Увидев рухнувшее дерево Ночной Огонь, он приказал собрать обломки: пригодятся, чтобы дать знать о себе небесным коу. Увидев воду, Лоо так обрадовался, что, не устраивая отдыха, кинулся в нее. За ним последовало все стадо. Люди стада не любили леса. В воде они чувствовали себя свободнее и увереннее. Течение понесло их, отдаляя все больше от берега. Они плыли, а обломки дерева в их руках светились разноцветными огоньками.

Вдруг кто-то заметил кулу. Высунув из воды маленькую голову на гибкой шее, она плыла к острову.

Тотчас же, без всякой команды, несколько охотников нырнули и поплыли под водой, стремясь подойти к острову с обратной стороны. Остальные развернулись в цепь и, изогнув ее дугой, начали охватывать плывущую кулу с тыла. Загонщики шумели, кричали торжествующе «ха!», били по воде обломками Ночного Огня. Обломки описывали короткие сверкающие дуги, отражающиеся в воде.

Раза два кулу пыталась вырваться из облавы, но огни устремлялись ей наперерез. Тогда она решительно направилась к острову.

Охотники уже сидели в засаде. Быр руководил ими. Каким-то чутьем он умел определять момент, когда выгоднее всего наносить удар кулу. Вот и теперь, едва кулу вышла на мелкое место и показалась почти вся из воды, в тот миг, когда она не могла ни плыть, ни скакать, что делает ее особенно опасной, Быр выбежал навстречу ей и с очень близкого расстояния первым бросил свое «летающее жало» прямо под ее передние лапы. От волнения и оттого, что схватка происходила в темноте, многие охотники промахнулись. Однако жало, брошенное Быром, сразило кулу. Это было редчайшей удачей. Случа-

лось, что и днем кулу уходила от охотников, унося в своей толстой коже до десятка жал.

Обломки Ночного Огня сложили в одном месте. Переливающиеся холодным пламенем, они освещали весь островок и сраженную кулу.

Все беспрекословно слушались Лоо. Он велел захватить Ночной Огонь, и тот помог в охоте на кулу. Он приказал сложить Большой Ночной Огонь, и опять все увидели, что это хорошо. Но когда Лоо заявил, что скоро прилетят небесные коу, стадо всполошилось. Фигура старого Хц, потрясающая длинными руками, предостерегающая, грозная, жила в воображении людей. Их мозг не мог переварить столько событий за короткое время.

Поэтому, когда на озере показался яркий свет, все бросились в воду.

Лоо полез в воду вместе со всеми. Но он все время поглядывал из-за куста. Когда ему показалось, что он узнал Барча, он окликнул его.

И вот стадо стоит в нескольких шагах от небесных коу.

При общем молчании Карбышев посадил свой виброплет на песчаном холме. Люди стада уже видели летающее яйцо и, провожая его взглядами, продолжали ждать.

Карбышев знал около тридцати слов из языка существ, стоявших против него, но решил применить всего три. Случайно он выбрал почти те же самые, что вымолвил уже Лоо. И повторение одних и тех же слов руководителями двух человеческих коллективов с разных планет придало происходящему характер своеобразного устного договора.

— Коу,— сказал Карбышев и показал на себя.— Коу,— повторил он и протянул руку к стаду, десятками глаз следившему за каждым его жестом.— Лоо.— Он указал на Лоо.— Кар-бы-шев,— произнес он и указал на себя. Он хотел сказать «друзья» или «братья», но ему недоставало слова, которое могло бы иметь подобный смысл.

А небо снова посветлело, и в нем ясно слышался разноголосый шум нескольких вихрелетов. Машины мчались к островку, окруженному серо-лиловой водой, обгоняя друг друга и заливаясь на разные голоса. Вызванные по сигналу «тревога», обитатели станции спешили на первое свидание с жителями Венеры.

Венерианцы повернули головы к небу, но продолжали молчать.

Тогда Карбышев понял, что и ему нужно сделать паузу. То, что видят сейчас эти волосатые существа с круглыми, без век, звериными глазами, с жадно оттопыренными клапанами носа и ушей, со ступнями, похожими на ласты животных, то, что они воспринимают сейчас, гораздо больше того, что он смог бы передать им словами их языка, даже если бы владел полным их запасом.

Вихрелеты один за другим шумно, поднимая клубы песка, садились на тесный остров. Из них выбегали люди в скафандрах, окрашенных в разные цвета. Рассветные сумерки смягчали краски, и фантастическая картина казалась нарисованной нежной пастелью.

Одним из первых на песок соскочил огромный, широкоплечий Нгарроба. Думая, что все церемонии закончены, или просто забыв про них, он, обрадованный встречей с Лоо, бросился прямо к нему и сжал его в своих объятиях. Землянин, какой-нибудь нежный Гарги тут же и погиб бы, вероятно, как шутил впоследствии сам индиец, но для Лоо стальные обручи африканца соответствовали самое большее легкому похлопыванию по плечу.

Счастливый, прекрасно настроенный Нгарроба бросился жать руку Быру, стоявшему впереди остальных.

Карбышев радостно рассмеялся. Нгарроба нашел то слово, которого не хватало Карбышеву, а заодно и способ его передачи.

Быр, осклабившись так, что рот раскрылся до ушей, действуя тоже скорее импульсивно, чем разумом, стиснул в ответ руку Нгарробе.

Это был самый опасный момент в жизни африканца, как признался он впоследствии.

«Я почувствовал, как кости у меня хрустят,— говорил он,— я напряг изо всей силы пальцы, чтобы они не оказались раздавленными в лепешку. Природа, отправляя этих ребят в долгий путь развития, снабдила их таким запасом силы и здоровья, что можно только позавидовать».

Нгарроба побледнел, что стало заметно даже сквозь прозрачный шлем. С большим трудом он удерживался, чтобы не скорчиться и не упасть на колени. Когда жим его страшного друга ослаб, Нгарроба собрался с силой и что было мочи двинул Быра по плечу. Рука Нгарробы отлетела, точно от кожаной боксерской груши. Быр снова осклабился. Африканец закрыл глаза, ожидая ответного удара, от которого он отлетит метров на двадцать. Но Быр, видимо, не сообразил дать такой ответ. Он только зажмурился, как кошка, у которой почесали за ухом. Тогда Нгарроба дал ему еще два тумака, после чего оба почувствовали, что стали друзьями.

Эта сцена сняла все остатки напряженности. Неподвижные, словно скованные, фигуры венерианцев зашевелились.

— Ха,— произнесло несколько хриплых резких голосов.

Лоо поднял кверху дротик, и все замолкли.

Он протянул дротик Карбышеву, и тот взял его.

— Ха! — воскликнуло единодушно все стадо.

— По-видимому, что-то вроде посвящения в охотники,— сказал Сун-лин.— Вас как бы принимают в члены этого племени.

Быр уже протягивал свой дротик с древком, покрытым грубыми зарубками, Нгарробе.

— Ха! — снова воскликнуло стадо.

— Дело подвигается вперед,— заметил Гарги.— Отношения устанавливаются.

— Кто дежурный на станции? — спросил Карбышев.

— Ив.

— Пусть передает на Землю.

— Репортаж идет,— сообщил Гарги.

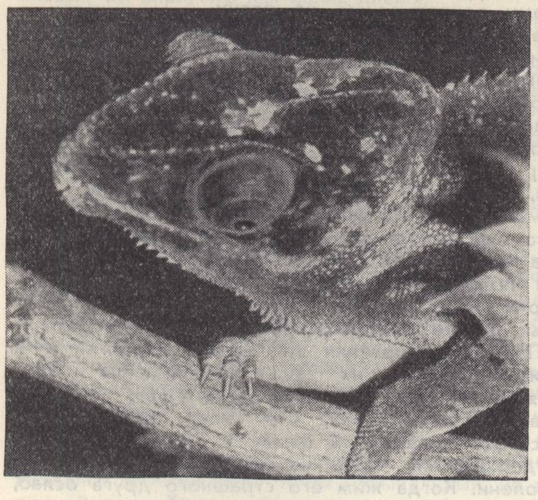
С островка на станцию, а со станции на Землю летели сигналы. На далекой родной планете люди, затаив дыхание, следили на телеэкранах за тем, как первые венерианцы вручали их посланцам символ дружбы — свои дротики. Оружие, которому никогда не суждено будет отныне быть обращенным против человека.

— Лоо! — воскликнул Нгарроба.— Черт! Иди, я тебя еще раз обниму. Ты все-таки молодец! Решил задачу, над которой мы так долго бились!

Лоо наморщил нос.

— Идем,— сказал он отчетливо.

И все рассмеялись.

Будьте знакомы: слева — красотка Роза, справа — Кутька. Не думайте, что снимок с Кутькой по ошибке перевернут! Перевернут вниз головой сам Кутька. Он считает, что так висеть очень удобно.

ГОСТИ ИЗ ЖАРКИХ СТРАН

ФЕДЯ, РОЗА И КУТЬКА

Этой весной из большой океанографической экспедиции в Индийский океан мне удалось привезти двух хамелеонов и щенка летучей собаки, или, точнее, летучей лисицы. Хамелеоны были пойманы на маленьком островке Носи-бе около Мадагаскара, летучая собака, которую мы сразу прозвали Кутькой,— на острове Занзибар. Наш подшкипер снял ее спящую с пальмы.

Прежде всего пришлось заботиться о том, как прокормить необычных пассажиров. С Кутькой этот вопрос решался легко: пока мы были в тропиках, на судне было достаточно его привычной пищи: бананов, манго, ананасов. Хуже было с насекомыми для хамелеонов — где их найдешь в открытом море? Попробовали кормить Федю и Розу кусочками мяса, не особенно надеясь, впрочем, на успех: я уже знала, что хамелеоны хватают только движущуюся добычу. Первое время мне помогало то, что хамелеоны были дикими. Протянешь пинцет с кусочком мяса — хамелеон угрожающе разевает пасть, шипит, а ты в это время кладешь мясо в рот. Он с возмущением выплевывает мясо и все же — голод не тетка — иной раз и проглотит кусочек. Когда Федя и Роза привыкли к неволе и перестали бросаться на протянутую к ним руку, с кормежкой стало труднее. Пьют они только с пипетки.

На корабле хамелеоны ночью сидели в небольших пластмассовых банках, а днем ползали по каюте. Кутька весь день спал в своей клетке вниз головой, уцепившись когтями задних лап за сетчатый верх клетки. Просыпался он обычно часов в семь-восемь вечера и благосклонно соглашался съесть кусочек банана или манго, а позднее — яблока. Большую часть вечера и почти всю ночь он лазал по своей клетке и иногда ухитрялся выбраться из нее.

Первые недели, пока Кутька не стал ручным, он не раз кусал меня своими острыми зубами. Удары его когтей на крыльях тоже были малоприятны. Но, к счастью, он очень быстро приручился, и теперь, когда держишь Кутьку на руках и нечаянно как-нибудь притиснешь его, он очень осторожно сжимает зубами палец — дает знать, что ему неприятно.

Мы покинули страну вечного лета и шли к Одессе. Предстояло решить трудную задачу: как доставить нежных животных в Москву, как уберечь их от холода в дороге? Банку с хамелеонами как следует закутали, а Кутьку я запеленала в платок так, что наружу торчала только его забавная мордашка, похожая на мордочку тойтерьера с большими, тонкими, постоянно шевелящимися ушами. Как теперь уложить его поудобнее? Знаю, что класть его нужно вниз головой — ведь так он проводит всю свою жизнь,— но рука не поворачивается придать этому беспомощному тельцу такое противоестественное, с нашей точки зрения, положение.

И Кутька и хамелеоны хорошо перенесли дорогу. В Москве хамелеоны поселились в просторном террариуме. Пищей им теперь служили мучные черви.

Я кладу в террариум червей и наблюдаю. Выпуклые глаза хамелеона блуждают независимо друг от друга, они могут смотреть почти в любом направлении. Но вот оба глаза уставились в одну точку, оба смотрят на мучного червя. Быстрое, почти неуловимое движение — изо рта вылетел непомерно длинный язык с утолщением на конце, конец этот прикоснулся к червяку и мгновенно вместе с ним скрылся во рту.

Первым начал охоту Федя и съел уже пять-шесть червей, пока Роза отважилась схватить первого. У них вообще разные характеры. Федор добродушен, а Розалия раздражительна и недоверчива. Если она не очень голодна, то никогда не станет есть, пока на нее смотрят. Иной раз подойдешь к террариуму и видишь: Розка нацелилась было на добычу, но увидела меня и сразу же равнодушно отвернулась. Садишься за стол и делаешь вид, что не обращаешь на нее внимания,— она покосится-покосится и принимается за прерванную охоту.

В хамелеонах нет суетливой несолидности наших ящериц, нет неуклюжести черепах. Все их движения полны достоинства и очень пластичны. Окраску же они меняют не в зависимости от цвета фона, как, например, камбалы, а в зависимости от своего внутреннего состояния. Спящие хамелеоны мертвенно бледны. При возбуждении они темнеют, покрываются по бокам ярко-розовыми пятнами, а если их раздражить — становятся почти черными. Так ведут себя Федя и Роза. Наши товарищи привезли крупных зеленых хамелеонов. Конечно, и зеленая и коричневая окраска имеет маскировочное значение, но наши хамелеоны и в зелени листьев не становятся зелеными, зеленые же хамелеоны и на бурых стволах и ветках деревьев сохраняют свой цвет. Они незаметны для своих жертв и для хищников благодаря своей малой подвижности.

В июле мы перевезли наших питомцев на дачу. Наступили жаркие дни, и террариум целые дни стоял в саду под кустом. Часто мы сажали хамелеонов на какой-нибудь куст или дерево. Если Розе случалось оказаться на одном кусте с Федей, пусть даже на другой ветке, она начинала на него угрожающе шипеть: уходи, мол, отсюда, это мой куст. И это несмотря на то, что в тесном террариуме они живут мирно.

Через некоторое время Роза стала спускаться на землю. Она отправлялась на огород и там своими тонкими и, казалось бы, совсем неприспособленными лапками рыла ямки глубиной до десяти сантиметров. Но все ямки почему-то не удовлетворяли ее. Вскоре Роза отложила в террариуме яйцо, затем другое, и, наконец, мы стали обладателями двадцати трех яиц, каждое длиной около полутора сантиметров, в плотных эластичных белых оболочках. Несмотря на то, что мы помещали их в различный грунт (в песок, садовую землю, торф) при различной температуре и влажности, все яйца погибли. После переезда в Москву Роза снова отложила двадцать семь яиц. Может быть, на этот раз удастся получить потомство хамелеонов.

Во всяком случае, мы были обрадованы тем, что все-таки, видимо, хамелеонам не так уж плохо у нас, иначе они не стали бы размножаться. Этому, вероятно, способствовало разнообразное питание: хамелеоны с удовольствием ели жуков, бабочек, гусениц, мух и особенно кузнечиков.

Кутька быстро освоился на новом месте, он совершенно не дичится чужих людей. Это ласковый, «душевный» зверек.

На даче его избаловали, и по вечерам то и дело слышался требовательный визг: это значило, что собачка хочет есть или что ей просто скучно. Кутьке понравились наши огурцы, салат, вишни, черешни, клубника, малина, крыжовник, сливы, абрикосы, персики, виноград, яблоки, арбузы, дыни, различные соки, из которых предпочитает томатный, но больше всего остального любит привычные бананы. Если даешь Кутьке неочищенный банан, он начинает въедаться в него так, что вскоре в банановой кожуре исчезают и голова и плечи. Кутька — закоренелый вегетарианец, он презрительно отворачивается и от самых различных насекомых и от кусочков мяса. Только в последнее время удалось приучить его съедать немного яичного белка, да и то если с медом.

Когда мы садимся ужинать, он обычно пристраивается у кого-нибудь на плече, мурлычет на ухо, как котенок, и, вися, как всегда, вниз головой, смотрит на всех сидящих за столом своими большущими выразительными глазами.

Наступила зима. Как-то перенесут ее наши тропические гости?

В. Мокиевская,
старший научный сотрудник Института океанологии АН СССР

ЛЕМУР И ВОЛАБИ

Лемуры относятся к очень древней группе полуобезьян, и когда-то они населяли громадную территорию. Теперь эти зверьки редки и сохранились лишь в жарких тропических лесах Мадагаскара, островов западной части Индийского океана, Южной Индии, Цейлона и Восточной Африки, там, где у них нет конкурентов и врагов. Да это и понятно. Ведь им нечего противопоставить своему противнику: у них очень слабые челюсти и, как у всех обезьян, мягкие ладошки с длинными пальцами и ногтями вместо когтей.

Зато нигде на земле не найдете зверя, который мог бы сравниться с ними в быстроте и ловкости. Сильные задние лапы, громадный хвост-руль, тонкий слух помогают им спасаться от врагов. Поэтому так трудна охота на них.

Правда, люди придумали разные способы добычи лемуров. Эти зверьки любят спиртные напит-

Малыш — прожора и лакомка — требует угощения.

ки, и охотники ставят под деревом в джунглях миску с перебродившим кокосовым молоком. Лемур, опьянев, засыпает и не просыпается даже тогда, когда попадает в руки охотника.

Есть и еще один остроумный способ: в ящик с маленьким отверстием кладут банан. Засунув туда лапу и схватив банан, лемур ни за что не разожмет пальцев и не выпустит из рук любимое лакомство, а вытянуть лапу с бананом обратно сквозь маленькое отверстие он не может. Тут-то его и ловят. Правда, местные жители редко и неохотно ловят лемуров: они почитают и оберегают их, считая, что в них переселяются души умерших предков.

Лемуры на редкость ласковые, чуткие и милые зверки. Еще на «Витязе» Малыш стал всеобщим любимцем, и в Москве у него множество друзей. Он настолько привязался к людям, что, оставаясь один в комнате, начинает горько плакать. Летом на даче он ни за что не сидел на дереве, если поблизости не было людей.

Его тяга к людям просто удивительна. Читает ли кто-нибудь книгу, шьет ли, пишет ли — Малыш всегда рядом, ему все интересно, он всюду сует свой любопытный нос.

Большинство лемуров ведет ночной образ жизни, но, к счастью, наш Малыш относится к редкой разновидности дневных лемуров и спокойно спит до звонка будильника.

Впервые попав в комнату, Малыш очень боялся вещей. Не ощупав предварительно лапкой стул, он никогда на него не прыгал. Но прошло время, и он почувствовал себя единственным и безраздельным хозяином комнаты. Спешно убирались цветы в вазах, безделушки, стоящие на пианино,— все хотелось ему потрогать, попробовать на вкус. Расстояние в полтора метра не было для него преградой. Распушив хвост, он прыгает со шкафа на стол, норовит сунуть голову в твою чашку, утащить твой кусок хлеба; схватив кусок сахара, во всю прыть несется в дальний угол. Особенно он любит играть с моей маленькой дочкой Олей. Они бегают друг за другом, и Малыш радостно похрюкивает. Набегавшись, усталые, оба устраиваются на диване, лемур ласково лижет Оленькино ухо, она нежно гладит его.

Иногда в гости приходит соседский котенок. Но тут никаких нежностей, оба настроены довольно агрессивно, наскакивают друг на друга.

В определенное время Малыш требует еды. Ест он часто, но понемногу. Больше всего любит бананы, но с удовольствием ест хлеб, сахар, яблоки, виноград, сырковую массу, котлеты, арбуз, дыню, картошку.

Волаби, короткохвостую кенгуру, подарили нам австралийские ученые. Этот вид сумчатых живет только на одном острове Ротнест, у западного побережья Австралии. У них такие же сильные задние лапы и крепкий мускулистый хвост, как у «настоящих» кенгуру. На «Витязе» у волаби родился детеныш. Маленький, беспомощный, он время от времени высовывал из сумки то головку, то хвост, не решаясь выпрыгнуть. Волаби трудно держать дома, поэтому обеих путешественниц передали в Московский зоопарк, и они хорошо себя чувствуют там.

И. Суханова,
старший лаборант Института океанологии АН СССР

Анатолий ЛЕОНТЬЕВ

НАШ ПОСЕЛОК

В морозных и лохматых елках
Редеет утренняя мгла.
Заря над крышами поселка
Морозом щеки обожгла
И наливается румянцем
Над нашей снежной стороной...
...А трубы уж давно дымятся
И сыплют розовой золой...
С утра шоферы в полушубках
Моторы ладят на ветру,
Шальной мороз ругают в шутку
И греться бегают к костру.
У пустыря, где вверх взметнулись
Заиндевелые леса,
В молчание притихших улиц
Ворвались чьи-то голоса
И поднимаются все выше —
К верхам заснеженных стропил...
...И без конца охота слышать
Веселый звон электропил.
Так день за днем и не заметишь,
Что вырос дом на пустыре,
Что солнце за недели эти
Как будто сделалось добрей,
Что манит лес шершаво-рыжий
Смолистым духом сосняка
И влажный ветер жадно лижет
Зимы запавшие бока.

Владимир ЛЕВИН

МАШИНИСТ

Срывается ветер с обветренных щек,
Из глаз выжимает слезу.
Хорошо,
очень хорошо!
Я — везу.
Сзади гремит, извиваясь, состав,
Стыки стучат внизу.
Устал,
очень устал.
Я — везу.
И пусть на ветру иссыхает рот,
Ночь разметала грозу —
Вперед,
только вперед!
Я — везу.
Я в эту ночь как хозяин вошел,
В черную, словно в мазут.
Хорошо!
Очень хорошо!
Я — везу.

ГОСТИ ИЗ ЖАРКИХ СТРАН

Они прибыли на научно-исследовательском судне «Витязь» и теперь живут в Москве.

Фото Н. Немнонова.

Это хамелеоны Федя и Роза. Обычно они живут мирно, но в то время, когда их фотографировали, они из-за чего-то поссорились.

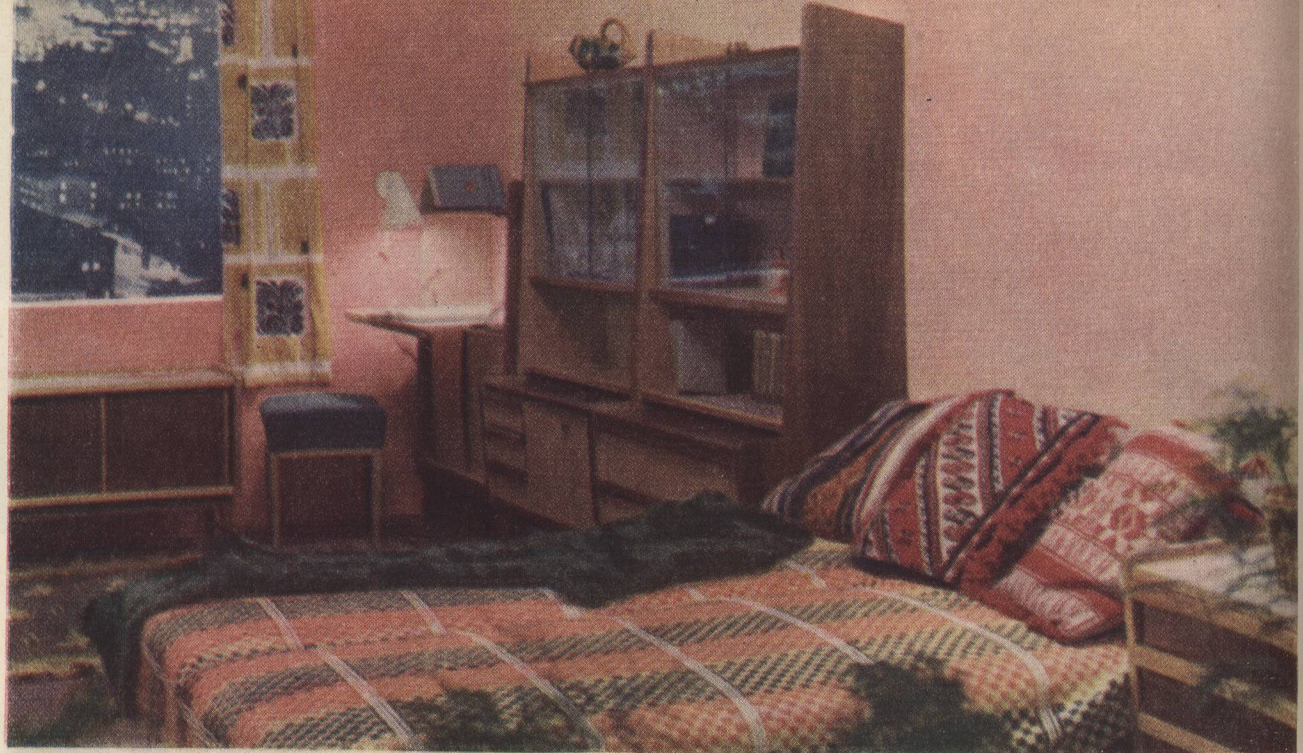
А это вóлаби — короткохвостая кенгуру, ростом она не больше кролика.

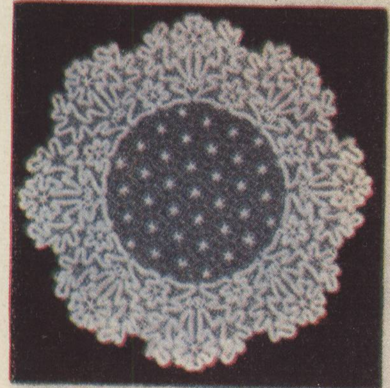
Первое знакомство. Лемур Малыш и котенок.

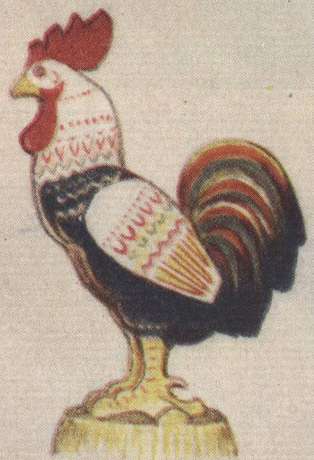

Летучая собака Кутька почти всю свою жизнь висит вниз головой.

ИЗДЕЛИЯ НАРОДНЫХ МАСТЕРОВ

Ой, сколько тут забавных вещиц!.. Но подожди минутку. Взгляни сначала на снимок в левом верхнем углу. Какая нарядная, веселая комната! Не правда ли? За окнами темно, а кажется, будто в нее заглянуло солнце. Эта комната украшена изделиями народных мастеров.

Ткани, вышивки, игрушки, сделанные их руками,— желанные гости в каждом доме. Они нравятся и взрослым и малышам. Кого хочешь развеселит Емеля с коромыслом — герой русской сказки. А поводырь с косолапым медведем! Куклы изображают интересную сценку. Называется она «Старая Москва».

Народное искусство возникло очень давно. Полосатый конь и всадник с древних времен были игрушкой крестьянских детей. Более пяти веков изготовляют да

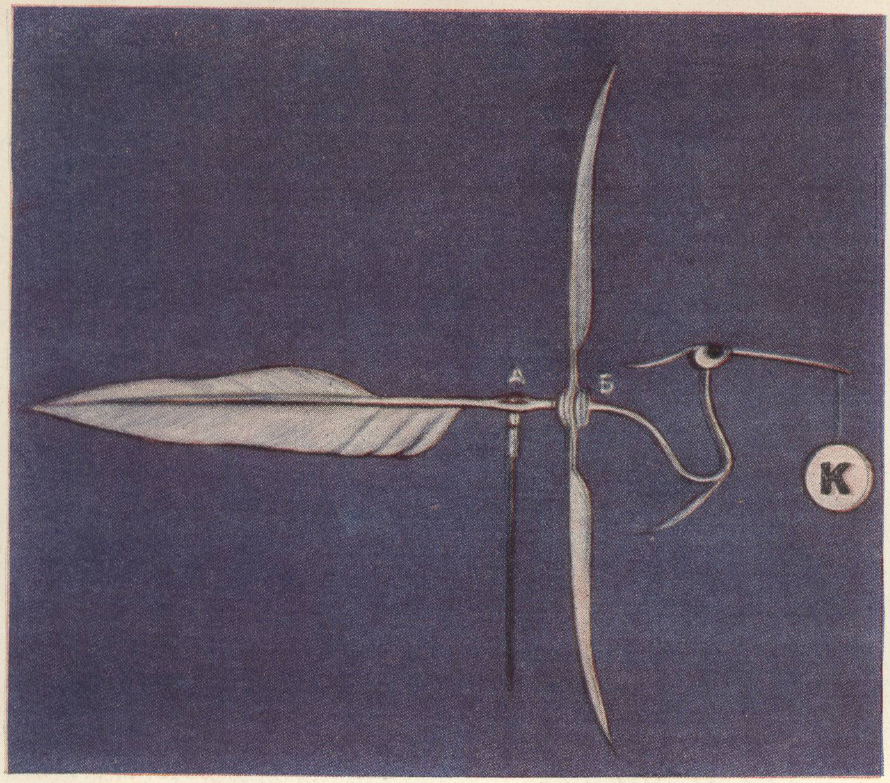

гестанские гончары кувшины с красивым белым орнаментом.
Немудреный материал — дерево и глина. Но какие выразительные фигурки делают из них остроумные мастера Подмосковья! Вот «Мишки-дровосеки». Их создали богородские резчики. А вот метнулась в прыжке пантера. Это гжельская керамика.

Снежинки-паутинки, узоры инея, тонкие иголки ели — все слилось в чудесном цветке, сплетенном руками вологодских кружевниц. Огнем и золотом полыхает посуда, расписанная художниками Хохломы. Горьковской области. В этой области работают и городецкие живописцы. Их яркие, будто радуга, цветы и птицы украшают деревянные панно и детскую мебель.

Ласточки летают низко — к дождю. Обильная роса обещает ясный день. Багровый закат — ветреную погоду. Если в зимнюю стужу воробьи вдруг поднимут веселый галдеж, расчирикаются по-весеннему — жди оттепели. Можжевельник растопорщивает свои ветки к ясной погоде и сдвигает их вместе к дождливой.

Вокруг тебя десятки, сотни, а может, и тысячи живых метеорологических приборов. Они чирикают, квакают, стрекочут, летают, прыгают, ползают, шелестят листьями.

А К А Я

И каждый дает очень точные показания, надо только эти показания разглядеть, расслышать, разгадать.

Знаешь ли ты кислицу? Маленький лесной цветок со светло-зелеными листочками, своей формой напоминающими три сердечка, сложенных вместе? Если белые венчики кислицы закрыты, не надейся, что тучи разойдутся. День будет пасмурным, чего доброго, и дождь пойдет.

А уж если муравьи закрывают входы и выходы своего жилья,— ищи укрытия, да поскорей! Дождь будет обязательно. Не завтра и не сегодня к вечеру, а вот сейчас, через несколько минут.

В ненастье зяблик не поет, а скрипит, будто у него голос заржавел. Но если в самый безнадежный, в самый затяжной и унылый дождь ты услышишь, что зяблик снова запел свою недлинную, но звонкую песенку, можешь смело собираться на любую дальнюю прогулку, потому что дождь скоро пройдет — так говорит зяблик. Конечно, чтобы это понять, надо различать его голос. И, право, дело сто́ит того!

Но как, по каким признакам угадывают перемену погоды все эти птицы, цветы, насекомые? А по тем же, что и метеорологи. Только без приборов, без вычислений, просто с помощью своей необычайно тонкой и острой чувствительности.

Ведь погода образуется под действием различных перемен, которые происходят в атмосфере Земли. Меняется давление, меняется ветер, меняются температура и влажность воздуха.

По всему земному шару разведчики погоды, метеорологи, следят

ПОГОДА

сообща — каждый на своем посту — за этими переменами.

А ты? Можешь ли ты предугадывать погоду? Конечно! Именно тот «кусочек погоды», который придет в ваши места. Главное: ветер и давление.

В каждой местности есть свой «гнилой угол». Ветер оттуда всегда приносит с собой ненастье. Тебе стоит лишь приметить откуда — и тогда белая цапля, легкая и чувствительная флюгарка из перьев, поворачиваясь по ветру, будет яснее слов предупреждать о ненастье. А при перемене ветра — о перемене погоды. О какой? Это установят наблюдения.

Простая веточка можжевельника, что может открыть она? Очень много! Своим «поведением» эта веточка покажет, что влажность воздуха повысилась, а это бывает, если понизилось давление.

Видите картинку внизу? Это прибор! Веточка можжевельника, «подключенная» к нему, заставит нарисованное солнце ходить по небу и скрываться за тучи, предсказывая дождь.

Найди небольшой куст можжевельника (лучше сухой, чтобы не губить живое растение). Очисть его от коры и мелких веток и понаблюдай, как ведут себя основные, скелетные ветки при перемене погоды. Выбери самую чувствительную. Отметь положение конца ветки в ненастье и в ясную погоду. Отклонения ветки и определят размер барометра-картинки. Она состоит из трех слоев. Заднюю стенку сделай из фанеры. На ней нарисуй чистое небо, землю, лес, домики. На передней стенке, вырезанной из целлулоида или плексигласа, нарисуй облака (для переменной погоды) и тучу с дождем (для ненастья). К концу выбранной ветки прикрепи полосу целлулоида, вдвое большую по ширине, чем вырез рамки. Нарисуй в центре этой полоски солнце. Основание ветки закрепи неподвижно на стойке. Чтобы барометр лучше чувствовал и отмечал перемену погоды, его надо повесить в защищенном от дождя, но неотапливаемом помещении. Например, на террасе, в сенях, в сарае, в чулане или под специально устроенным навесом.

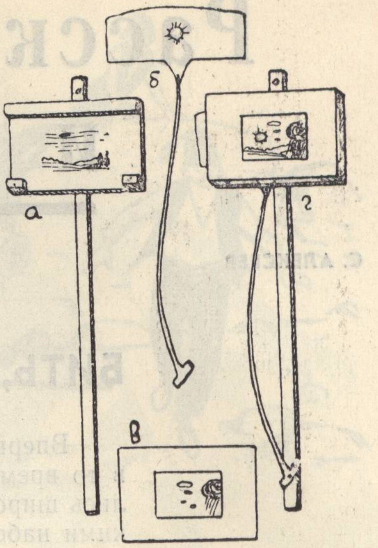
На верхнем цветном рисунке цапля-флюгер. Она должна поворачиваться по ветру на вертикальной оси, поэтому в ее корпус надо вделать маленький шарикоподшипник. Его можно заменить кусочком медной трубочки (1).

Кусок очищенной рябиновой ветки крепко перевяжи посредине ниткой или леской и расщепи ее до этого места с одного конца.

Распарь ветку, вставь в расщеп трубочку (1) и плотно обмотай расщепленный конец леской или толстой катушечной ниткой. Когда ветка высохнет, проклей клеем БФ-2. Это будет корпус цапли. Ножка штепсельной вилки (3), пропущенная через трубочку (1) и вклеенная расщепленным концом в другую, более длинную трубочку (2), будет служить неподвижной осью вращения цапли по ветру.

Кусок такой же медной трубочки (5) будет осью, на которой вращаются крылья цапли, имеющие форму пропеллера.

Втулку пропеллера (Б) сделай так же, как и втулку в корпусе (А), но вместо трубочки зажми в расщеп рябиновой ветки (7) фарфоровое спиннинговое колечко (6) или кусок медной трубки с отверстием, равным толщине оси (5). Два кружочка из пластмассы или целлулоида (8) приклей к оси (5).

Барометр-картинка.

Голову цапли сделай из косточки абрикоса или лесного ореха, глаза — из двух половинок вишневой косточки, клюв — из стержня пера. Маленькие перышки приклей на голове и шее.

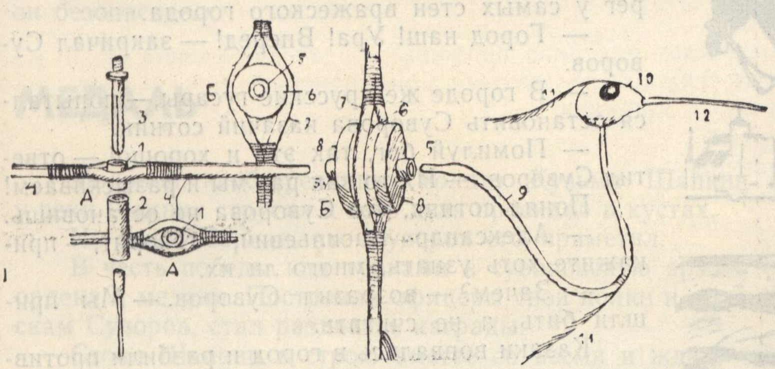
Как согнуть шею цапли? Вырежь в дощечке желобок изогнутой формы и получишь станок, в котором нетрудно согнуть оструганную, распаренную рябиновую ветку. Высушенная в этом же станке, она будет сохранять изгиб. Конец веточки-шеи вставляется на клею в ту же медную трубку, которая служит осью вращения крыльев (5). К ней с противоположного конца креплен корпус цапли.

Как сделать крылья и стабилизатор? У двух маховых перьев из гусиного крыла удали широкую сторону опахала, оставь узкую, более плотную. Срежь очин у обоих перьев и посади их на концы втулки (7), повернув друг к другу так, чтобы получился пропеллер. Тогда они будут чувствительны к малейшему дуновению ветра. Для хвоста цапли — стабилизатора — выбери маховое перо пошире. Надо конструкцию уравновесить, вложив в перо дробинки.

Для красоты и чтобы цапля хорошо была видна на фоне местности, ее корпус, шею и голову надо покрасить в белый цвет.

Трубку, которая служит вертикальной осью вращения, надо насадить на жесткий стержень, например, на спицу от зонта, а спицу закрепить на шесте выше неподвижной крестовины, указывающей концами север, юг, запад и восток.

П. Рябов

Детали флюгера-цапли.

Рассказы о Суворове и русских солдатах

С. АЛЕКСЕЕВ

Рисунки Е. Медведева.

БИТЬ, А НЕ СЧИТАТЬ

Впервые Суворов попал на войну совсем молодым офицером. Россия в то время воевала с Пруссией. И русские и прусские войска растянулись широким фронтом. Армии готовились к грозным боям, а пока мелкими набегами «изучали» друг друга.

Суворову выделили сотню казаков и поручили наблюдать за противником.

В сорока верстах от корпуса, в котором служил Суворов, находился прусский городок Ландеберг. Городок небольшой, но важный. Стоял он на перепутье проезжих дорог. Охранял его хорошо вооруженный отряд прусских гусар.

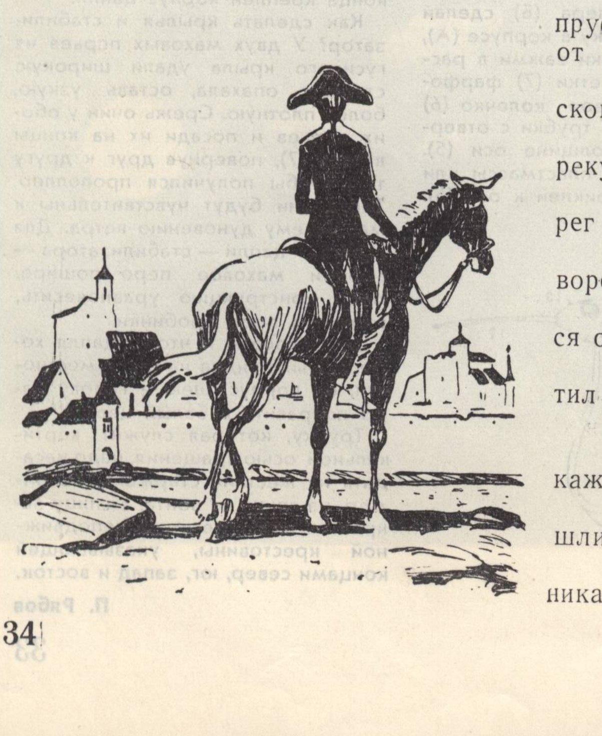
Ходил Суворов несколько раз со своей сотней в разведку, исколесил всю округу, но, как назло, даже издали ни одного пруссака не увидел.

И вот решил он учинить настоящее дело, попытать счастья и взять Ландеберг. Молод, горяч был Суворов.

Поднял он среди ночи сотню, приказал седлать лошадей.

— Куда это? — заволновался казачий сотник.

— Вперед! — кратко ответил Суворов.

За ночь прошла суворовская сотня все сорок верст и оказалась на берегу глубокой реки, как раз напротив прусского города.

Осмотрелся Суворов — моста нет. Сожгли пруссаки для безопасности мост. Оградили себя от неожиданных нападений.

Постоял Суворов на берегу, подумал и вдруг скомандовал:

— В воду! За мной! — и первым бросился в реку.

Выбрались казаки на противоположный берег у самых стен вражеского города.

— Город наш! Ура! Вперед! — закричал Суворов.

— В городе же прусские гусары,— попытался остановить Суворова казачий сотник.

— Помилуй бог, так это и хорошо! — ответил Суворов. — Их-то как раз мы и разыскиваем!

Понял сотник, что Суворова не остановишь.

— Александр Васильевич,— говорит,— прикажите хоть узнать, много ли их.

— Зачем? — возразил Суворов. — Мы пришли бить, а не считать.

Казаки ворвались в город и разбили противника.

ДЕРЗОСТЬ

В бою под Фокшанами турки расположили свою артиллерию так, что с тыла, за спиной, у них оказалось болото. Позиция для пушек — лучше не сыщешь. Сзади неприятель не подойдет. С флангов не обойдет. Спокойны турки.

Однако Суворов не побоялся болота. Прошли суворовские богатыри через топи и, как гром среди ясного неба,— на турецкую артиллерию сзади. Захватил Суворов турецкие пушки.

И турки, и австрийцы, и сами русские сочли маневр Суворова за рискованный, дерзкий. Хорошо, что прошли через топи солдаты, а вдруг не прошли бы?!

— Дерзкий так дерзкий,— усмехался Суворов.— Дерзость войскам не помеха.

Однако мало кто знал, что, прежде чем пустить войска через болото, Суворов отрядил бывалых солдат, а те излазили топи и выбрали надежный путь для своих товарищей. Суворов берег солдат и действовал наверняка.

Месяц спустя в новом бою с турками полковник Илловайский решил повторить маневр Суворова.

Обстановка была схожей: тоже турецкие пушки и тоже болото.

— Суворову повезло,— говорил Илловайский.— А я что, хуже? И мне повезет!

Только Илловайскому не повезло. Повел полковник солдат, не зная дороги. Завязли солдаты в болоте. Стали тонуть. Поднялся шум, крики.

Поняли турки, в чем дело. Развернули свои пушки и расстреляли русских солдат.

Много солдат погибло. Илловайский, однако, спасся.

Суворов разгневался страшно. Кричал и ругался до хрипоты.

— Так я же хотел, как вы, чтобы дерзость была,— оправдывался Илловайский.

— Дерзость! — кричал Суворов.— Дерзость есть, а где же умение?!

За напрасную гибель солдат Суворов разжаловал полковника в рядовые и отправил в обозную команду.

— Ему людей доверять нельзя,— говорил Суворов.— При лошадях он безопаснее.

МЕДАЛЬ

Молодой, необстрелянный солдат Кузьма Шапкин во время боя у реки Рымник струсил и весь день просидел в кустах.

Не знал Шапкин, что Суворов его приметил.

В честь победы над турками в суворовскую армию были присланы ордена и медали. Построили офицеры свои полки и роты. Прибыл к войскам Суворов, стал раздавать награды.

Стоял Шапкин в строю вместе со всеми и ждал, чтобы скорее все это кончилось. Совестно было солдату.

И вдруг... Шапкин вздрогнул, решил, что ослышался.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — закричал Суворов.

Стоит солдат, словно в землю ногами вкопанный, не шелохнется.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — повторил Суворов.

— Ступай же, ступай! — подтолкнули Кузьму солдаты.

Вышел Шапкин, потупил глаза, покраснел. А Суворов — раз и медаль ему на рубаху.

Вечером солдатам раздали по чарке вина. Расселись солдаты у палаток, стали вспоминать подробности боя, перечислять, за что и кому какие награды вышли. Одному за то, что первым ворвался в турецкий лагерь. Второму за турецкий штандарт. Третьему за то, что один не оробел перед десятком турок и хоть изнемог в ранах, а в плен не дался.

— Ну а тебе за что же медаль?— спрашивают солдаты у Шапкина.

А Кузьме и ответить нечего.

Носит Шапкин медаль, да только покоя себе не находит. Подавлен. Товарищей сторонится. Целыми днями молчит.

— Тебе что же, медаль язык придавила?!— шутят солдаты.

Прошла неделя, и совсем изглодала совесть солдата. Не выдержал Шапкин, пошел к Суворову. Входит и возвращает медаль.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов.— Награду назад?!

Опустил Шапкин голову низко-низко, к самому полу, и во всем признался Суворову.

«Ну,— думает,— пропадай моя голова!»

Рассмеялся Суворов, обнял солдата.

— Молодец! — произнес.— Знаю, братец, без тебя все знаю. Хотел испытать. Добрый солдат! Добрый солдат! Памятуй: герой не рождается, героем становятся. Ступай. А медаль, ладно, пусть полежит у меня. Только, чур, медаль твоя. Тебе заслужить. Тебе и носить.

Не ошибся Суворов.

При штурме Измаила Шапкин первым ворвался в турецкую крепость, заслужил и медаль и солдатскую славу.

МОНАСТЫРСКИЕ СТЕНЫ

Однажды сержант Кутейкин проводил солдатские учения около монастыря. Глянул сержант на высокие монастырские стены, что-то прикинул в уме и вдруг закричал:

— На штурм!

Солдаты опешили.

— На штурм! — повторил сержант.

Солдаты закричали: «Ура!» — и ловко полезли на стены.

Перепугались монахи. Не поняли, в чем дело. Забились в темные кельи. Сидят. Дрожат.

Кончил сержант учения, похвалил солдат за проворство, построил, повел в казармы.

На следующий день сержант повторил учения. А вслед за сержантом потянулись и офицеры: капитан Кашкин, майор Мышкин да и дру-

гие. И превратился монастырь в учебную крепость. С утра до вечера штурмуют его солдаты. Прошло несколько дней. Монахи попривыкли к учениям, бояться перестали. Жизнь в монастыре скучная-прескучная. Даже интересно стало монахам. Стоят, смотрят. Ругается настоятель, разгоняет «святых отцов» по кельям. Только возвращаться в кельи монахам не хочется. Видать, понравилась солдатская удаль: молодые монахи и сами стали лазить на монастырские стены. И получился не монастырь, а черт знает что.

Разгневался настоятель, явился с жалобой на солдат к Суворову.

— Ай, ай! — воскликнул Суворов.— Вот негодники! Вот я им задам, вот покажу!

Стал Суворов допытывать, кто первым придумал штурмовать монастырские стены. Доложили: Кутейкин.

Вызвал фельдмаршал сержанта. Глянул — бравый сержант. Ростом статен, лицом красив и глаза хитрые-прехитрые.

— Ты что же,— говорит Суворов,— «святых отцов» обижаешь?

— Никак нет,— отвечает сержант.— Не обижаю.— А сам наклонился к Суворову и шепчет: — Так ведь польза от стен превеликая. Тут, что на войне, лучшего учения и не придумаешь.

Вернулся настоятель к себе в монастырь. «Ну,— думает,— все дело уладил». А утром глянул и не верит своим глазам: со всех сторон подходят к монастырю войска. Идут солдаты стройными колоннами, с барабанным боем, с песнями, тащат штурмовые лестницы, разворачивают пушки. Перед войсками верхом на коне Суворов. Выхватил шпагу, вскинул над головой, указал на монастырские стены:

— Чудо-богатыри, ура! Вперед!

Понял настоятель, что напрасно ходил к Суворову. Написал в Петербург. Только пока жалоба ходила по разным рукам, Суворов со своими войсками ушел на войну.

Крепко бил Суворов противника. Ловко солдаты брали стены вражеских крепостей. Прав оказался Кутейкин. Спасибо ему за монастырские стены!

НА СЕСТРОРЕЦКОМ ЗАВОДЕ

Императрица Екатерина Вторая поручила Суворову обследовать Сестрорецкий оружейный завод.

Стали на заводе готовить Суворову торжественную встречу. Начальник завода выехал на Петербургский тракт, чтобы заранее встретить фельдмаршала.

А Суворов в это время в простой солдатской куртке на таратайке кружным путем по битой проселочной дороге приехал на завод и прямо в оружейные мастерские.

Ходит Суворов по мастерским, смотрит по сторонам.

Осмотрел карабины — хороши карабины.

Осмотрел штыки — хороши, остры штыки.

Поглядывает на Суворова мастер Иван Хомяков. «И чего это,— думает,— солдат здесь крутится?»

— Эй, служивый, чего ты здесь?

— Да так себе. Так себе. Ничего,— отвечает Суворов. — Кто мастер?

— Ну, я мастер.

— Как звать?

— Иван Хомяков.

«И чего еще привязался?» — думает мастер.

— Ступай,— говорит,— служивый, своей дорогой. Тут фельдмаршала ждут. Увидят тебя, попадет!

Суворов ушел.

Не встретил начальник завода высокого гостя, вернулся назад. Хомяков ему и рассказал о неизвестном солдате.

— Какой солдат?

— Да такой старенький.

— Старенький? А росту какого?

— Небольшого, выходит, росту. Поменьше, чем среднего.

— Худощав?

— Худощав.

— Волосы седые, хохолком впереди?

— Хохолком.

— Глаза голубые?

— Голубые.

— Так это ж Суворов! — закричал начальник завода.

Иван Хомяков так и присел. Бросились искать «солдата», а его и след простыл: ни таратайки, ни лошадей.

Перепугался начальник завода. Хомякова ругает, стражу поносит. Да и мастер струхнул: выходит, сам же Суворова с завода выпроводил.

Через неделю из Петербурга прибыл пакет. Держит его начальник в руках, вскрыть не решается: отставка, думает. Вскрыл. Развернул бумагу, одним глазом искоса смотрит, руки дрожат, сердце стучит. Стал читать. Читает и не верит своим глазам: в бумаге добрые слова про сестрорецкие штыки и карабины, благодарность начальнику и приказ о выдаче Ивану Хомякову и другим мастерам по сто рублей серебром за искусство в работе.

ЧЕЛОВЕК У СТЕНЫ

Стихи кубинского поэта

Николаса ГИЛЬЕНА

Человек стоит у стены.
Руки скручены бечевой.
Четыре дула наведены
на худую спину его.

Четыре солдата в ряд стоят,
стоят, затаив крик.
Ружья в руках у солдат дрожат,
солдаты молчат, солдаты молчат,
будто расстреливать
будут
их!

Будто они
стоят у стены,
руки скручены,
как у него...
Четыре дула наведены
на спину одного.

Человек спиной чувствует взгляд.
Пять сердец, как набат, гудят,
пять сердец говорят:
— Слушай, беги, беги!
— Узлы веревок туги.
— Зарядили ли ружья вы впопыхах?
— Четыре пули в стволах!
— Может, дрогнет рука невзначай?
— Лучше беги, не зевай!

— Огонь! —
скомандовал офицер
спокойно, словно в тире...
Остановились пять сердец,
а забилось опять четыре.

На стене застарелые шрамы видны,
четыре солдата стоят у стены,
стоят, затаив крик.
Ружья в руках у солдат дрожат,
солдаты молчат, солдаты молчат,
как будто сейчас расстреляли
их.

Перевел с испанского А. Янов.

Первое опоздание

Рассказ В. БАТАЛОВА
Рисунки Н. Борисовой.

Четвертый год Миша ходит в школу. От его деревни до села на берегу Иньвы, где он учится, километра два. Зимой Миша бегает на лыжах. Так намного быстрее, и ноги в снегу не вязнут. А кататься на лыжах он научился еще до того, как в школу пошел.

Утром Миша встает рано. Пока умывается, одевается, завтракает. все на часы поглядывает. Из дому всегда выходит в одно и то же время. И не было случая, чтобы он опоздал к началу уроков.

Вчера лыжи скользили плохо. Оттепель была. Под вечер, когда Миша шел из школы, даже мелкий дождичек моросил. Снег набух от воды, размяк и прилипал к лыжам.

Ночью вызвездило. Подморозило. Снег покрылся блестящей ледяной коркой. И утром лыжи скользили по нему, словно по паркету. От самого дома идти надо под гору. Миша взмахнул палками, оттолкнулся и даже не заметил, как оказался на лугах. Он мчался так, что ветер в ушах свистел.

Сегодня снег прочный, проваливаться не будет. Можно идти не в обход березняка, а прямо через него. В роще веселее, да и путь сократится. Дорога сворачивает влево, а Миша скользит напрямик. Под лыжами звонко поскрипывает снег.

Вот и лесок. Зовут его в народе Круглой рощей. Лесок и на самом деле небольшой и круглый. Когда летом тут собираешь грибы, часто пугают тетерева. Неожиданно взлетит рядом крупная птица, да еще с таким шумом, что невольно вздрогнешь. А то и присядешь со страху. А кругом многоголосо галдят всякие пичужки. Изумрудная роща нарядна и так густа, что деревцам в ней, кажется, тесно. За каждой березкой спрятаться можно.

А сейчас лесок далеко насквозь просматривается. И голым березам здесь просторно. Они, словно спортсмены, стоят на морозе и ветру раздетыми и стужи не боятся: закаляются. Ветки совсем голые, на них даже снежок не задерживается, не то что на лапах хвойных деревьев. До весны будто все вымирает: ни щебетанья не слыхать, ни самих пташек нигде не видно.

Только вот круглые ямочки между деревьями откуда-то взялись. Будто кто-то нарочно прошелся ночью по роще и разбросал камни. Они утонули в толстом слое снега, оставив лишь эти ямки-следы.

Миша не знает, отчего они получились, но разглядеть получше времени нет: опоздает в школу. Однако любопытство так и распирает мальчика.

Он подошел к одной ямке, палкой разбил хрупкий ледок, раз-другой ковырнул плотный пласт снега. И вдруг — фырр! Из-под ног, оглушительно хлопая крыльями, взлетела большая черная птица. Миша от неожиданности чуть с ног не упал.

— Да это же тетерев! — обрадовавшись догадке, он сам с собой заговорил вслух.— И в других ямочках, поди, тоже есть... Это они на ночь в тепло забрались, от хищников спрятались. А тут мороз ударил. Лед покрыл их домики. Птицы там застряли, как в клетках, и не могут оттуда вылезти. Надо выпустить их...

Он стал переходить от одной ямки к другой, выпускать на свет тетеревов. Те, растопырив хвосты, с шумом вылетали из-под снега, а вслед им поднимались снежные фонтанчики.

Птицы делали прощальный полукруг над рощей, будто благодаря мальчика за спасение, и улетали куда-то вдаль.

Миша задумался и про школу забыл. А когда вышел из Круглой рощи, то понял: наверняка опоздает. Заторопился.

Легко скользили лыжи, а под ними все так же звонко поскрипывал снег...

Перевод с коми-пермяцкого А. Механошиной.

СЛОНЫ

Я. АКИМ

Ночь, наверно.
В окне потемнело стекло.
Скоро в школу,
А я все не сплю, как назло.
С боку на бок ворочаюсь,
Жизни не рад.
— Посчитай-ка слонов,—
Мне советует брат.

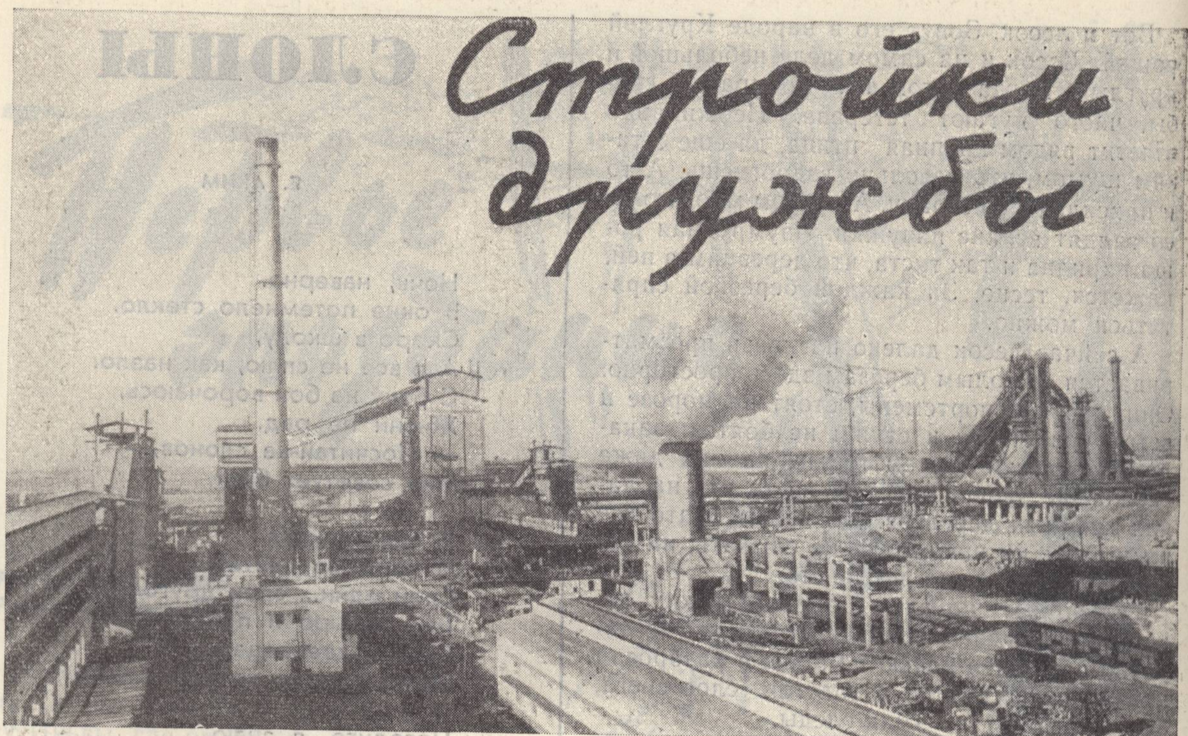
Я зажмурился
И начинаю считать:
Слон один... слон другой...
Три, четыре и пять...
Семь... двенадцать...
Опять мне не хочется спать!

Погодите, я знаю,
Для крепкого сна
Одного
моего
не хватает слона!

За шершавое ухо
Его вывожу,
Я корзину
К слоновьей спине привяжу.
Дно корзины
Я выстелю мягкой травой,
Заберусь
И зароюсь в траву
С головой.
Слон пошел.
В тишине раздаются шаги
Осторожной,
Тяжелой
Слоновьей ноги.
Свет скрывая дневной,
Стали джунгли стеной,
И корзина качается
Вместе со мной.

Мы ушли далеко.
Я плыву высоко.
Я домой не вернусь...
Не проснусь... не проснусь...
До утра.

Стройки дружбы

Металлургический завод в Бхилаи.

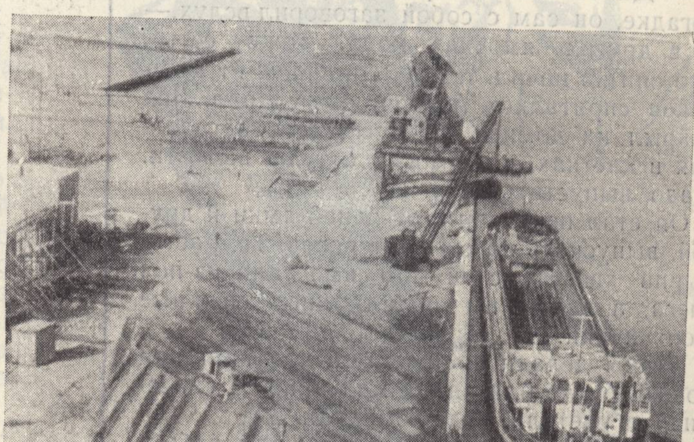
Б. ПАСТУХОВ
Рисунки Лесегри.

На снимках, которые мы помещаем здесь, вы, ребята, видите большие заводы, здания, стройки. Чтобы запечатлеть их на пленке, фотографу пришлось пролететь над высокими горами, плыть по океану и даже пересечь экватор. В далеких южных странах побывал фотограф — в Индии, Индонезии, Бирме, Объединенной Арабской Республике, Афганистане, Йемене, Камбодже. Не так давно там хозяйничали колонизаторы, а сейчас свободные народы строят свободную жизнь.

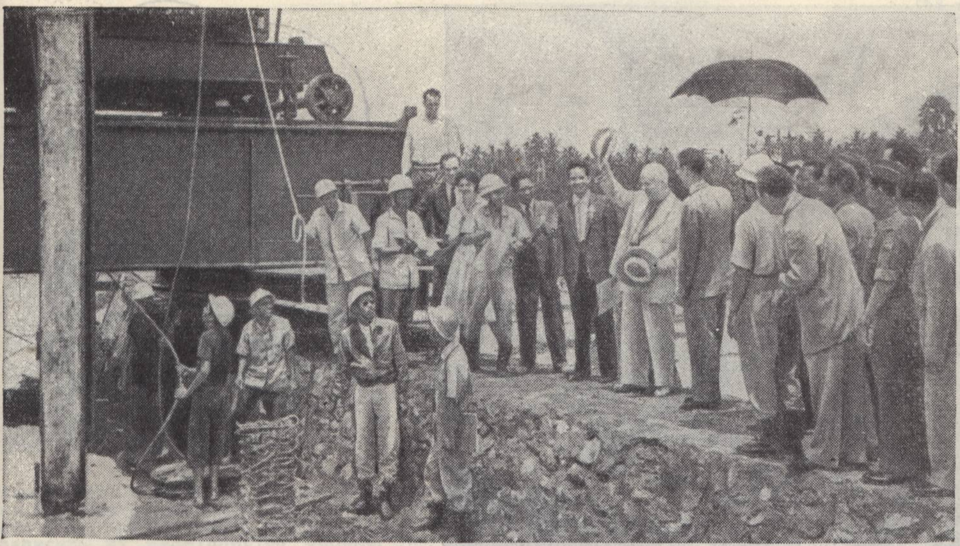

Первый водолаз государства Йемен. Он обучался своему мастерству у наших специалистов.

Торговать с другими странами Йемену приходилось через английский порт Аден. Сейчас народ Йемена имеет свой порт на Красном море — в городе Ходейда. Здесь на снимке уголок этого порта. Советские машины строят новые причалы.

Скоро в столице Индонезии Джакарте будет большой стадион. Его трибуны вместят сто тысяч зрителей. На стройке стадиона побывал Н. С. Хрущев. Это было в начале 1960 года, когда Никита Сергеевич совершал поездку по Индонезии и другим странам Азии.

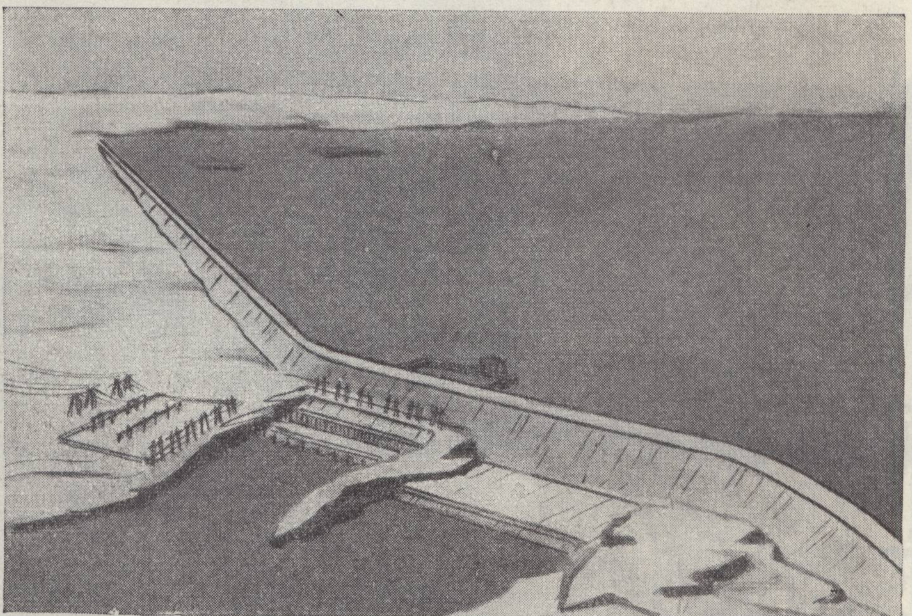
Разбив цепи рабства, они не хотят больше мириться с нищетой. Они хотят иметь свою промышленность, свою технику, своих специалистов. Им помогает бескорыстный и верный друг — Советский Союз. Все, что вы видите на фотографиях, создано по замыслу советских архитекторов, при участии советских инженеров и мастеров.

О металлургическом заводе в Бхилаи вы, наверное, слыхали. Это настоящий гигант молодой индийской индустрии. Завод уже выпускает металл. А металл — это новые станки, тракторы, автомобили и другие машины, в которых так нуждается разоренная колонизаторами Индия.

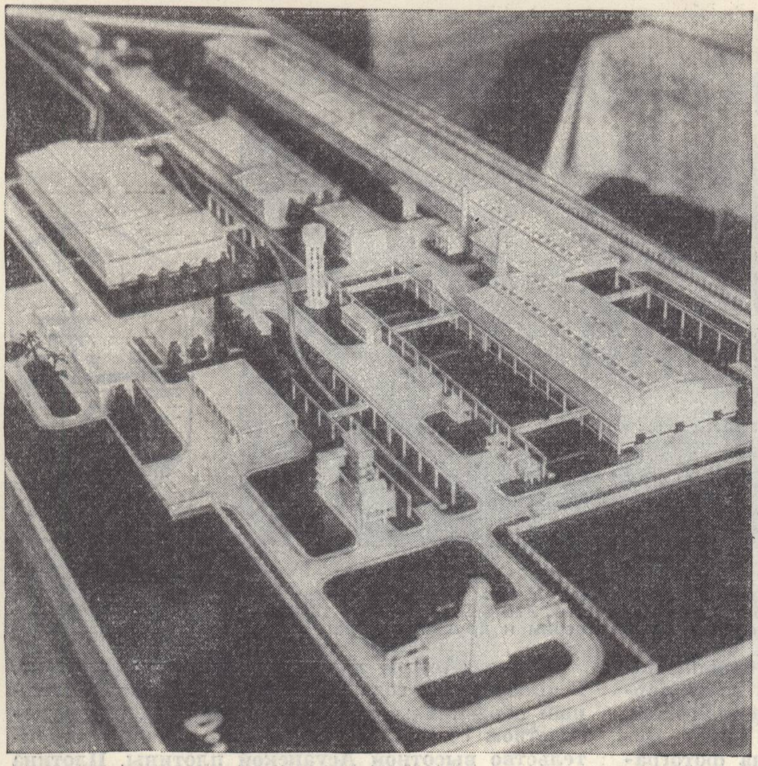
Слово «Асуан» вам тоже, вероятно, знакомо. В январе этого года Нубийские горы потряс сильный взрыв. Там, в долине реки Нил, под руководством советских инженеров началось строительство высотной Асуанской плотины. Плотина даст крестьянам Египта драгоценную влагу для полей, а гидроэлектростанция почти такой же мощности, как Волжская, приведет в движение станки и механизмы новых предприятий.

Наше государство дает народам Азии и Африки денежные займы, проекты, машины, оборудование, обучает их посланцев новым профессиям и специальностям. Хороший, сильный друг у этих народов!

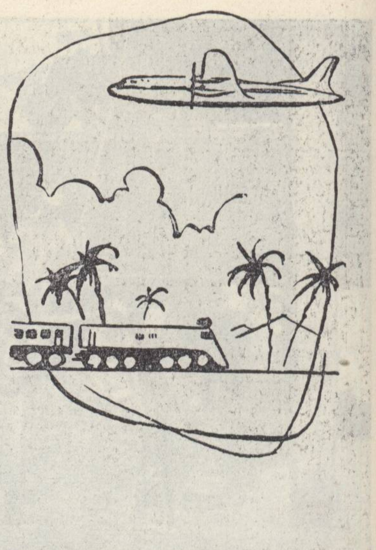

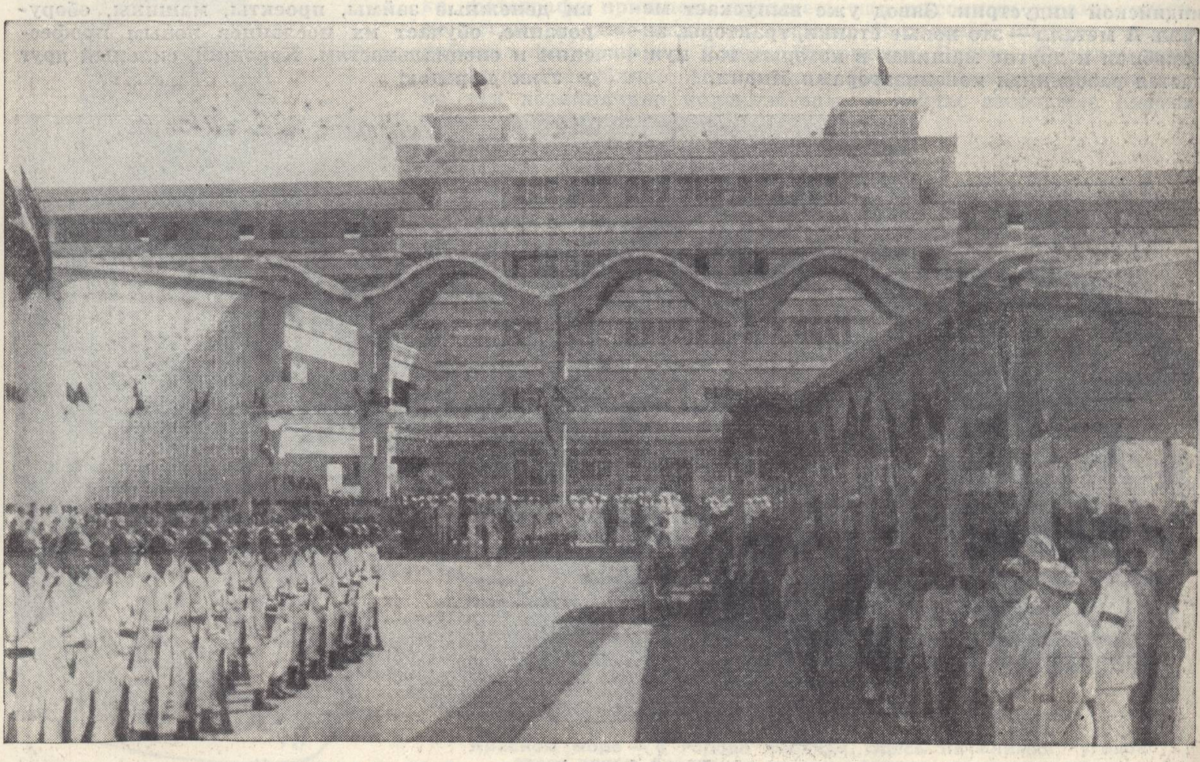
Такой будет Асуанская плотина на реке Нил.

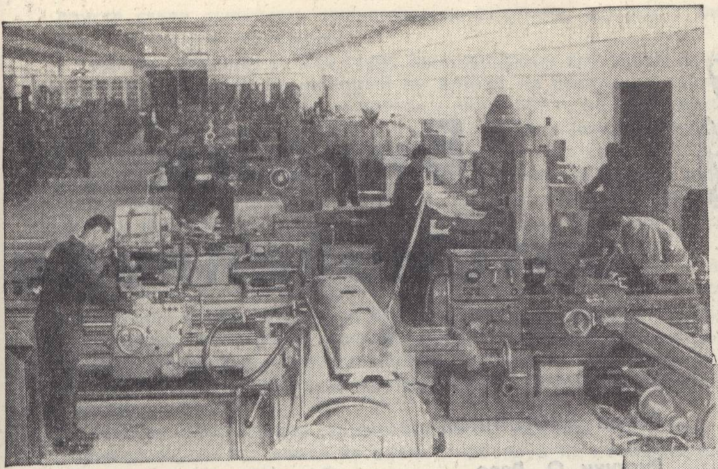

Это макет металлургического завода. Он будет построен в Багдаде. Завод даст Ираку семьдесят пять тысяч тонн стали в год.

Вы угадали — на снимке внизу изображен парад. Но где, по какому случаю? Поищите на карте полуостров Индокитай. Здесь находится государство Камбоджа, бывшая французская колония. 29 августа 1960 года в Пном-Пене, столице Камбоджи, торжественно открылся новый госпиталь. Смотрите, как он красив — настоящий дворец! Это дар Советского Союза народу Камбоджи. В госпиталь приехали работать наши врачи.

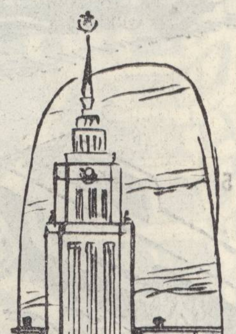
Афганистан — аграрная страна. Его население издавна занимается овцеводством и выделкой ковров. Но афганцы знают: чтобы прочно стать на ноги и не зависеть от капиталистов Запада, им надо иметь большие заводы и фабрики. С помощью СССР в Кабуле построен первый такой завод — авторемонтный. «Сердцем зарождающейся промышленности» назвал его народ Афганистана. На фотографии вы видите механический цех завода.

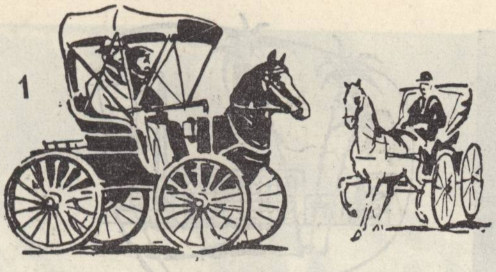
Там, где миллионы людей не знали даже азбуки, растут корпуса высших учебных заведений. Через несколько лет они выпустят инженеров, агрономов, врачей, учителей. На снимке: строительство технологического института в Рангуне — столице Бирмы.

А это студенты Университета дружбы народов. Они ждут звонка на занятия. Советские профессора и преподаватели познакомят их с замечательными достижениями нашей науки, техники, культуры. Университет открыт в Москве для подготовки будущих специалистов стран Азии, Африки и Латинской Америки.

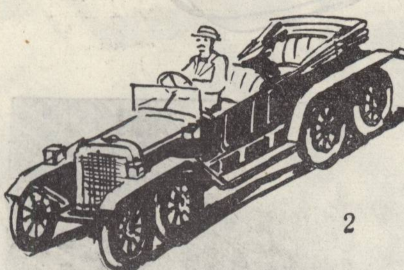

1

Виражи автомобилизма

2

Роман ДВОЙНИКОВ

Рисунки О. Рево.

Первый самодвижущийся экипаж, на котором был установлен бензиновый двигатель, мало был похож на мощный современный автомобиль. Путь, пройденный автомобилем, не был прямым и гладким, как шоссе. В своем развитии эта машина не раз делала крутые виражи и броски в сторону от правильного направления.

В разное время было построено немало диковинных машин. Некоторые из них и нарисовал здесь художник Олег Рево.

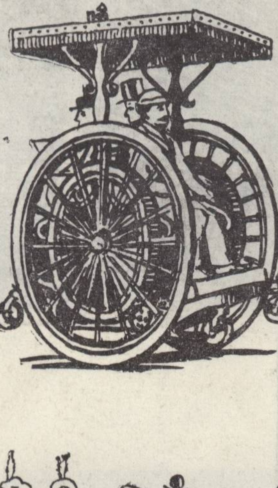
На рисунке 1 вы видите один из первых автомобилей, построенный американцем Юрно Смитом. Он очень похож на обычный конный экипаж, к его передку даже приделана деревянная лошадиная голова.

Когда появились первые кабриолеты с бензиновым мотором, лошади при встрече с ними пугались, шарахались в сторону. И вот Смит решил обмануть лошадей: пускай они думают, что это обыкновенная коляска, в которую запряжена лошадь.

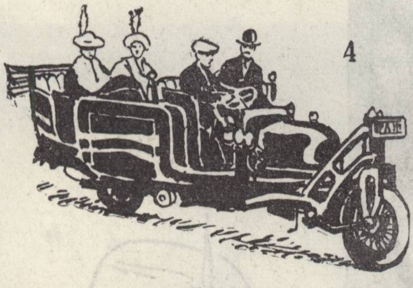
Другой американский изобретатель взял самую обыкновенную карету, пристроил к ней спереди одноколесную тележку с мотором и рулем, к рулю привязал вожжи и управлял своим автомобилем, как лошадью.

А посмотрите машину на рисунке 2. Этот восьмиколесный автомобиль был построен в штате Индиана в 1911 году. Он напоминает железнодорожный вагон. Видимо, конструктор решил: четырехосный вагон движется более плавно, чем двухосный, значит, и автомобиль на восьми колесах будет лучше, чем на четырех. И вот он соорудил такую неповоротливую, громоздкую машину, которой трудно было управлять. Год

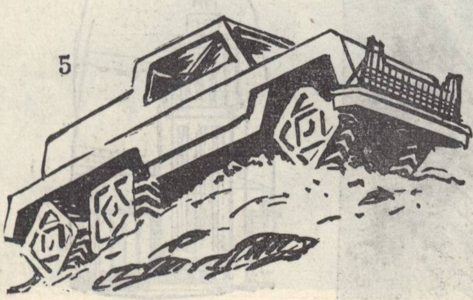
3

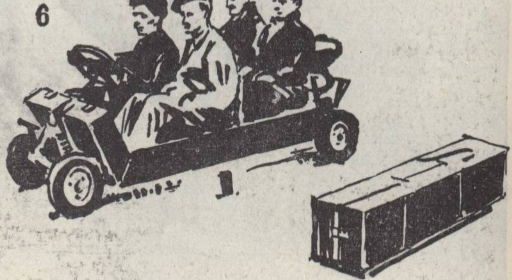
4

5

6

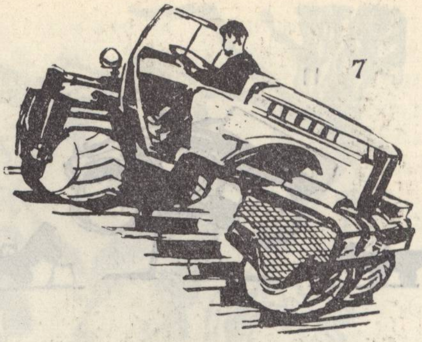

спустя стали выпускать трехосные автомобили, однако и они были слишком неуклюжи.

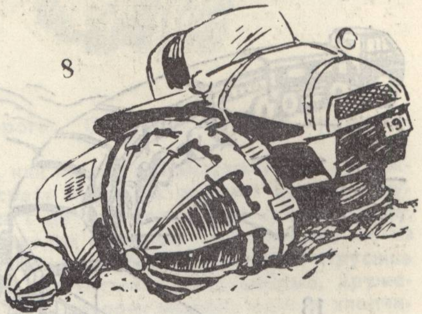
Гораздо раньше, в 1896 году, был построен вот такой двухколесный автомобиль, который вы видите на рисунке 3. Центр тяжести у него ниже оси, и поэтому автомобиль не переворачивался. Но все же он сильно раскачивался, и к нему пришлось приделать спереди и сзади еще два маленьких колеса.

Десять лет спустя на улицах Лондона появился другой двухколесный автомобиль (рисунок 4). Построил его русский инженер Шиловский. Колеса автомобиля на этот раз были не на одной оси, а друг за другом, как у велосипеда.

Почему же, спросите вы, такой автомобиль не падал? Вспомните игрушку волчок. Если волчок раскрутить, то он стоит на остром конце своей оси. Вот Шиловский и поставил на свой автомобиль «волчок» — вращающийся горизонтально маховик, и автомобиль получился устойчивым. Машину не заносило и не опрокидывало даже на крутых поворотах при больших скоростях.

7

8

Многие конструкции автомобилей по разным причинам не привились, но это вовсе не значит, что труд их изобретателей был напрасным. Нет, блуждания и поиски в конце концов указали правильный путь к простой и практичной конструкции автомобиля.

Но не думайте, что изобретатели и инженеры перестали мечтать о новых, более совершенных машинах, они продолжали работать. И вот перед вами интересное изобретение английского инженера — складной автомобиль (рисунок 6). Эта машина-вездеход совсем не маленькая, на ней могут ездить четыре человека. И вот, оказывается, эту машину, разобрав, можно уложить в небольшой ящик.

А теперь взгляните на машину рядом (рисунок 5). Мы привыкли к тому, что колеса всегда круглые, а у этого грузовика они квадратные. Конструкторы сделали их такими, чтобы машина не проваливалась, идя по болоту или по глубокому снегу, не буксовала в сыпучих песках. Колеса вращаются несогласованно друг с другом, но водитель этого не чувствует: благодаря особым приспособлениям машина движется ровно, без толчков.

Очень успешно прошли испытания автомобиля-вездехода, спроектированного в Московском высшем техническом училище имени Баумана (рисунок 7). Автомобиль надел широченные шины и отлично пошел по любому грунту. На удивление всем он может взбираться по каменным лестницам, спускаться и подниматься по крутым склонам оврагов.

Французские инженеры для езды по пескам и болотам придумали другую машину. Назвали ее «Носорогом» (рисунок 8). У нее тоже необычные колеса — легкие алюминиевые полусферы с узкими эластичными шинами. Но опыт оказался неудачным.

На следующей странице вы увидите еще один автомобиль, созданный для преодоления преград. Встретив на своем пути здоровенную каменную глыбу или стену, он и не думает ее объезжать, а спокойно перелезает через нее, вот так, как

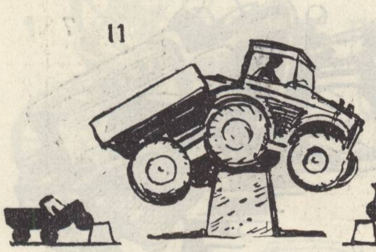

10

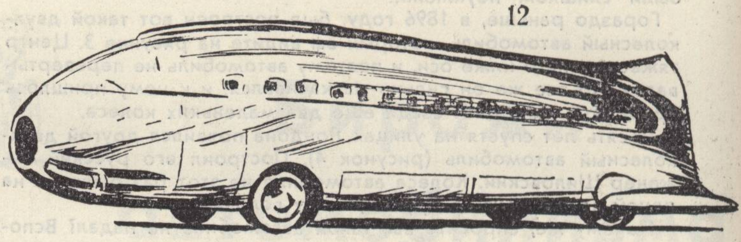

9

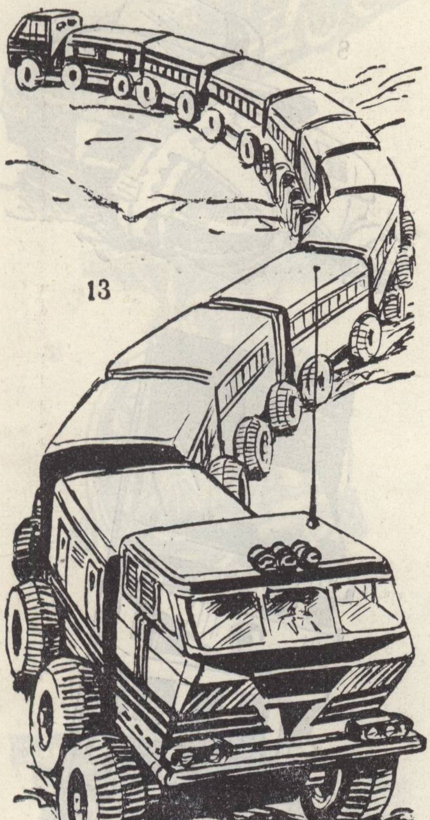
11

12

13

показано на рисунке 11. Такой грузовик был построен в Швейцарии — для горного бездорожья.

А что за машина внизу предыдущей страницы, на рисунке 9? Это гигантский самосвал. Он проходил испытания на строительстве плотины, перегораживающей реку Миссури. В него загружали больше 60 кубометров земли, то есть около 170 тонн. Этот огромный груз самосвал сбрасывал за 15—18 секунд.

А рядом с этим гигантом-самосвалом нарисован автомобиль-лилипут (рисунок 10), гоночная микролитражка «Го-Карт». Эта простая, легкая и безопасная машина с маленьким, чуть побольше мотоциклетного, мотором уже бегает по дорогам Европы и Америки со скоростью 90 километров в час. Благодаря дешевизне и простоте устройства этой машины автомобильный и гоночный спорт станет доступным для многих.

Но не пора ли нам, распростившись с автомобильными диковинками прошедших времен и сегодняшнего дня, заглянуть хоть одним глазом в будущее? Его можно увидеть в чертежах и проектах.

Итальянские конструкторы предложили построить вот этот турбореактивный туристский автобус (рисунок 12). У него уже есть имя — «Золотой дельфин». «Золотой дельфин» будет «плыть» по широким автострадам со скоростью двухсот километров в час.

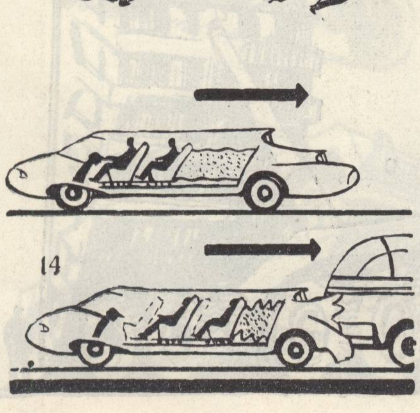
А один канадский инженер разработал проект атомного автобуса-вездехода (рисунок 13), похожего на поезд: длина его 135 метров.

В наше время все больше автомобилей разных марок мчится по автострадам, день ото дня растет их скорость. Поэтому конструкторы сейчас думают о том, как защитить водителя и пассажиров в случае аварии.

Рассмотрите хорошенько 14-й рисунок. Это схема новой безопасной машины. Водитель и пассажиры ее сидят в глубине, спиной к движению. Позади них на машине снаружи укреплены мехи, наполненные сжатым воздухом. При столкновении с другой машиной воздушная «подушка» ослабит удар, и обе машины не пострадают.

Да, но как водитель может управлять автомобилем, если он сидит спиной к дороге? С помощью радара и телевизора. Перед шофером будет стоять телевизионный экран, на котором видна дорога. Эту установку можно сделать чувствительной к инфракрасным лучам, и тогда водитель сможет вести машину в непроглядном тумане и в темноте так же хорошо, как днем.

Трудно сейчас решить, насколько удачны эти новые проекты. Одно ясно: автомобиль будущего тоже пройдет извилистую, трудную дорогу, будут и блестящие победы и неудачи. Иначе и быть не может: всегда неровна и сложна дорога творчества.

14

ПО ПРЯМОМУ ПУТИ

Ю. НОВИКОВА
Рисунки Э. Булатова.

Манява — одно из сел Западной Украины. Здесь начинаются Карпаты.

Пока дойдешь до села, вдоволь налюбуешься на крутые склоны гор, по которым гуськом, друг за дружкой, карабкаются вверх темные ели.

Деревья высоки и прямы. И почти вровень с ними — стройные «копницы», совсем не похожие на наши грузные стога; скошенную траву здесь, в горах, навивают на сухостойные елки. Прямые ели, прямые «копницы» и вольно убегающая вперед живописная дорога... Она приведет нас прямиком к Маняве.

Прямой путь, как известно, наилучший. Но не каждому удается сразу выйти на прямую дорогу. Случается, человека с детства толкнут на кривую тропу, и она, петляя, заведет в гнилые болота. И все же из любой трясины можно выбраться, если не струсишь и если вовремя протянутся к тебе добрые, дружеские руки... Об этом говорит история одного хлопчика, которую мы узнали в Манявской школе.

«НЕ МОЖНА»

Хороша осень в Прикарпатье! Уже мелькают в зелени буков и грабов красные ветки, как красные нити в узорах гуцульских вышивок, а орешник еще не тронут желтизной. Теперь он в самой поре, и по пути в школу можно набрать полные карманы «лещины» — лесного ореха. Но Михасю сейчас не до орехов. По лицу его заметно, что с ним только что приключилось нечто необычайное: щеки у него пылают, он что-то бормочет про себя, отбивая рукой ритм...

У битви кровавой
Загинула ты.
...Так чим же, Маруся,
Тоби помогты? —

бормочет Михась и с разгону едва не сбивает с ног Романа, идущего навстречу...

— Ты что, слепой? Не видишь?.. — хмуро говорит Роман. Он чуть повыше Михася и кажется старше, хотя они однолетки.

Михась предпочитает не заметить недовольного тона одноклассника. Как всякий поэт, только что закончивший новое произведение, он жаждет слушателя.

— Хочешь, я тебе новые стихи почитаю, а, Роман?.. Только что придумал, специально для сбора. Понимаешь, это про Марию Евенко, партизанку... Ведь наш-то отряд назван ее именем... Ой! — Михась вдруг осекся... — Я и позабыл, что ты не пионер!

И он спрашивает уже гораздо тише:

— Ну, а на сбор сегодняшний ты все-таки придешь? Знаешь, какой интересный сбор будет! О героях!.. Придешь, Роман?

— Ни, — бурчит себе под нос Роман. — Мне домой надо. Работы много...

И он идет дальше, по направлению к дому, тяжелой походкой взрослого, озабоченного человека.

На круглое лицо Михася точно набежала тень.

«Работы много»! — мысленно повторяет он слова Романа. — Знаем, какая это работа! Молитвы петь с этими... как их... иеговистами. И не тошно ему? Такой, кажется, гарный хлопчик!»

А «гарному хлопчику» сейчас действительно тошно. Ему нравится Михась, и он охотно послушал бы его стихи, но на пути опять встает та же темная, тяжелая сила, которая тяготеет над всей жизнью Романа... Разве Михась это поймет?.. Да и никто из ребят не поймет его, может, они еще и посмеются над ним. Они вольные, куда захотели,

туда и пошли, а у него в ушах вечно звучат два слова: «Не можна». Что ж, у них один путь, а у него, Романа, другой. И ничего тут не поделаешь. Божья воля. Но как только Роман произносит про себя эти смиренные слова, сердце его распаляется гневом.

«Божья воля»! Бог, говорят, справедлив. Так за что он карает его, Романа?! Вот сегодня ребята идут на сбор, там будут игры и песни. Роман тоже любит игры и песни, но ему на сбор идти «не можна». В кино ему тоже «не можна»: кино от «сатаны». И библиотека — от «сатаны». Даже утренняя физзарядка — сатанинское занятие!.. Но почему ж это сатана придумал столько вещей, от которых людям радостно жить, а у бога для верных его рабов есть только тягучие молитвы да непонятные слова? Почему Роман и все его братья и сестры лишены радостной жизни?.. Вот сейчас ребята веселятся на сборе, и нет им дела ни до Романа, ни до его печалей...

ПРАВАЯ БИТВА

Менее всего думает Роман, что сегодня в школе пойдет разговор о нем и его судьбе. После сбора к директору Ивану Ильичу пришло несколько человек: вожатая Юстина, председатель совета отряда Дуся и еще несколько ребят, с которыми Роман чуть поближе, чем с остальными. Они пришли посоветоваться, как вызволить Романа из секты.

— Ведь ему хотелось прийти сегодня на сбор, Иван Ильич. Видать, что хотелось, — горячо рассказывает Михась. — Он и рад бы прийти, да боится своих иеговистов...

— Иван Ильич! — спрашивает Дуся. — Я давно хотела узнать у вас: откуда они взялись, иеговисты эти?

— Видишь ли, «свидетели бога Иеговы», как они сами себя называют, явились в эти края примерно в двадцатых годах. Здесь была тогда еще панская Польша. Народ бедствовал, и не удивительно, что люди готовы были поверить любому «пророку», обещающему лучшую жизнь. Этим и воспользовались вожаки секты и прислали в Польшу агентов из Америки. Ведь и сейчас центр этой секты — в Нью-Йорке, в Бруклине. Оттуда идет к здешним иеговистам литература, оттуда под видом «духовных пастырей» к нам подчас пробираются шпионы...

— Значит, иеговисты — наши враги?..

— Да, если говорить о вожаках... Но среди сектантов есть просто темные, отсталые люди, такие, скажем, как родители Романа...

— Я одно знаю, — взволнованно говорит Михась, — стыдно нам будет, если Роман останется в секте! Мы все должны помочь ему... А вот как это сделать...

— По-моему, ребята, главное — пусть он поверит, что мы его в обиду не дадим. И перед отцом заступимся...

— Верно, Дуся, — соглашается директор, — важно, чтоб он не чувствовал себя одиноким.

— И заинтересовать его надо. За живое задеть... Пусть поймет сам, чего он лишен из-за своих сектантов...

— Что ж, будем бороться за Романа, — сказал директор на прощание. — Это не легкая, но правая битва. И вы здесь можете сделать больше, чем мы, взрослые: вам легче найти ключ к его сердцу... Действуйте! Только действовать нужно с умом и тактом.

КЛЮЧ, КАЖЕТСЯ, НАЙДЕН

Хорошо говорить — «с умом и тактом»! Но куда прилагать ум и такт, если человек отворачивается от всего!

Ребята всей душой взялись за «действия»... Михась подсунул Роману книгу о пионерах-героях, но тот вернул ее, даже не раскрыв. Ему, видишь ли, нельзя читать о военных подвигах! Дуся пыталась уговорить его пойти на новую постановку драмкружка, но тоже потерпела неудачу.

Поди докричись до глухого!.. Услышал бы Роман, какие подвиги совершают люди, так, может, и сам перестал бояться сектантов. Но как он узнает о подвигах, если и книг не читает и в кино не ходит?!

И вдруг Михась додумался: надо сводить Романа к деду Алексе Рогозу. Это не пионерский сбор и не занятия кружка. Даже и иеговисту, наверно, не запрещено потолковать со старым человеком...

...Они сидят под яблоней, возле дедовой хаты. Роман по своей привычке расположился поодаль, но и оттуда он как будто с вниманием слушает стариковский рассказ, примечательный тем, что каждое его слово подтверждается тут же, наглядно.

Здесь, высоко в горах, похоронил дед Алекса отважную партизанку Марусю Евенко.

— В сорок третьем, — рассказывает дед, — лютовали здесь фашисты. Но против них уже выступал отряд Ковпака. — «Ось так» видел его дед: Ковпак проскакал на коне «ось по цей» стежке, и была на нем шапка «капелюх» — такая же, как сейчас у деда...

Дед помнит хорошо весь тот боевой день. Вот на этой горушке поставили пулемет, но пулеметчика вскоре убило... Над горушкой показались два вражеских самолета. Низко-низко летели они, чуть повыше «цей яблони»...

Тогда девушка — она не была пулеметчицей, а только медсестрой — подбежала к осиротевшему пулемету и открыла огонь по врагу. Одного летчика она убила, самолет его упал, но ответная очередь с другого самолета тяжело ранила ее. Она дышала еще, когда ее положили вот здесь, у дедовой хаты. Но когда дед вынес ей молока, она уже перестала дышать... И дед схоронил ее вот здесь, под яблоней. Из документа он узнал, что звали ее Мария Евенко.

Фашисты проведали, что в саду у деда похоронена партизанка. Они велели старику вырыть тело и бросить в овраг на съедение собакам. Но дед ослушался их, хотя это могло ему дорого стоить... Ночью он перенес останки Маруси Евенко высоко в горы и предал земле, — хай почивает она над Манявой, за которую положила свою молодую жизнь...

— Вы все, ребята, знаете тую могилу, вы же назвали отряд свой именем Марии Евенко.

Дед Алекса хотел еще что-то добавить, но тут Роман встал и попрощался. Лицо у него было такое непроницаемое, что ребята только молча переглянулись.

Назавтра Роман ни словом не обмолвился о рассказе деда Алексы. Но после уроков случилось небывалое. Роман объявил, что сегодня он, пожалуй, пойдет с ребятами в кино...

— Я не буду картину смотреть. Я просто посижу там с вами, — сказал он и улыбнулся, и по этой улыбке ребята поняли, что Роман догадался, зачем они водили его к деду, но не сердится на них, а даже тронут их заботой...

— Конечно, конечно, ты только так поси-

дишь с нами, — поддержала Романа Дуся, и все они сложились ему на билет...

В большом клубном зале Роман сел рядом с ребятами на скамейку. На стене перед ними белел полотняный прямоугольник. «И что интересного?» — подумал он про себя, но промолчал, не желая обидеть ребят... Свет погас.

— Начинается, — шепнул Михась, и Роман тотчас же зажмурился.

Так, плотно прикрыв глаза и опустив голову, он сидел довольно долго. Он ничего не видел, но все же слышал музыку и голоса. Слышал он и то, как ребята чему-то засмеялись и как потом Михась часто-часто задышал, а Дуся вскрикнула:

— Ой, сейчас их убьют!

Вот тут-то Роман не выдержал и открыл глаза. А открыв, не мог больше закрыть. Столько света и красок хлынуло вдруг на него, что он, гуцульский мальчик, предки которого знали толк в красках, не смог отвернуться от такой красоты. Как зачарованный, смотрел он на прямоугольник, внезапно превратившийся в сияющее окно, полное чудес... И когда свет в зале зажегся и ребята шумно поднялись со скамейки, он все еще продолжал сидеть.

— Пошли... — сказал Михась. — Все. Больше ничего не покажут.

— Ничего? — упавшим голосом спросил Роман.

— Ну да. Покажут то же самое, будет второй сеанс... Пошли, Романе!

Но Роман не ушел. Он остался в клубе и, не сходя со скамейки, просидел весь второй сеанс до конца. Навсегда запомнился Роману этот фильм — «Падение Берлина», первая серия... Запомнили его и ребята.

КАТАСТРОФА

Ты хорошо обдумал этот шаг, Романе? — Голос директора звучит мягко, он ласково смотрит на мальчика. — Не струсишь в последнюю минуту?

— Нет, Иван Ильич. Я все обдумал. Я буду пионером.

— А ты знаешь, что пионер не может быть сектантом? Хватит у тебя характера уйти из вашей килки?

— Хватит... Я думаю, хватит.

Разговор этот происходил месяца через два после того дня, когда Роман впервые попал в кино. Два месяца не такой уж большой срок по сравнению с годами молитв и отчуждения. Но все это время ребята проводили с Романом, не упуская ни одного случая показать, как хорошо, интересно быть пионером. И не столько их слова, сколько внимание и дружба сделали свое дело.

Конечно, ребятам помогла сама жизнь. Ведь и раньше, как ни отворачивался от нее маленький сектант, она проникала в его сознание. Он слышал разговоры ребят, рассказы учителей, учился по нашим, советским учебникам... Душевный переворот его был подготовлен. Но когда бы он завершился и завершился ли вообще, если б ребята сами не подошли к Роману?

Теперь он всем сердцем рвался к ним, а вместе с тем и к новой, деятельной жизни. Он не мог остановиться на полпути. Да, он выйдет из килки — группки иеговистов — и вступит в пионеры...

Правда, при мысли о том, что будет дома, лицо его темнело.

Мать, конечно, заплачет, отец начнет грозить божьей карой. Возможно, он призовет на помощь «слугу килки», который приходит к ним на молитвенные собрания, и они вдвоем возьмутся за «заблудшую овцу». Кто знает, что они там придумают! Но Роман готов ко всему. Он хочет быть вместе с ребятами.

А как радуются ребята! К приему Романа в пионеры готовятся, как к празднику, хотя решено, что принимать будут не его одного, а еще и младших ребят. Пусть Роман не чувствует себя отщепенцем, исключением...

— Какой мы тебе галстук приготовили! — восторженно сообщает Роману Дуся. И вдруг добавляет с беспокойством, невольно повторяя слова Ивана Ильича: — А ты не струсишь? Не передумаешь? Смотри, не опозорь всех нас!..

...Это говорилось накануне дня приема в пионеры. А на другое утро, после первого урока, Дуся вошла к директору бледная, с изменившимся лицом.

— Нет его... Нет, Иван Ильич!

— Кого нет?

— Романа... Он не пришел в школу.

— Надо послать ребят к нему домой.

Дома Романа не оказалось. Родные утверждали, что не знают, где он. «Разве ж он не в школе?»

Подошел вечер. Роман не появлялся ни в школе, ни дома. Неужели убежал? Побоялся разорвать с иеговистами, а ребятам не захо-

тел в этом признаться?.. Да нет, не может быть этого!

А вдруг с ним что-то дурное случилось? Говорят, сектанты мстительны... Друзья Романа не находили себе места.

Прошло три дня. Романа не было.

ПИСЬМО

Нет, не был он трусом... Его просто попытались силой спасти от «сатаны».

Решительный разговор дома прошел до странности легко, но у Романа так хорошо было на сердце, что его это не насторожило. Отец выслушал мальчика, не сказав ни слова. Мать тоже смолчала. И Роман решил, что родители смирились и махнули на него рукой.

Вечером мать послала его к тетке в соседнее село за какими-то нитками.

Он добежал до теткиного дома почти бегом. Хотелось поскорей вернуться и лечь спать: надо набраться сил перед торжественным завтрашним днем...

Тетка жила в доме одна. Она как-то странно посмотрела на Романа, но мальчик не придал этому значения: тетка всегда была со странностями. Усадив племянника пить чай, она сказала, что нитки ей надо у кого-то взять, и вышла из дому.

Роман допил чай, тетка все не возвращалась. Он подошел к двери, дернул, дверь не открылась: она была закрыта на замок с наружной стороны, и ставни окон тоже были заперты снаружи на железные болты.

Роман стал стучать в дверь кулаками, кричать... Никто не отзывался. Он в западне...

Тетка не пришла ни к ночи, ни к утру. Она явилась домой лишь в исходе второго дня и остановилась на пороге, боязливо глядя на Романа. Роман молчал. Весь день он бился, кричал, плакал... Теперь ему уже было все равно. Непоправимое свершилось: прием в пионеры прошел без него.

Кто из ребят поверит, что это случилось помимо его воли? Конечно, все будут убеждены, что он струсил в последнюю минуту...

Так нашло на него тупое отчаяние. Сердиться на тетку было бессмысленно. Что она понимала? Она исполнила просьбу отца...

Роман сам не захотел вернуться в Маняву. Домашних он не мог видеть. Доверие ребят безвозвратно потеряно... Уж лучше он будет жить здесь. Вот так, со дня на день, без школы, без друзей.

Вялый, безучастный, бродил он целыми днями по теткиному дому. Но однажды в дверь постучался почтальон. Роман отворил ему и взял в руки письмо. Оно было адресовано ему, Роману.

«Добрый день, Романе! — прочитал он, разорвав конверт. — Как ты живешь? Мы узнали, наконец, твой адрес и решили написать».

Роман не верил своим глазам: письмо было от ребят.

«Мы не сердимся на тебя, — писали ребята. — Хочешь, приедем за тобой? Галстук для тебя мы сберегаем... Приезжай, Романе! Не бойся сектантов! Мы все станем за тебя...»

— Товарищи мои!.. Милые, дорогие!.. — шептал Роман, перечитывая письмо.

Ниже мелким почерком Михася было добавлено: «Посылаем тебе книгу про Павлика Морозова. Прочитай обязательно».

ЭПИЛОГ

История, услышанная нами, подходит к концу. Будь Роман героем кинокартины, к концу фильма можно было бы показать, как он в красном галстуке принимает участие в новой постановке драмкружка и вместе с тимуровцами помогает больной бабусе. Потом его послали бы в Артек, к теплому синему морю.

Самые последние кадры фильма были бы посвящены тому, как все родные Романа, включая отца и мать, выходят из секты.

И самое любопытное, что почти все это было бы правдой. Роман действительно стал пионером и тимуровцем, на самом деле участвует в работе драмкружка, и его премировали путевкой в Артек... И два брата и две сестры Романа, следуя его примеру, в самом деле порвали с иеговистами.

Но все же обстоятельства жизни складываются не совсем так, как в ином кинофильме. Родители Романа по-прежнему ходят на молитвенные собрания. И в других селах — да и в городах — живут еще подобные им люди. Есть среди сектантов и сверстники Романа.

И Роману не так уж легко живется на свете. Случается и сейчас, что он приходит в школу хмурый и неохотно отвечает на расспросы ребят. Не просто ему жить с родными.

И все же за Романа мы спокойны: он совершил решающий шаг, у него есть друзья, которые помогают ему идти прямым путем... А найдутся ли такие верные и чуткие помощники у других пареньков и девчат, попавших в те же липкие тенета!

ПИОНЕРские ИЗВЕСТИЯ

№ 12 ДЕКАБРЬ 1960

ЗИМОЙ В ПУЩЕ-ВОДИЦЕ

Еще в ноябре члены кружка зоологов и ботаников решили съездить в Пущу-Водицу. Уже не раз наш кружок выезжал за город. Мы составляли альбомы древесных пород.

И вот наконец мы снова в лесу. Всех поражает его безмолвная красота. То и дело останавливаемся, фотографируя следы зверей. Напоследок мы здорово покатались на лыжах с гор.

Неля Золотарь
г. Киев, школа № 94.

ДЕЛА ДВУХЛЕТКИ

Пионерские дружины школ столицы решили сдать за двухлетку по 80 тонн металлолома. Пионеры 105-й и 600-й школ уже сдали за два месяца более 20 тонн от каждой дружины.

ЮнТАСС СООБЩАЕТ:

ВОЛОГДА. Слава Тархунов, Толя Исборев и Леня Камицын из Семенцевской семилетней школы сделали комбинированный станок, на котором можно точить, строгать и сверлить детали.

КИЕВ. Давно уже дружат ученики 72-й школы с рабочими завода «Червоний экскаватор». Комсомольцы завода ведут в школе различные кружки, ребята помогают убирать и озеленять цехи. На Новый год пионеры решили пригласить друзей на свою елку.

ПЕСЕНКА О СКУКЕ

(Поет у новогоднего костра жирафенок Май в сопровождении хора).

Под вечер новогодний
Оброс я бородой.
Я не жираф сегодня,
Я Дед Мороз седой.
К костру сбирайтесь, внуки!
Резвитесь до утра!
Сегодня только скуке
Нет места у костра!

(Хор подхватывает две последние строчки).

Вот план мероприятий
На праздничные дни:
План лекций, план занятий...
Попробуй не усни!
О празднике — ни звука...
Музей. Доклад. Музей...
Засела в плане скука.
Гони ее скорей!

Хор.

У скуки вредный норов,
Но пусть под Новый год
Из стенгазет и сборов
Она сама уйдет.
Не то под смех веселый,
Под свист со всех сторон
Из жизни и из школы
Ее прогоним вон!

Хор.

ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ!

Юные конструкторы школы-интерната № 1 в своих школьных мастерских сделали настоящий малолитражный вертолет.

Скоро первый полет!

г. Горький.

ТОЛЬКО ПО «ПРОПУСКАМ»!

На вечер, посвященный культуре России XVIII века, ученики Верхне-Курпсной средней школы приходили по «пропускам». Право на участие в этом вечере получали лишь те, кто правильно отвечал на вопросы специальной комиссии, состоявшей из членов исторического кружка и расположившейся у дверей зала. Вопросы были самыми различными: «Какой налог на бороды ввел Петр I?», «Чему был посвящен первый номер «Ведомостей»?».

На вечере был хороший концерт. Ребята поставили отрывок из комедии Фонвизина «Недоросль», инсценировку рассказа о солдатах петровской эпохи.

У. Мирзоев
Кабардино-Балкарская АССР.

ДРУЗЬЯ-КУКЛЫ

Очень любят малыши ученика 6-го класса «А» школы № 2 Сашу Бегунова. Саша и веселую сказ-

ку расскажет и целый спектакль показать может. И всюду вместе с ним ходят его друзья-куклы.

А. Оперативный
г. Пугачев.

БОЛЬНЫХ НЕ БУДЕТ

В четвертых классах нашей школы организован кружок «Красный Крест». Мы учимся там оказывать первую помощь пострадавшим и изучаем профилактические меры против болезней.

Игорь Бабарин
село Екатеринославское, Амурская область.

НЕТ РОЗОГ

Недавно в начальных школах Швеции запрещены применявшиеся до сих пор телесные наказания. На свидетельствах об окончании школы шведские учителя теперь не выставляют отметок за поведение.

ВУНДЕРКОТ

На совете дружины 233-й школы ученик восьмого класса Саша Кузима утверждал, что он выпрашивает жевательную резинку у иностранцев, посещающих Эрмитаж, для своего кота. Это биологическое открытие подтвердили его друзья и коллеги Саша Лухт и Рома Байкеев. Просьба ответить: какое взыскание совет дружины должен наложить на кота?

г. Ленинград.

ПИОНЕРСКАЯ ЯРМАРКА

Жители Рудольфштадта (Тюрингия) очень любят пионерские базары. На Новый год у нас состоялась целая пионерская ярмарка. Ребята продавали выращенных ими кроликов, художественные вышивки, сувениры.

ГДР. *Э. Цаппе*

КОГДА ТЫ ПЬЕШЬ МИКСТУРУ...

Когда ты пьешь горькую микстуру, то, может быть, ругаешь про себя человека, который ее приготовил. И зря! Он ведь заботился о твоем здоровье.

Весной 5-й класс «В» 81-й школы решил познакомиться с рабочими третьего фармацевтического завода. Впервые придя в цех, ребята с удивлением смотрели на миллионы таблеток и горы порошков. Фармацевты рассказали о своей работе, поговорили с ребятами и согласились взять шефство над отрядом. Летом они вместе ходили на экскурсии, в походы. А недавно отряд вступил в соревнование с бригадой коммунистического труда.

г. Рига. *Хона Гольдберг, наш юнкор*

ТАНЦУЕМ ВСЕ

Мы провели сбор под названием «Учись танцевать». Собрались в зале, включили музыку, и те, кто умел танцевать, учили остальных. Теперь у нас танцуют все.

Светлана Басуматрова

Алтайский край, село Поспелиха.

К СЪЕМКЕ ПРИГОТОВИТЬСЯ!

Первый фильм, «Наш дворец», снятый студией Ташкентского Дворца пионеров, рассказывал о пионерских делах, о работе кружков, о гостях пионеров. Этот киноочерк заслужил одобрение на всесоюзном смотре любительских фильмов.

Сейчас ребята готовят полнометражную кинокартину о пионерских делах.

С КИСТЬЮ НАПЕРЕВЕС

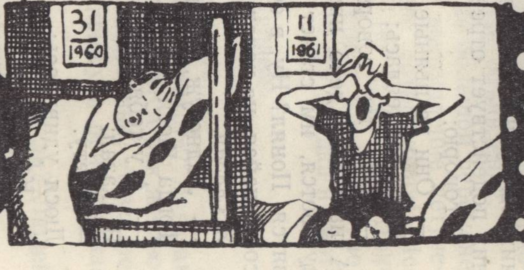
Лучшие художники-карикатуристы Дворца пионеров получили звание художников – инструкторов. Сейчас они помогают выпускать «боевые листки» в школах.

г. Воронеж. *И. Лесников*

СМЕШИНКА

Дед Мороз Двухлетке:
– Впервые поздравляю двойку.

«Веселые» каникулы.

Учитель: Чем питаются тюлени?
Ученик: Мороженым.

Победители конкурса «СМЕШИНКИ»: Володя Новиков, г. Рига; Слепцова Нина и Дюнин Аркадий, г. Новосибирск; Рыкунова Света, г. Баку; Сибрина Таня, г. Златоуст; Ветлугин Слава, г. Уфа; Вольф Виля, г. Узун-Агач.

Редколлегия Алеша Шестопал (редактор), Таня Копылова, Миша Корси (художник).

Где это видано, где это слыхано?

Виктор ДРАГУНСКИЙ

Рисунки Е. Ведерникова.

На переменке подбежала ко мне наша октябрятская вожатая Люся и говорит:

— Дениска, а ты сможешь выступить в концерте? Мы решили организовать двух малышей, чтобы они были сатирики. Хочешь?

Я говорю:

— Я все хочу! Только ты объясни: что такое сатирики?

Люся говорит:

— Видишь ли, у нас есть разные неполадки... Ну, например, двоечники или лентяи, их надо прохватить, понял? Надо про них выступить, чтобы все смеялись, это на них подействует отрезвляюще!

Я говорю:

— Они не пьяные, они просто лентяи.

Люся засмеялась:

— Это так говорится: «отрезвляюще». А на самом деле просто эти ребята призадумаются, им станет неловко, и они исправятся. Понял? Ну, в общем, не тяни, хочешь, соглашайся, не хочешь, отказывайся!

Я сказал:

— Ладно уж, давай!

Тогда Люся спросила:

— А у тебя есть партнер?

Я сказал:

— Нету.

Люся удивилась:

— Как же ты без товарища живешь?

— Товарищ у меня есть. Мишка. А партнера нету.

Люся снова улыбнулась:

— Это почти одно и то же. А он музыкальный, Мишка твой?

Я говорю:

— Нет, обыкновенный.

— Петь умеет?

— Очень тихо. Но я научу его петь погромче, не беспокойся.

Тут Люся обрадовалась:

— После уроков притащи его в малый зал, там будет репетиция!

И я со всех ног пустился искать Мишку. Он стоял в буфете и ел сардельку.

Я сказал:

— Мишка, хочешь быть сатириком?

А он сказал:

— Погоди, дай доесть.

Я стоял и смотрел, как он ест, сам маленький, сарделька толще его шеи. Он держал эту сардельку руками и ел прямо целой, не разрезал, и шкурка трещала и лопалась, когда он ее кусал, и оттуда брызгал горячий пахучий сок, и я не выдержал и сказал тете Кате:

— Дайте мне, пожалуйста, тоже сардельку, поскорее!

И тетя Катя сразу протянула мне мисочку. И я очень торопился, чтобы Мишка без меня не успел съесть свою сардельку, мне одному не было бы так вкусно. И вот я тоже взял свою сардельку руками и тоже, не чистя, стал грызть ее, и из нее брызгал горячий пахучий сок, и мы с Мишкой так грызли на пару, и обжигались, и смотрели друг на дружку, и улыбались.

А потом я ему рассказал, что мы будем сатирики, и он согласился, и мы еле досидели до конца уроков, а потом побежали в малый зал, на репетицию.

Там уже сидела наша октябрятская вожатая Люся, и с ней был один парнишка, приблизительно из четвертого, очень некрасивый, с маленькими ушами и большущими глазами.

Люся сказала:

— Вот и они! Познакомьтесь, это наш школьный поэт Андрей Шестаков.

Мы сказали:

— Здорово!

И отвернулись, чтобы он не задавался.

А поэт сказал Люсе:

— Это что, исполнители, что ли?

Она ответила:

— Да!

Он сказал.

— Неужели ничего не было покрупней?

Люся сказала:

— Как раз то, что требуется!

Но тут пришел наш учитель пения Борис Сергеевич. Он сразу подошел к роялю.

— Ну-те-с, начинаем! Где стихи?

Андрюшка вынул из кармана какой-то листок и сказал:

— Вот. Я взял размер и припев у Маршака, из сказки об ослике, дедушке и внуке — «Где это видано, где это слыхано...»

Борис Сергеевич кивнул головой:

— Читай вслух!

Андрюшка стал читать:

Папа у Васи силен в математике,
Учится папа за Васю весь год.
Где это видано, где это слыхано,
Папа решает, а Вася сдает?!

Мы с Мишкой так и прыснули. Конечно, ребята довольно часто просят родителей решить за них задачу, а потом показывают учительнице, как будто это они такие герои. А у доски ни бум-бум — двойка!

Дело известное. Ай да Андрюшка, здорово прохватил!

А Андрюшка читает дальше, так тихо и серьезно:

Мелом расчерчен асфальт на квадратики,
Манечка с Танечкой прыгают тут,
Где это видано, где это слыхано,
В «классы» играют, а в класс не идут?!

Опять здорово. Нам очень понравилось! Этот Андрюшка — просто настоящий молодец, вроде Пушкина!

Борис Сергеевич слушал и сказал:

— Ничего, неплохо! А музыка будет самая простая, вот что-нибудь в этом роде. — И он взял Андрюшкины стихи и, тихонько наигрывая, пропел их все подряд.

Получилось очень ловко, мы даже захлопали в ладоши. А Борис Сергеевич сказал:

— Ну-те-с, кто же наши исполнители?

А Люся показала на нас с Мишкой.

— Вот!

— Ну что ж, — сказал Борис Сергеевич, — у Миши довольно хороший слух... Правда, Дениска поет не очень-то верно!

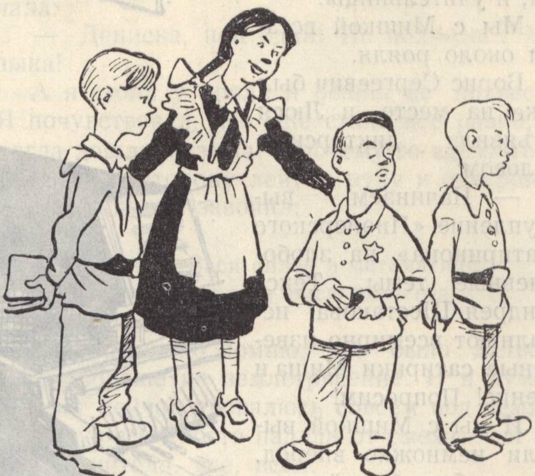
Я сказал:

— Зато громко.

И мы начали повторять эти стихи под музыку и повторили их, наверно, раз пятьдесят или тысячу, и я очень громко орал, и все меня успокаивали и делали замечания:

— Ты не волнуйся! Ты тише! Спокойней! Не надо так громко!

Особенно горячился Андрюшка. Он меня совсем затормошил. Но я пел только громко, я не хотел петь потише, потому что настоящее пение — это именно когда громко!

...И вот однажды, когда я пришел в школу, я увидел в раздевалке объявление:

«Внимание! Сегодня на большой перемене в малом зале состоится выступление летучего патруля «Пионерского сатирикона»! Исполняет дуэт малышей! На злобу дня! Приходите все!» И во мне сразу что-то екнуло. Я побежал в класс. Там сидел Мишка и смотрел в окно. Я сказал:

— Ну! Сегодня выступаем!

А Мишка вдруг промямлил:

— Неохота мне выступать...

Я прямо оторопел. Как неохота? Вот так раз! Ведь мы же репетировали? А как же Люся и Борис Сергеевич? Андрюшка? А все ребята, ведь они читали афишу и прибегут как один? Я сказал:

— Ты что, с ума сошел, что ли? Людей подводить?

А Мишка так жалобно:

— У меня, кажется, живот болит.

Я говорю:

— Это со страху. У меня тоже болит, но я ведь не отказываюсь!

Но Мишка все равно был какой-то задумчивый. На большой перемене все ребята кинулись в малый зал, а мы с Мишкой еле плелись позади, потому что у меня тоже совершенно пропало настроение выступать. Но в это время нам навстречу прибежала Люся, она крепко схватила нас за руки и поволокла за собой, но у меня ноги были мягкие, как у

куклы, и заплетались. Это я, наверно, от Мишки заразился.

В зале было огорожено место около рояля, а вокруг столпились ребята из всех классов, и няни, и учительницы.

Мы с Мишкой встали около рояля.

Борис Сергеевич был уже на месте, и Люся объявила дикторским голосом:

— Начинаем выступление «Пионерского Сатирикона» на злободневные темы. Текст Андрея Шестакова, исполняют всемирно известные сатирики Миша и Денис! Попросим!

И мы с Мишкой вышли немножко вперед. Миша был белый, как стена. А я ничего, только во рту было сухо и шершаво, как будто там лежал наждак.

Борис Сергеевич заиграл. Начинать нужно было Мишке, потому что он пел первые две строчки, а я должен был петь вторые две строчки. Вот Борис Сергеевич заиграл, а Мишка выкинул в сторону левую руку, как его научила Люся, и хотел было запеть, но опоздал, и пока он собирался, наступила уже моя очередь, так выходило по музыке. Но я не стал петь, раз Мишка опоздал. С какой стати?!

Мишка тогда опустил руку на место. А Борис Сергеевич громко и раздельно начал снова.

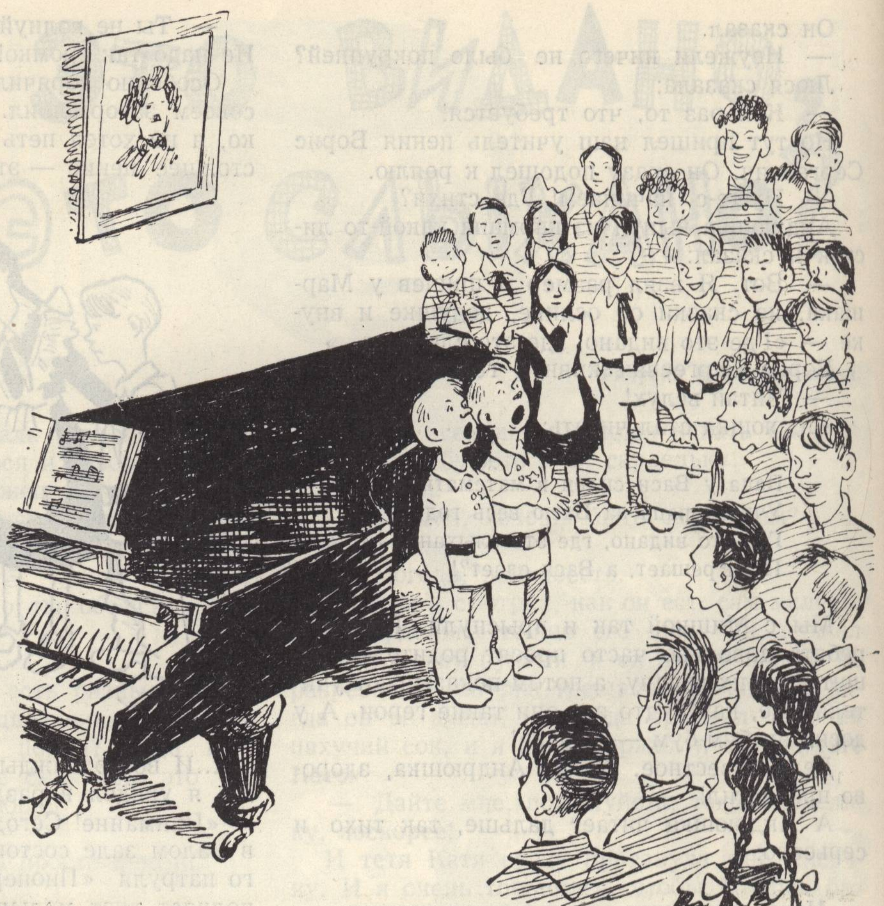
Он ударил, как и следовало, по клавишам три раза, а на четвертый Мишка опять откинул левую руку и наконец запел:

Папа у Васи силен в математике,
Учится папа за Васю весь год,

Я сразу подхватил и прокричал:

Где это видано, где это слыхано,
Папа решает, а Вася сдает?!

Все, кто был в зале, засмеялись, и у меня от этого стало легче на душе. А Борис Сергеевич поехал дальше. Он снова три раза ударил по клавишам, а на четвертый Мишка аккуратно выкинул левую руку в сторону, и ни с того, ни с сего, запел сначала:

Папа у Васи силен в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Я сразу понял, что он сбился! Но раз такое дело, я решил допеть до конца, а там видно будет. Взял и допел:

Где это видано, где это слыхано,
Папа решает, а Вася сдает?!

Слава богу, в зале было тихо, все, видно, тоже поняли, что Мишка сбился, и подумали: «Ну что ж, бывает, пусть дальше поет».

А музыка в это время бежала все дальше и дальше. Но Мишка был какой-то зеленоватый.

И когда музыка дошла до места, он снова вымахнул левую руку и, как пластинка, которую «заело», завел в третий раз:

Папа у Васи силен в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Мне ужасно захотелось стукнуть его по затылку чем-нибудь тяжелым, и я заорал со страшной злостью:

Где это видано, где это слыхано,
Папа решает, а Вася сдает?!

— Мишка, ты, видно, совсем рехнулся! Ты что в третий раз одно и то же затягиваешь? Давай про девчонок!

А Мишка так нахально:

— Без тебя знаю!

И вежливо говорит Борису Сергеевичу:

— Пожалуйста, Борис Сергеевич, дальше!

Борис Сергеевич заиграл, а Мишка вдруг осмелел, опять выставил свою левую руку и на четвертом ударе заголосил как ни в чем не бывало:

Папа у Васи силен в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Тут все в зале прямо завизжали от смеха, и я увидел в толпе, какое несчастное лицо у Андрюшки, и еще увидел, что Люся, вся красная и растрепанная, пробивается к нам сквозь толпу. А Мишка стоит с открытым ртом, как будто сам на себя удивляется. Ну, а я, пока суд да дело, выкрикиваю:

Где это видано, где это слыхано,
Папа решает, а Вася сдает?!

Тут уж началось что-то ужасное. Все хохотали, как зарезанные, а Мишка из зеленого стал фиолетовым. Наша Люся схватила его за руку и утащила к себе. Она кричала:

— Дениска, пой один! Не подводи!.. Музыка!

А я стоял у рояля и решил не подвести. Я почувствовал, что мне стало все равно, и когда дошла музыка, я почему-то вдруг тоже выкинул в сторону левую руку и совершенно неожиданно завопил:

Папа у Васи силен в математике,
Учится папа за Васю весь год.

Я даже плохо помню, что было дальше. Было похоже на землетрясение. И я думал, что вот сейчас провалюсь совсем под землю, а вокруг все просто падали от смеха — и няни, и учителя, все, все...

Я даже удивляюсь, что я не умер от этой проклятой песни, я, наверно, бы умер, если бы в это время не зазвонил звонок...

Не буду я больше сатириком!

Кто настоящий исследователь природы?

Такое соревнование мы объявили в июне этого года и в двух номерах давали задания ребятам, любящим природу, умеющим наблюдать.

Мы получили много интересных писем. Из них видно, что ребята не только читали книги, чтобы ответить на наши вопросы, но и сами исследовали природу.

Но кто из ребят узнал больше всех, кто из них наблюдательнее?

Мы прочли работы всех участников соревнования и выбрали самые лучшие.

ВОТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА

Пушкарева Люда, Старостина Люда, Анисимова Нина, Кудрявцева Римма, Мыльникова Галя, Блажко Вера (все эти девочки из села Введенского, Курганской обл.), Клок Л. (из поселка Бошняково № 9, Сахалинской обл.), Удальцова Г. (из г. Пскова), Черемных Люда (из г. Далматово, Курганской обл.), Томберг Валентин (из села Ведлозеро, Коми АССР), Мельникова Оля (из Москвы), Косюра Лена (из Баку), Зюкова Г. (из пос. Чадыр-Лунга, Молдавской ССР), Кондрашин Саша (из Саратова), Луненко Валя (из Свердловска, Луганской обл.), Саранчук Л. (из г. Рубцовска), Хихин Саша (из пос. Лутугино, Луганской обл.), Шах Я. (из г. Кричева, Белорусской ССР), Смыслов Володя (из г. Ухты, Коми АССР), Андреева Надя (из г. Череповца), Калинина Галя (из г. Верхний Баскунчак, Астраханской обл.), Проневич Саша (из г. Гродно), Ениславский Леня (из г. Барабинска, Новосибирской обл.), Полторак Коля (из г. Ново-Троицка, Оренбургской обл.), Рыжко Таня (из г. Братска), Лешина Саша (ферма № 1 Спиринского сельсовета, Красноярского края), Ермачихин Женя (из г. Касимова), Орлов Виталий (из дер. Жмакино, Ульяновской обл.), Горина Маргарита (из Москвы), Полыновский Володя (из г. Астрахани).

Всем этим ребятам жюри конкурса присудило премии и рассылает их.

Ю. КЛИНКОВ

Физики! Это кудесники и волшебники, окруженные сложнейшими электронными приборами и вычислительными машинами, вооруженные могуществом математики. Они узнают тончайшие подробности устройства мира. И в результате — расцвет техники, спутники и ракеты, телевизоры и самолеты, атомные часы и атомные электростанции.

Принято считать, что большую часть тонких физических явлений нельзя наблюдать без специальных приборов, которые усиливают наше зрение, что наши органы чувств слишком грубы для того, чтобы уловить и почувствовать тонкие физические явления.

Но так ли это?

Я предлагаю вам проделать несколько опытов, и вы увидите, что «приборами» могут быть и собственные ваши пальцы и самые обыденные предметы.

Рисунок Е. Мигунова.
фото С. Карасева.

КАК СКЛАДЫВАЮТСЯ ВОЛНЫ

Физика учит, что свет — это электромагнитные волны. Понадобилось больше двухсот лет для того, чтобы Гюйгенс, Ломоносов, Френель и множество других ученых открыли эту истину. А когда волновая природа света была постигнута, выяснилось, что ее можно обнаружить буквально на пальцах. Сдвиньте два указательных пальца, приблизьте их так, чтобы они слегка касались друг друга, и посмотрите сквозь узкую щель на свет. Вы отчетливо увидите чередование темных и светлых полос.

Что же это такое? Это дифракция света.

Кое-где в щели световые лучи смешались таким образом, что образовали тень. Такое бывает только с волнами. Если две волны соединятся так, что гребень одной волны совпадает со впадиной другой волны, то в сумме не будет никаких волн. Волна погасит волну. Это и есть тень. Вы увидели «на пальцах» дифракционную картину. С помощью этого явления волну света ученые превратили в сверхточную линейку.

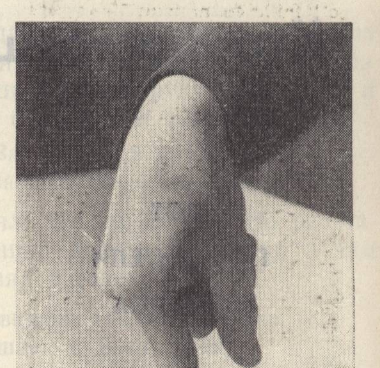
Световые волны очень короткие, их длина — десятитысячные доли миллиметра. Она постоянна, поэтому теперь световые волны используются для самых точных измерений длины.

Вы все знаете, что до сих пор для этого служил брус из платино-иридиевого сплава — эталон метра. Главный эталон находится во Франции, а копии с него — в большинстве крупных стран мира. Этот брус хранится в специальном помещении и на специальной подставке, и все же в зависимости от температуры и от собственного прогибания он делается то длиннее, то короче. Правда, незначительно, на стотысячные доли его длины, но и эту неточность уже не могут терпеть современные придирчивые инженеры и ученые. Поэтому для точных измерений теперь взята длина волны света, и не всякого света, а красного, испускаемого раскаленным металлом кадмием. Кадмий есть всюду, и при помощи его можно осуществлять измерения, необходимые для нашей точной и сверхточной промышленности.

АВТОКОЛЕБАНИЯ

Прижмите палец под углом к поверхности стола и, нажимая, двигайте им. Можно так подобрать угол наклона пальца, скорость его движения и силу давления, что палец начнет подпрыгивать.

Что происходит при этом? Под влиянием силы трения рождаются автоколебания. Сначала, когда палец стоит на месте, сила трения велика. Как только он пришел в движение, сила трения уменьшается. Физики говорят, что трение покоя больше трения движения. По-

том палец разгоняется все сильнее, и сила трения после небольшого уменьшения опять начинает увеличиваться, тормозя палец. В результате палец то ускоряет движение, то тормозится, он движется прыжками.

Автоколебания могут быть нашим другом, а иногда и врагом. Когда смычок движется по скрипичной струне, в результате его автоколебаний струна колеблется, звучит. В ламповых передатчиках, которые стоят на всех радиостанциях и телецентрах, автоколебания тоже нужны, без них установки не станут работать. Надо уметь поддерживать в них автоколебания. А вот когда начинаются автоколебания в крыльях самолета, обдуваемых встречным потоком воздуха,— это плохо. Такие автоколебания — их называют флаттером — могут разрушить самолет. Они вредны, надо уметь их гасить.

ПАЛЕЦ В ВОЗДУШНОЙ ШУБЕ

Воздух плохо проводит тепло. Вы все, наверное, знаете, что воздух между двойными оконными рамами и воздушные пузырьки, окруженные пластмассой в пено-

пласте, из которого теперь делают стены, не пускают холод в комнату.

И все-таки убедительнее всего плохую теплопроводность воздуха показывает нам наш собственный палец. Зажгите спичку и подведите к ней снизу палец. Палец может находиться на расстоянии двух-трех миллиметров от пламени. Тонкий слой воздуха защищает, изолирует палец от температуры более трехсот градусов.

Если же палец держать над спичкой, то и на расстоянии, во много раз большем, можно основательно сжечь палец, потому что изолирующий слой воздуха здесь разрушен.

РАДУГА НА ПАТЕФОННОЙ ПЛАСТИНКЕ

Возьмите патефонную пластинку. Поднесите ее к глазу и посмотрите на свет. В бороздках пластинки отразится многоцветная радуга и даже не одна, а несколько радуг, вложенных друг в друга. Это явление называется интерференцией. Оно так же, как и дифракция, свидетельствует о том, что свет — это волны.

Свет разных цветов — волны разной длины. У красного самая длинная волна — шесть стотысячных долей сантиметра. Красные лучи и отклоняются всего сильнее. Недаром у всех радуг, которые видны на пластинке, с наружной стороны красный цвет, а с внутренней — фиолетовый.

Интерференция тоже применяется в технике. Каждое светящееся вещество излучает свет определенного цвета, с определенной длиной волны, имеет свой определенный спектр. По спектру можно опознать любое вещество, если даже его очень мало. Это и есть спектральный анализ.

Посмотрите вечером на далекую лампу или фонарь сквозь носовой платок. Вы увидите много светящихся точек, расположившихся крестом. Это опять интерференция света.

Если же вы посмотрите на далекий источник света сквозь стекло, на которое вы подышали так, чтобы оно запотело, то вокруг источника света будут радужные кольца. Вы видите преломление света в мельчайших капельках воды на запотевшем стекле.

Радужные кольца вокруг Солнца и Луны — это явление того же порядка. Только тут свет преломляют не мельчайшие капельки воды на запотевшем стекле, а крохотные ледяные кристаллики в верхних слоях атмосферы.

ВОЛНЫ СХОДЯТСЯ

Воспользуйтесь первым удобным случаем, когда у вас в руках будет стакан с водой или с чаем, чтобы наблюдать редкую разновидность волн — сходящиеся волны. Капните с ложечки каплю в

центр стакана. От места падения капли во все стороны побегут расходящиеся волны. Они дойдут до стенок стакана, отразятся и образуют сходящиеся волны, которые опять встретятся в центре стакана. Это явление можно наблюдать и в тазу с водой.

По скорости движения волн можно определить вязкость жидкости.

А ну-ка, сообрази!

Вот вам вопросы. За каждым из них скрыто физическое явление, а то и прибор, его обнаруживающий. Сообразите, догадайтесь, а нет — допытайтесь по книжкам.

Почему кончик пастушеского кнута хлопает так резко, и чем он сходен с реактивным самолетом?
Почему блестит начищенная обувь?

Можно ли измерить толщину листа бумаги, не имея микрометра?
Где и когда вы видите воочию расширение физических тел при нагревании?

За работу, товарищи юнкоры! Занятия на курсах школьных журналистов закончились.

Все, кто хорошо выполнил задания курсов, получают удостоверения юнкоров журнала «Пионер».

Это звание обязывает.

Юнкор должен писать обо всем интересном в пионерской жизни, бороться делом, словом и пером за хорошее звено, за дружный отряд, за боевую дружину.

Сейчас главная задача юнкоров — помогать пионерской двухлетке.

Мы ждем, ребята, ваших сообщений о том, как идет двухлетка в вашей дружине. Что хорошего, полезного для Родины сделали ваши пионеры? Что интересного придумали они? Какое большое дело затеяли?

Пишите подробно, живо, увлекательно — так, как вас учили писать на курсах.

Желаем вам успеха, друзья!

Преподаватели курсов школьных журналистов:
писатель **Лев Кассиль**,
редактор «Пионерской правды» **Т. Матвеева**,
писатель **Ю. Сотник**,
вожатый **Сима Соловьев**,
редактор журнала «Пионер» **Н. Ильина**.

Первые удостоверения юнкора «Пионера» получают такие ребята:

АЛЕКСЕЕВ Евгений — г. Казань.
АМИРОВА Светлана — г. Салават.
АНКУДИНОВА Светлана — пос. Мама, Иркутской обл.
АРТЕМЬЕВА Нэлля — Брянская обл., пос. Белая Березка.
АХТЫРСКАЯ Раиса — Омская обл., с. Никоновка.
АФАНАСЬЕВ Алексей — г. Павловск, Воронежской обл.
БАБЕНКО Ирина — г. Нукус.
БАСУМАТРОВА Светлана — Алтайский край, ст. Поспелиха.
БЕСЧАСТНЫЙ Владимир — Полтавская обл., с. Засулье.
БУЛАТОВА Л. — г. Чимкент.
БУТКО Лариса — г. Днепропетровск.
ВАХУЛИНА Зоя — Горьковская обл., пос. Правдинск.
ВЕРИНА Людмила — г. Минск.
ВИКТОРОВ Виктор — г. Черкассы.
ВИХЛИНИНА Татьяна — г. Усолье-Сибирское.
ВОЛКОВА Галина — г. Борисоглебск.
ВОРОБЬЕВА Виктория — г. Кривой Рог.
ВОРОНОВА Ирина — г. Улан-Удэ.
ГЕРАСИМОВ Олег — г. Горловка.
ГРАЧЕВА Зоя — г. Асбест.
ГРИНЬКО Николай — Алтайский край, с. Новичиха.
ГРИЦАЙ Сергей — г. Харьков.
ГУРКОВА Надежда — г. Пермь.
ДАНЕЕВА Валерия — Крымская обл., Алупка.
ДЕГТЕВА Лилия — Витебская обл., д. Заслоново.
ДОЛГАЧЕВА Людмила — Днепропетровская обл., пос. Христофоровка.
ДЬЯКОВ Н. — г. Алма-Ата.
ЕВИДИНСКАЯ Инна — г. Петропавловск, Северо-Казахстанская обл.
ЕРЕМИНА Ольга — Брестская обл., д. Речица.
ЖЕЛЕЗНОВ Анатолий — Ульяновская обл., с. Новое Томышево.
ЗВЯГИН Юрий — Тюменская обл., д. Бесково.
ЗИНОВ Виктор — г. Губаха.
ИОНОВ Валерий — Оренбургская обл., ст. Сокулак.
ИОНОВА Наталья — Оренбургская обл., ст. Сокулак.
КОБЧЕНКО Владимир — г. Воронеж.
КОВАЛЕВА Надежда — г. Парижская Коммуна, Луганской обл.
КОЗЛОВ Василий — г. Саратов.
КОЗЛОВ Владимир — Московская обл., г. Перово.
КОЗЛОВА Людмила — г. Брянск.
КОПЕЛЕВА Татьяна — г. Краснодар.
КРАМАРЕНКО В. — г. Томск.
КРАСНЕВСКАЯ Зинаида — г. Минск.
КУЗЕНКОВА Татьяна — г. Веймар (ГДР).
КУЗНЕЦОВ Виктор — г. Сталинск.
ЛЕВИ Леонид — г. Луганск.
ЛИСИЦЫНА Алла — г. Рига.
ЛОГИНОВ Валерий — г. Ленинск-Кузнецкий.
ЛЫСЕНКО Иван — Северо-Казахстанская обл., с. Ново-Михайловка.
ЛЯШЕНКО Валентин — Приморский край, с. Вадимовка.
МАЗИТОВА Вира — г. Красноярск.
МАКАРОВА Марина — Восточно-Казахстанская обл., с. Заводинка.
МАРТИНОВИЧ Александр — Минская обл., д. Новоселки.
МЕДВЕДЕВА Лидия — Кировская обл., д. К. Перебор.
МЕКЛЕНБУРЦЕВА Евгения — г. Чимкент.
МЕЛЬНИКОВА Татьяна — г. Бердянск.
МИЛЬКИС Наталья — г. Москва.
МИРЗОЯН Анатолий — г. Кировабад.
МОНАХОВ Виктор — г. Тула.
МОНАХОВ Виктор — г. Москва.
МЯЧКОВ Михаил — Калининская обл., д. Яконово.
НОЗДРАЧЕВ Игорь — г. Брянск.
НОСКОВ Александр — г. Ленинград.
ОВЧИННИКОВ Владимир — Московская обл., пос. Бельское.
ПОЗНАКИРКИНА Вера — г. Барнаул.
ПРОКОПЕНКО Т. — Алтайский край, с. Средне-Краюшкино.
РЕШЕТНИКОВА Н. — Челябинская обл., пос. Межевой.
САЛЬНИКОВ И. — г. Куйбышев.
СЕРГЕЕВА Ирина — г. Барнаул.
СИТКОВА Наталья — Горьковская обл., пос. Правдинск.
СМАЧНАЯ Нина — Ленинградская обл.
СМИРНОВА Софья — г. Заволжск.
СОЛОВЬЕВА Евдокия — г. Борисоглебск.
СЫСОЕВА Лариса — г. Пап.
ТАНКОВИЧ Валентина — г. Красноярск.
ТЕНЕТА Людмила — г. Запорожье.
ТИТОВ Александр — Оренбургская обл., Саринский детский дом.
ТОЛСТУХИН Борис — г. Минск.
ТОМАХ Светлана — г. Львов.
ТУЛЬСКАЯ Алла — г. Белгород-Днестровский.
ФИЛИПЕНКО Виктор — г. Омск.
ШАБЕЛЬНИК Альбина — г. Запорожье.
ШМИДТ В. — г. Дебальцево.
ШУЛЫНДИН Борис — г. Горький.
ЩУКИН Аркадий — п/п 62897.
ЮРЧЕНКО Галина — Красноярский край, с. Александровка.

Почему и отчего

Архимедов закон

Объясните, пожалуйста, почему корабль не тонет.
Нина Иванова
г. Минск.

Чем больше объем тела, тем сильнее вода выталкивает его. Если вес тела меньше, чем сила, с которой вода выталкивает его, то тело плавает.

Железный или стальной шарик тонет в воде, потому что у него маленький объем, а вес большой. Если тот же шарик расплющить в тонкий лист, а из листа сделать большой внутри пустой шар, то вес не увеличится, а объем сильно увеличится, и железный шар будет плавать. Так и с кораблями: хотя они и сделаны из железа и стали, но объем их довольно большой, поэтому они не тонут, а плавают. Но если корабль получит пробоину, он наполнится водой и потонет.

Закон, по которому вода выталкивает из себя тела, открыл великий ученый древних веков Архимед.

Ю. Авалиани

Дождливая засуха

Почему хвойные деревья не сбрасывают свою зелень на зиму, а лиственные сбрасывают?
Галя Семенова
Кокшино, Псковской обл.

Ты, наверное, знаешь, Галя, что в сосудах растений идет движение воды снизу вверх? Листья непрерывно испаряют влагу и всегда нуждаются в притоке воды из почвы. Если этого притока не станет, а работа листьев будет продолжаться, растение высохнет и погибнет.

Когда в пустынях и в сухих районах жарких стран наступает засушливый период, растения сбрасывают листья.

Но, скажешь ты, ведь у нас осенью, когда начинается листопад, влаги больше чем достаточно!

Достаточно-то достаточно! Да взять ее растения не могут: корни не всасывают воду из холодной почвы. Вот и приходится нашим деревьям и кустарникам осенью сбрасывать листву.

А как же обстоит дело с брусникой, сосной, елью и другими нашими вечнозелеными растениями? Их листья и хвоинки покрыты плотной блестящей кожицей, которая, как зеркало, отражает солнечный свет и уменьшает испарение. Таким растениям не грозит высыхание в холодное время года.

Подтверждением того, что это так, служит хвойное растение лиственница. У нее хвоинки мягкие, нежные, они не защищены восковым слоем, и лиственница теряет хвою так же, как береза листья.

П. Смолин

«Человек-корень»

Скажите, пожалуйста, правда ли, что корень растения женьшень возвращает молодость? Растет ли женьшень в нашей стране.
Слава Жуков
г. Тула.

Женьшень — очень древнее растение, почти исчезнувшее с лица земли. Оно встречается в Северной Корее и в гористой северо-восточной части Китая, а у нас — только в Приморском крае.

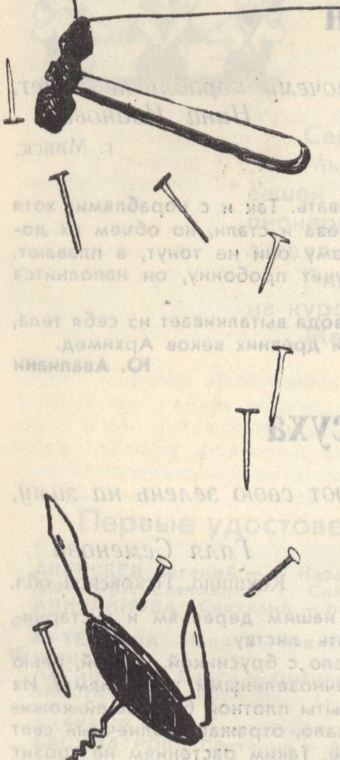
В китайской медицине женьшень применяется с давних пор, а в европейской медицине — лишь последние десятилетия.

Женьшень, конечно, не возвращает молодость в буквальном смысле слова, но он помогает бороться со многими болезнями, свойственными старости. Выпавшие зубы у пожилого человека не вырастут от женьшеня и даже морщины не исчезнут, но сердце будет работать лучше, память снова станет острее, сил и бодрости прибавится. Выходит, что человек «сделается моложе», если не совсем, так хоть отчасти.

Корешки женьшеня имеют причудливую форму и нередко бывают похожи на человечков. Вероятно, из-за этого с женьшенем были связаны различные суеверные сказки: будто он кричит, когда его тащат из земли; будто, если найденный корень не выкопать сразу, он спрячется, перейдет на другое место, и много других подобных же небылиц. Они, сказки, придуманы охотниками за женьшенем, бродившими когда-то по таежным дебрям. Теперь женьшень разводят на плантациях, и, конечно, он не кричит, когда его выкапывают, и не убегает, а ведет себя, как все растения.

Е. Владимирова

ОТ ЧЕГО ГВОЗДИ

С. РУНГЕ, А. КУММА

Молоток лежал в ящике и очень скучал. Он любил всегда по чему-нибудь постукивать, что-нибудь такое заколачивать, а тут лежи себе без всякого толку! От скуки Молоток даже поссорился с Клещами. Впрочем, они частенько ссорились, потому что Клещи всегда все делали наоборот: если Молоток старательно забивал гвоздь, то Клещи прилагали все усилия к тому, чтобы этот гвоздь вытащить.

— Ну, что вам от меня надо? Что вы все время за мной подглядываете? — возмущался Молоток.

— Контролирую вашу работу,— невозмутимо отвечали Клещи.

— Ха-ха! Контролер! Да что вы понимаете в моей работе? Вы забили в жизни ну хоть один самый маленький гвоздь?

— Гвоздей мы, правда, не забивали,— ехидно заметили Клещи,— но зато нам случалось вытаскивать гвозди, которые забивали вы, и надо сказать, что они были кривые, как двухручная пила.

Лежащая рядом Пила хотела было обидеться, но вовремя вспомнила, что она одноручная и, следовательно, эти слова к ней не относились. И очень хорошо, что не относились, потому что если уж Пила начнет возмущаться, то ее никак не остановишь: и пилит, и пилит, и пилит...

А Клещи с Молотком все продолжали препираться.

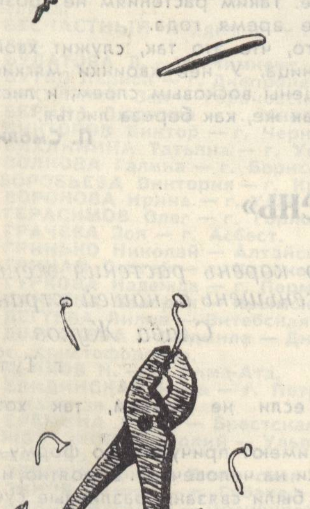
— Какая несправедливость! — не унимались Клещи.— Всю жизнь я исправляю ваши ошибки. И где же благодарность? Одни насмешки.

— Чепуха! — не сдавался Молоток.— Они не такие уж кривые, эти гвозди...

— Ну, мне-то уж лучше знать, кривые они или нет,— не уступали Клещи.

— Молоток тут ни при чем,— вмешался Рубанок.— Все дело в руководстве! Какой же это хозяин, если мы все у него отбились от рук?

— Кстати, где этот хозяин? — пробасил Топор. — Где Федя? Раньше он забивал хоть кривые гвозди, а вот уже два месяца, как не забивает никаких. А мне надоело тут валяться без дела! — И он так стукнул топорищем по ящику, что все инструменты зазвенели.

В этот момент крышка ящика открылась, и все удивленно замолкли, потому что увидели перед собой самого Федю.

— Ну вот! — обрадовались Клещи.— Кажется, сегодня предстоит работка.

Молоток ничего не сказал, так как ему нечего было на это сказать. И вдруг он почувствовал, что взлетает... Молоток сделал в воздухе тройное сальто и оказался в Фединой руке. От неожиданности у него закружилась голова, но он быстро пришел в себя.

— Ну, пока! — сказал он приятелям.— Пошел трудиться. С горем пополам, может быть, что-нибудь сделаем.

— А как же мы? — спросил Топор.— Мы тоже хотим... трудиться.

— И мы! И мы! — забренчали все остальные инструменты.

Рисунки Е. Медведева.

КРИВЫЕ

Скоро все они оказались на кухонном столе. И тут горячо заспорили, что бы им такое сделать.

— Знаете, что?! — вдруг предложил Рубанок. — Давайте смастерим табуретку, старая-то на кухне совсем развалилась.

Предложение Рубанка всем очень понравилось, и все дружно принялись за работу. За шкафом оказалась старая доска, и ее мигом взяли в оборот. Первой за дело принялась Пила. Она пилила, пилила, пилила... Но теперь это было вполне уместно, поскольку она делала весьма полезное дело.

— А ну-ка, теперь я! — сказал Топор, который давно уже с нетерпением ждал своей очереди. Он быстренько обтесал куски дерева так, что стали уже видны ножки будущей табуретки.

На смену Топору пришел Рубанок. Он так долго ерзал туда и сюда, что все уже начали возмущаться. А тот знай себе скользит ладьей по гладкой поверхности дерева, а за ним, как волны, пенятся длинные ароматные стружки.

Но вот Рубанок благополучно закончил свое плавание. Теперь оставалось только сколотить вместе сиденье, ножки и планки. За это взялся Молоток. Он хотел по старой памяти соскочить с ручки — уж больно не любил искривлять гвозди! — но не тут-то было: Федя забил в ручку клинышек, и Молоток, как ни старался, больше не мог соскочить.

— А я длиннее других! — вдруг заявила одна ножка, но Пила тут же отпилила у нее кусочек, чтобы та не хвалилась и была такой же, как и другие ножки.

А Молоток между тем лихо постукивал по табуретке. Его было просто не узнать. Гвозди ходили перед ним, как по струнке, и, не успев ахнуть, влетали в дерево по самую шляпку.

Только бедные Клещи сидели без всякого дела. Видя это, Молоток подмигнул Клещам и насмешливо заметил, что на кривые гвозди сегодня неурожай.

— Послушайте, Молоток,— потихоньку сказали Клещи,— мы вас просим по-дружески. Ну, что вам стоит? Ну, искривите хоть один.

— Нет уж... хватит... поконтролировали! — только постукивал Молоток. Неожиданно он неловко задел по шляпке, и гвоздь слегка согнулся.

— Ага! Настал и наш час! — радостно прищелкнули Клещи.

Но Молоток стукнул по гвоздю сбоку, и тот выпрямился. Не успел Молоток в последний раз ударить по гвоздю, как Табуретка подпрыгнула, встала на все четыре ножки и громко чихнула, так что вокруг полетели опилки.

— Привет! — сказала Табуретка.— Ну, как вы меня находите?

Но никто не стал ее хвалить, потому что неудобно было хвалить собственную работу.

Скоро инструменты снова очутились в своем любимом ящике.

Тут они обнаружили, что появился новый жилец — Перочинный Нож.

— Простите, откуда вы? — полюбопытствовали Клещи.

— Из пионерского лагеря! — ответил Ножик.

— А что вы там делали? — удивился Топор.

— Я вместе с Федей занимался в кружке «Умелые руки».

— Ах, вот в чем дело! — воскликнул Топор.— Вот почему мы все сегодня так хорошо работали. А я-то думаю, что случилось с нашим Молотком? Его прямо не узнать! Ни одного кривого гвоздя.

Продолжаем знакомство

Леонид ШКОЛЬНИКОВ

Помните, мы познакомились с вами ровно год назад! Мы учились танцевать вальс. Сейчас я снова хочу сказать вам: давайте потанцуем, ребята, не стесняйтесь учиться танцевать!

Сегодня мы разучим самый веселый, самый задорный танец, такой, что ноги не стоят на месте, как только его заиграют. Догадались! Конечно, краковяк!

А тем, кто знает вальс, научиться простейшему варианту краковяка совсем просто, надо только овладеть одним движением, которое носит мудреное название па-де-баск.

РАЗУЧИВАЕМ ПА-ДЕ-БАСК

Поставьте ноги в третью позицию, то есть пятка правой ноги приставлена к середине ступни левой и носки развернуты. Сделайте шаг правой ногой в сторону, затем приставьте левую ногу к правой вперед, в третью позицию (вес тела теперь на левой ноге) и переступите, не меняя положения ног, опять на правую ногу (вес теперь на правой ноге). Это схема, то есть, упрощенное исполнение па-де-баска вправо. Влево делается все так же, только начинаете с левой ноги: шаг левой ногой в сторону, приставить правую ногу вперед, в третью позицию, и переступить опять на левую.

Проделайте схему па-де-баска в обе стороны несколько раз подряд. Проделали? Теперь внимательно посмотрите: нет ли у вас одной грубой ошибки — на втором шаге ногу надо ставить в третью позицию вперед, а не назад! Исполняя па-де-баск, считайте так: «раз», «и», «два», «и» (это один такт). Значит, при па-де-баске вправо вы делаете шаг правой ногой на счет «раз», левой — на счет «и», переносите вес снова на правую — на счет «два», а на последний счет — «и» — выдерживаете паузу.

Это только схема па-де-баска, а от схемы до танца далеко. Повторите схему еще раз, но на первом шаге направьте ногу не сразу в сторону, а одновременно вперед и в сторону, то есть, описывая полукруг сильно вытянутым носком, скользящим по полу. И еще одно правило: каждый первый шаг па-де-баска должен иметь характер чуть заметного прыжка. Это получится (здесь читайте внимательно!), если первый шаг будет легким и пружинистым за счет неглубокого и упругого приседания на ноге, принимающей вес тела.

Выучите па-де-баск получше, он вам пригодится еще во многих других танцах.

КАКОЙ ЖЕ ЭТО КРАКОВЯК, ЕСЛИ КОРПУС НЕПОДВИЖЕН!

Если вы хотите красиво танцевать краковяк, надо обязательно овладеть движением корпуса во время па-де-баска. Станьте перед большим зеркалом и, делая па-де-баск вправо, так поверните корпус, чтобы увидеть свой левый бок (но не спину!), а при па-де-баске влево — правый бок. Голову держите прямо, смотрите вперед. Это еще не все. Поворачивая корпус, слегка наклоняйте его вперед к зеркалу, прогибая левый бок при правом па-де-баске и правый — при левом.

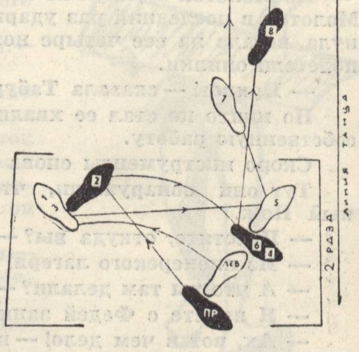
КАК СТОЯТЬ В ПАРЕ!

Если па-де-баск получился, пора познакомиться с исходным положением для танца краковяк. Партнеры стоят лицом друг к другу. Мальчик спиной к центру зала, девочка — лицом. Правая рука мальчика поддерживает за кисть левую руку девочки, образуя полукруг. Ноги в третьей позиции.

У мальчика левая нога впереди, у девочки — правая. Свободные руки на бедрах, чуть пониже талии, локти немного выдвинуты вперед. Девочка может правой рукой придерживать платье.

НАЧИНАЕМ ТАНЦЕВАТЬ

Танец начинается с четырех па-де-басков. Мальчик начинает с левой ноги, девочка — с правой. На первом па-де-баске вы разворачиваетесь друг от друга. При этом соединенные руки опускаются вниз и проводятся вперед, головы обращены друг к другу (1-й такт). На втором па-де-баске возвращаетесь в исходное положение (2-й такт). Эти два па-де-баска повторите еще раз (3-й и 4-й такты). Затем развернитесь лицом по движению и, вынося руки вперед, сделайте три энергичных шага вперед и приставьте но-

Четыре па-де-баска и ход вперед (для мальчиков) — первые шесть тактов.

гу с легким ударом об пол (5-й и 6-й такты). На последнем шаге корпус разверните, подготавливаясь к движению в обратном направлении (против хода танца). Точно так же делаете три шага, причем начинаете с той ноги, которой сделали удар (мальчик с правой, а девочка с левой). Заканчивая продвижение (7-й и 8-й такты), принимаете исходное положение для вальса.

Ну, а что дальше? Дальше четыре полных поворота вальса (9-й — 16-й такты), вальс вы, наверное, знаете. Кто не танцует, возьмите двенадцатый номер «Пионера» за прошлый год и поучитесь. Правда, музыкальный размер вальса — $^3/_4$, а краковяка — $^2/_4$. Но исполнение вальса в краковяке не вызовет у вас затруднений. Попробуйте! Не получилось? Так это потому, что вы спешили! Слушайте внимательно музыку и танцуйте вальс спокойно и плавно.

ЧТО ТАКОЕ ГОЛУБЕЦ!

Вы уже готовы ответить, что это — вкусное блюдо, приготовленное из фарша и капустных листьев. Ответ правильный. Но, оказывается, есть одно па в танцах, которое также носит аппетитное название «голубец». Сразу хочу предупредить, что движение трудное, что танцевать можно и без него. Но трудностей никогда не следует бояться. Если вы освоите голубец, краковяк станет наряднее и красивее. Итак, кто смел, тот учит голубец.

Станьте спиной к центру зала. Расставьте ноги на ширину ступни и перенесите вес тела на правую ногу. Левая нога свободна от веса и соприкасается с полом только носком.

Сохраняя это положение, сделайте несколько спокойных подскоков влево, на правой ноге, неспеша продвигаясь по ходу танца.

Нет, нет, так не годится: не надо делать такие резкие и некрасивые прыжки!

Во время подскока держите свободную от веса левую ногу предельно вытянутой и чуть приседайте после каждого подскока на опорной правой ноге (приседание должно быть упругим, пружинистым). Старайтесь при подскоке продвигаться побольше в сторону (по ходу танца), а не прыгать вверх.

Наконец, последнее и самое главное условие: постарайтесь в момент подскока дотянуться опорной правой ногой до левой и легко ударить каблуком правой о каблук левой ноги. После того, как каблуки соприкоснутся, левая нога должна немедленно уйти в сторону, как бы вследствие подбивающего удара, а вес тела должен по-прежнему остаться на правой ноге. Вначале подбивание у вас будет получаться в основном за счет непроизвольного движения левой ногой назад, навстречу подбивающей правой, но если вы будете постоянно следить за тем, чтобы удар происходил только за счет проскальзывания на опорной ноге, то постепенно это будет удаваться все больше и больше. Правда, добиться удара только за счет подскока вам не удастся, но по ощущению это должно быть именно так.

Еще два совета. Предельно вытягивать подбиваемую ногу нужно не только потому, что на согнутую ногу неприятно смотреть, но и потому, что при расслабленной ноге легко нанести травму голеностопному суставу. И последнее: корпус во время исполнения голубца должен быть прямой.

Мы разобрали голубец влево. Так же он исполняется и в другую сторону, только все, естественно, идет с другой ноги.

ОСТАЛСЯ ПРИТОП—ЭТО УЖ СОВСЕМ ПРОСТО!

Если вы хотите станцевать краковяк с голубцами, то без притопа не обойдешься. Притоп — это тройное ритмическое переступание. В танце краковяк притоп занимает один такт. Ударьте об пол правой ногой, затем тут же левой и снова правой («раз», «и», «два») и выдержите паузу на счет «и». При притопе ноги держите рядом и только слегка отрывайте их от пола.

Теперь можно исполнить краковяк с голубцами. Начало танца останется прежним, то есть четыре па-де-баска, а продвижение на простых шагах заменяется голубцами с притопом. Мальчик с левой ноги (вес тела на правой), а девочка с правой (вес тела на левой), оставаясь лицом друг к другу, делают два голубца подряд и продвигаются по ходу танца (5-й такт), потом притоп (6-й такт). То же самое обратно, против хода танца, но теперь, как вы сами понимаете, голубцы начнутся с другой ноги (7-й и 8-й такты). Затем вальс (9-й — 16-й такты).

Ясно? Приготовились! Начали!

Если голубцы показались вам трудными, то можно заменить их простыми шагами. Вот как на этом снимке.

ПОХОДНАЯ
ФОТОЛАБОРАТОРИЯ

Пожалуй, самая большая трудность в работе юного фотолюбителя — это найти и оборудовать специальную комнату для фотолаборатории. Поэтому я и хочу рассказать вам сегодня о том, как смастерить маленькую походную лабораторию в чемодане. Конечно, она не так удобна, как настоящая, хорошо оборудованная комната-лаборатория, но все-таки и в ней можно производить почти все основные работы: заряжать кассеты и бачки, печатать и увеличивать снимки.

Такую фотолабораторию удобно взять с собой в поход, чтобы где-нибудь на привале проявить пленку, отпечатать снимки. Лаборатория устроена так, что в ней можно работать и без электрического света.

Вот как выглядит лаборатория, подготовленная для работы в комнате.

Оборудование уложено, можно отправляться в путь.

КАК ПОСТРОИТЬ ПОХОДНУЮ ФОТОЛАБОРАТОРИЮ

Вся лаборатория помещается в чемодане размером 72 × 40 × 16 см. Это если взять для работы фотованны 18 × 24 см, а если ванночки поменьше — 13 × 18 см, то и размеры чемодана уменьшатся почти вдвое.

Чемодан можно сделать самим из фанеры или подобрать примерных размеров готовый.

В крышке чемодана, в нижнем левом углу, делается окошечко с красным лабораторным стеклом (примерно 18 × 24 см). Стекло надо сделать выдвижным, чтобы на его место можно было вставлять плотную задвижку. На крышке чемодана прикрепляется и карман для фотобумаги.

Внутри чемодана, справа, располагается столик для увеличителя. Он сделан просто — съемная крышка из толстой фанеры размером 24 × 37 см. Во время работы она кладется на планки, укрепленные на передней и задней стенках чемодана.

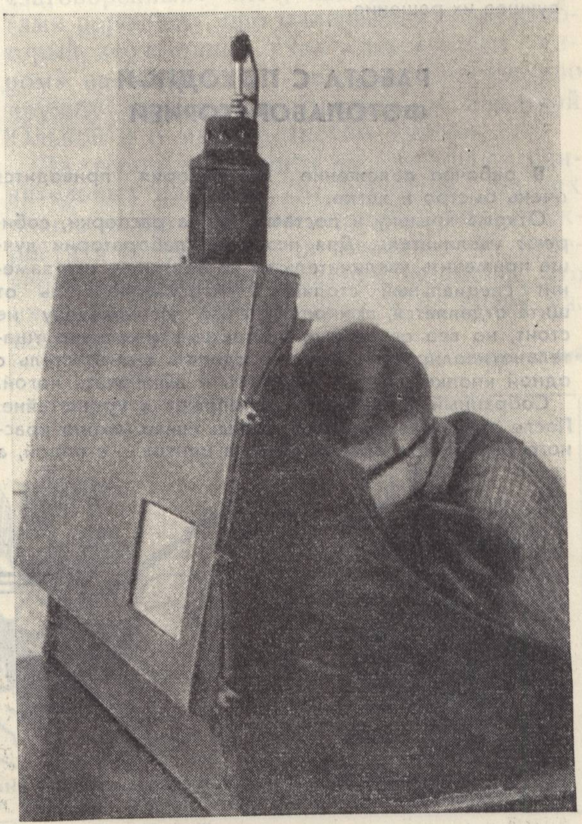
С правой наружной стороны чемодана крепится кронштейн для штанги увеличителя. Крепить кронштейн к чемодану надо на уровне кромки стенки прочно и надежно, так, чтобы при работе увеличитель не качался.

Все внутренние стенки чемодана покрываются влагозащитным веществом (например, асфальтовым лаком).

Труднее всего сделать матерчатую ширму, которая покрывает лабораторию в рабочем положении.

Ширма шьется из трех кусков плотной материи (пионерское сукно или темная фланель). Верхний кусок — прямоугольный (66 × 72 см). Две боковинки — прямоугольные треугольники (41 × 50 × 66 см). Боковинки своими гипотенузами пришиваются к боковым кромкам верхнего куска.

В верхнюю часть ширмы вшиваются два рукава длиной 30 см. Чтобы рукав хорошо, плотно лежал на руке, надо сделать его на резинке.

Работа идет полным ходом.

Третий рукав, конусообразный, имеет длину 22 см. Диаметр его основания — 20 см, а горловины — 7 — 8 см. При работе горловина надевается на обойму увеличителя выше кольца для наводки на резкость, поэтому в нее также вшивается тугая резинка.

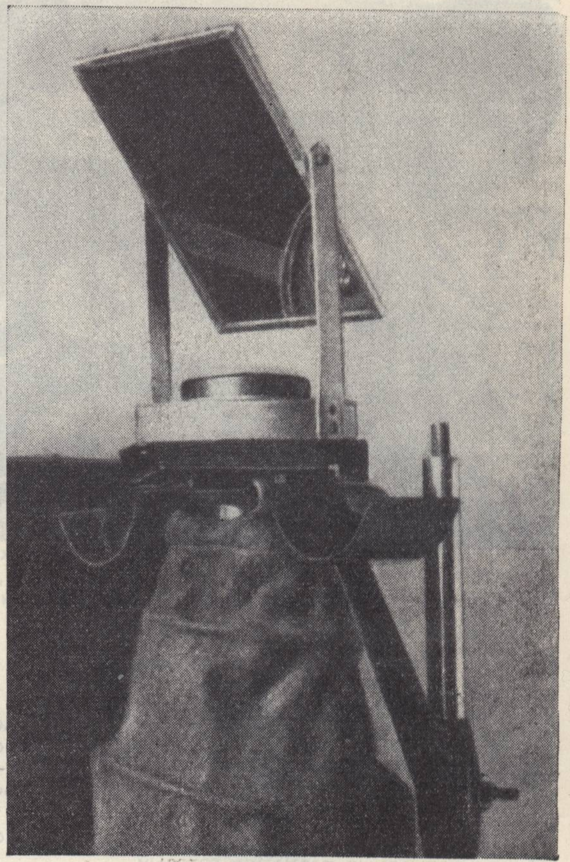
Чтобы рукав для увеличителя во время работы не мялся и складки его не загораживали свет, идущий через объектив, хорошо вшить в этот рукав пару обручей меньшего и большего размеров.

Готовая ширма напрочно крепится только к верхней внутренней части крышки чемодана.

В рабочем положении крышка чемодана стоит вертикально, укрепленная съемными распорками. Ширма натягивается по бокам чемодана и закрепляется на крючках. Лучше всего использовать железные брючные крючки. Их надо взять штук двадцать и пришить равномерно ко всем кромкам ширмы, а петли привинтить к наружной стороне чемодана. Ширма должна быть натянута так, чтобы она нигде не пропускала белый свет в лабораторию.

Чтобы смотровая щель была удобной для работы и чтобы через нее не проходил свет, лучше всего использовать защитные очки. Их вшивают в материал, вверху ширмы.

Как видите, сделать походную фотолабораторию не очень сложно. Фотографии, помещенные на этих страницах, тоже помогут вам разобраться в ее устройстве. О некоторых конструктивных мелочах я здесь не рассказываю в надежде на то, что каждый юный фотолюбитель, создавая свою фотолабораторию, подумает над ними сам и, возможно, найдет лучшее их решение.

Посмотрите внимательно, как устроено приспособление для работы с солнечным светом.

РАБОТА С ПОХОДНОЙ ФОТОЛАБОРАТОРИЕЙ

В рабочее положение лаборатория приводится очень быстро и легко.

Открыв крышку и поставив ее на распорки, собирают увеличитель. Для походной лаборатории лучше применить увеличитель «У-2» без щита, его заменит специальный столик. Электровыключатель от щита отделяется, прикреплять его к чемодану не стоит, но все оголенные контакты в нем надо тщательно изолировать. Хорошо сделать выключатель с одной кнопкой и свет включать и выключать ногой.

Собранный увеличитель укрепляют в кронштейне. После этого размещаются ванны: слева (около красного стекла) — с проявителем, в центре — с водой, а ванна с закрепителем ставится под увеличительный столик.

Теперь остается застегнуть на все крючки ширму, надеть конусообразный рукав на обойму увеличителя, и лаборатория готова к работе.

Удобнее всего поставить лабораторию на столе, и если вы собираетесь заняться увеличением и печатью без электричества, то поближе к окну, к свету. Для этого надо снять с увеличителя верхнюю крышку с лампой, а на этом месте укрепить под углом в 45° зеркало, как показано на снимке.

В. И. Лагерн,
руководитель фото-кинолаборатории
Дворца пионеров, г. Калинин.

Про Егорку и его друзей

Есть книги о необыкновенном. О чем бы в них ни рассказывалось — о подвигах разведчиков или героизме полярных летчиков, об опасных экспедициях или открытиях новых звезд,— книги эти все равно захватят читателя. Очень трудно не увлечься, если речь идет о делах совершенно для тебя новых или приключениях, в которых жизнь человека порой висит на волоске...

Но ведь всем известно, что люди в большинстве своем живут, не совершая никаких необыкновенных подвигов или открытий, и живут они не за Полярным кругом и не в скалистых горах, а в самых обыкновенных городах и селах, каких много в нашей стране. Эти люди сидят за баранкой автомашин, водят комбайны, сеют и косят, растят и учат ребят...

В книге **С. Полетаева «Егорка меняет характер»** живут и действуют именно такие люди, простые, добрые, работящие и на первый взгляд очень обыкновенные. Но вот мы читаем рассказ за рассказом и видим, что не так уж будничнa и обыкновенна жизнь их героев, ребят и взрослых. Оказывается, нужна немалая сметка и ловкость, чтобы укараулить колхозное зерно от разных непрошеных гостей, нужно по-настоящему побороться с собой, чтоб изменить свой трудный характер; а сколько бесстрашия надо, чтобы высказать все, что думаешь, в лицо хитрой и жадной бабке или признаться учительнице, что ты поступил не очень-то красиво!

Прочтешь задумчивый и чуть грустный рассказ «Научная находка» — и вдруг начнешь понимать, что есть в жизни вещи более дорогие, чем деньги и слава. А вот очень простой, поэтичный рассказ о гнедом жеребенке Мальчике, впервые решившемся переплыть широкую бурную реку. Жеребенок вышел победителем, и вместе с ним радуешься, что он перестал уже быть маленьким, что из него вырастет настоящий, сильный конь. Конечно, это рассказ не только о жеребенке. Это рассказ о прощании с детством, об отваге и деятельной жажде открытий, рождаемых юностью.

Лучшие рассказы С. Полетаева вызывают у читателя серьезные раздумья, большие и хорошие чувства. Но, кроме «задумчивых» рассказов, есть в книге и веселые, озорные рассказы: про бешеную корову, с которой не поладил сынишка колхозной скотницы, про «заговоренный» хлеб, подброшенный ребятами поросенку, про маленького Родьку, который неожиданно стал «доверенным лицом» на выборах в местные Советы, про дружбу маленького Павлика с девочкой Юлькой и о многом-многом другом...

Да, герои этой книги не совершают удивительных подвигов и открытий, но их жизнь полна душевного напряжения, сложности и остроты, труда и веселья. И, перевернув последнюю страницу, поймешь, что их жизнь по-своему яркая и не очень уж обыкновенная.

А. Мошковский

Это рисунки В. Алфеевского к сказке Богдана Чалого и Павла Глазового «О Барвинке-человечке и его коне-кузнечике». Перевела сказку с украинского Елена Благинина.

Ищите сказку!

Может быть, в дни каникул вам случится побыть вечерок с младшим братишкой или сестренкой. Может быть, соберутся к вам и другие малыши. Да и вам самим вдруг захочется послушать веселую сказку...

Знайте, что сказка прячется повсюду—в самых простых вещах. Она притаилась в складном ножичке, с которым вы летом ходили по грибы. Забавную сказку о Лодыре и об удивительной Стране Времени расскажет вам толстый, уютно тикающий будильник... Сказка может прятаться в вашей тетрадке — увлекательную историю о сбежавшей точке с запятой придумал писатель А. Митяев. Вы прочитаете ее в книге «Где пряталась сказка» (издательство «Молодая гвардия»).

В этой книге вы найдете сказки о самых обыденных предметах.

— Сказки лежат даже на дороге, по которой ходят люди,— говорит дядя-сказочник своей маленькой племяннице.— Только их никто не замечает, как часто не видят хороших грибов. Стоит себе крепкий боровичок на самом солнцепеке, в мох не прячется, листиком не закрывается, а его никто не видит. Сказки, как грибы, надо уметь искать.

Прочитайте книгу Митяева, и на первых порах вам покажется, что находить сказки очень просто. Но попробуйте сами придумать интересную, осмысленную сказку о любой вещице, лежащей рядом, и вы поймете, что это не такое уж простое занятие. И все-таки, если у вас есть охота и воображение, попытайтесь сами искать сказки. Пусть даже они не будут такими хорошими, как те, что придуманы взрослыми, они все равно могут понравиться малышам. И, возможно, поиски сказок превратятся для вас в веселую, увлекательную игру.

Ю. Савицкая

Читатели пишут о книгах

«Советской страны пионер».

Здравствуйте, дорогая редакция!

Я прочитала книгу «Советской страны пионер», она мне очень, очень понравилась. Герои ее такие, как мы, пионеры. Она написана о наших друзьях. О делах больших и скромных, героических и веселых, делах разных, но неизменно честных и благородных. Ведь их совершают те, кто носит на груди пионерский галстук. Мы еще не совершили таких поступков. Но не беда! Мы постараемся быть похожими на них и будем верными своему пионерскому слову. Верю: всюду и всегда есть место подвигу и хорошему, доброму делу. Берем пример с тех, о ком можно с гордостью сказать: Советской страны пионер.

С пионерским приветом ученица 7-го класса Ткачева Алла, г. Глухов, Сумская обл.

«Три белоснежных оленя». А. Мошковский.

Книга «Три белоснежных оленя» очень понравилась мне. Я узнал о жизни ненецких ребят. Их жизнь очень заинтересовала меня. Когда я вырасту, обязательно побываю на краю земли, где живут эти мужественные, трудолюбивые мои далекие друзья.

Передайте большой привет писателю А. Мошковскому от его маленького южного друга Фита Ивана, ученика 4-го класса.

Я обязательно прочитаю книгу «Белые буруны».

С приветом Ваня, с. Красная Поляна, Сталинская область.

«Огонь юного сердца». В. Выговский.

Я, ученик 4-го класса, Чавкин Николай Петрович, обращаюсь с просьбой к Выговскому Владимиру Степановичу.

Владимир Степанович, прочитал я Вашу повесть «Огонь юного сердца». Очень книга хорошая, она меня заинтересовала, мне бы очень хотелось дочитать ее, наверное, есть продолжение, что будет дальше с Петей Вишняком, жив ли он сейчас и где он учится или работает. Я тоже пионер, ношу красный галстук и хочу быть таким отважным комсомольцем, как Петро Вишняк.

Н. Чавкин, город Ковров.

«Светлана-пионерка». С. Баруздин.

Книга эта мне очень понравилась. В ней рассказывается о жизни ученицы 3-го класса Светланы. Много полезного и хорошего сделала эта маленькая девочка, всегда скромная, смелая и находчивая.

В книге описан ее смелый, находчивый поступок по спасению жизни моряка, которого Светлана нашла лежащим на улице. Она не растерялась и сразу же, хотя была уже ночь, вызвала для его спасения «Скорую помощь».

Светлана предложила создать в классе свою библиотеку из книг учеников. Это помогло ученикам полюбить книгу.

Светлане всегда хотелось всем помочь, сделать лучше, полезнее.

Мне очень понравилось, что в книге подробно написано, как принимали учеников в пионеры. Я тоже сильно волновалась, когда мы были в Музее Калинина. Это очень правдиво описано.

Жизнь Светланы простая, а между тем очень интересная.

Я тоже хочу быть такой. Я тоже помогаю маме, даю читать свои книги ученикам, но мне хочется во всем быть похожей на Свету.

Муратова Марина, ученица 3-го класса «А» 68-й школы.

«Говорит седьмой этаж». А. Алексин.

Уважаемый Анатолий Георгиевич!

Недавно я прочитал Вашу книгу «Говорит седьмой этаж». Я читал ее, не отрываясь, а когда прочитал, решил написать отзыв.

Очень интересно Вы описываете жизнь моих сверстников, но мне кажется, что Вы не окончили эту книгу. Не написали, как сложилась жизнь друзей Леньки: Владика, Фимы, Тани и Олега. Встретились ли Саша и Шура, пришел Саша к Андрею или нет и какими вырастут эти ребята. Мне кажется — честными и смелыми.

Шатров Михаил, гор. Гайворон, Кировоградская область.

«Солнце над школой». А. Мелентьев.

Дорогая редакция!

Хочу сообщить о том, что книга «Солнце над школой» мне очень понравилась потому, что она многому учит нас, учеников.

Во-первых, она учит нас быть всегда честными. В книге ясно показано, к чему приводит вранье.

Я думаю, что все, которые когда-нибудь обманывали, а может быть, и сейчас обманывают, прочитав книгу, будут говорить только правду.

В нашей школе тоже были такие споры, но не очень сложные, таких учеников убеждала в их неправильности вся школа. И они еще, прочитав книгу, дали слово никогда не обманывать.

Ученица 7-го класса Филоненко Галина, село Новосреднее, Ставропольский край.

«Вам — взлёт!». А. Маркуша.

Здравствуйте, дорогой дядя Толя!

Я очень хочу стать летчиком реактивной авиации. С семи лет у меня появилось такое желание. Но почему-то кому я ни скажу, все не верят в это. Мама говорит, что девушки не бывают летчиками. А ведь Таманский авиационный полк весь состоял из девушек и женщин.

Я прочла Вашу книгу «Вам — взлёт!». Книга мне очень понравилась. Но почему Вы в ней обращаетесь только к мальчикам? А разве девочки не могут быть летчиками? После того как я прочла Вашу книгу, я еще больше захотела стать летчиком. Я выучила все части самолета и знаю теперь намного больше о профессии летчика.

Учусь я в 5-м классе... Учусь хорошо, но буду стараться учиться еще лучше.

Мне не хватает, чтобы стать летчиком, воли и усидчивости. Но я обещаю преодолеть все эти трудности.

Дорогой дядя Толя, очень прошу Вас ответить мне на письмо и напишите мне, может ли сбыться моя мечта стать летчиком реактивной авиации.

Никифорова Таня, гор. Грозный, ЧИ АССР.

«Приключение юнги Захара Загадкина». М. Ильин.

Дорогой юнга Захар Загадкин!

Я прочитала твои воспоминания, и они мне очень понравились.

Прошу тебя, обязательно напиши еще. Только пиши не только о странных реках и островах, а и о животных и растениях.

Я очень люблю читать книги, но также люблю собирать марки.

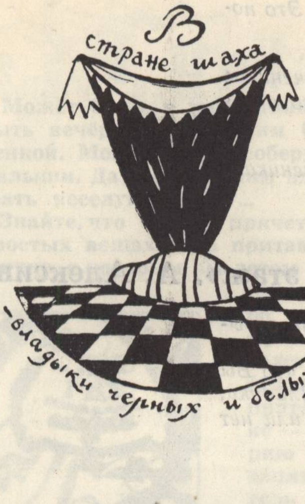
В школе я состою в географическом и ботаническом кружках. Я люблю природу и поэтому записалась в эти кружки.

Когда я была маленькая, конечно, не дошкольница, а ученица 3-го и 4-го класса, я очень любила приключения. Когда я прочитала книгу «Тайна бронзовой птицы», я с моей сестрой Ниной искали везде клады.

Теперь, в особенности тогда, когда я прочла твои воспоминания, я поняла, что и без клада могут быть разные приключения. открытия.

Я, когда вырасту, стану геологом, может быть, я, как и ты, буду делать много открытий.

С пионерским приветом ученица 6-го класса 3-й средней минской школы Каплунова Наташа.

ПОБЕДИТЕЛИ МОЕГО КОНКУРСА

В шестом номере журнала нашего объявил я летний конкурс для юных любителей шахмат. Пять шахматных загадок загадал я своим друзьям, просил их проводить турниры, учить новичков.

Много писем получил я, многие ребята приняли участие в нашем соревновании. Очень понравилось мне письмо Ильяса Рахманова, ученика школы № 5 города Янги-Юль. Вот что пишет Ильяс.

«Я пока еще не имею спортивного разряда, но все же научил двенадцать ребят играть в шахматы. Четверо теперь играют ничуть не хуже меня. Это Нурали Артыков, Даниил Ибрагимов, Валерий Логинов и Юсуп Шарипов».

Молодец Ильяс! А для того, чтобы твои ученики да и ты сам получили спортивные разряды, организуй турнир. Как проводить соревнования на получение разряда, мы уже рассказывали в журнале № 6.

Такие соревнования хорошо провел у себя в школе поселка Максатиха (Калининская обл.) Володя Смирнов. Тридцать два ученика этой школы стали шахматистами пятого разряда, двенадцать — четвертого, пять — третьего. А Володя играл в первенстве района и получил второй разряд.

Ильяса Рахманова и **Володю Смирнова** принимаю в свои оруженосцы и **награждаю грамотами «Ферзя и ладьи».** Советую и другим ребятам заниматься с новичками, помогать товарищам.

А теперь о моих загадках. Первая решается ходом 1. Лe1—e2!; вторая — жертвой ладьи на h1. В третьей задаче правильный путь к цели 1. Лb 8—b6! c7 : b6 2. c2 — c3 b6 — b5 3. Крc6 — c5 b5 — b4 4. c3 : b4 мат.

В пятой задаче белые должны форсировать ничью вечным шахом после 1. Кc1—d3 + Крf4—f5 2. Кc2—e3+. Белые кони преследуют черного короля по всей доске, и он нигде не может надежно укрыться от их нападения.

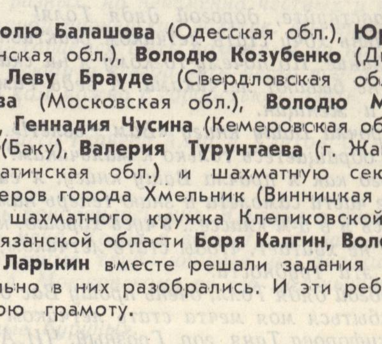
В партии, которую надо восстановить, был пропущен ход конем на e2 и также указан неверный ход Сe5—a4. Конечно, белые могут играть лишь Сb5—a4. Вся эта партия должна выглядеть так:

1. e2—e4 e7—e5 2. f2—f4 d7—d5 3. e4 : d5 e5—e4 4. Сf1—b5 + c7—c6 5. d5 : c6 b7 : c6 6. Сb5—a4 Фd8—d4 7. c2—c3 Фd4—d6 8. Кg1—e2 Сc8—g4 9. 0—0 Фd6—d3 10. Лf1—e1 Сf8—c5 + 11. Крg1—f1 Фd3—f3 + 12. g2 : f3 Сg4—h3 мат.

За наиболее полные и точные решения всех позиций **грамотами «Ферзя и ладьи»** награждаю: Москвичей **Александра Раздолина, Мишу Вишнякова, Колю Михайлова; Витю Водяницкого** (Новороссийск), **Толю Балашова** (Одесская обл.), **Юру Будкова** (Рязанская обл.), **Володю Козубенко** (Днепропетровск), **Леву Брауде** (Свердловская обл.), **Витю Любимова** (Московская обл.), **Володю Маловичко** (Тамбов), **Геннадия Чусина** (Кемеровская обл.), **Евсея Гурвича** (Баку), **Валерия Турунтаева** (г. Жана-Семей, Семипалатинская обл.) и шахматную секцию Дома пионеров города Хмельник (Винницкая обл.).

Члены шахматного кружка Клепиковской средней школы Рязанской области **Боря Калгин, Володя Титов и Женя Ларькин** вместе решали задания конкурса и правильно в них разобрались. И эти ребята получают мою грамоту.

КТО ЛУЧШЕ СОСТАВЛЯЕТ ЗАДАЧИ

В седьмом номере журнала был объявлен конкурс на составление задач и этюдов. Очень хотелось мне узнать, кто из вас, ребята, лучше составляет шахматные композиции.

Отовсюду стали присылать мне ребята свои шахматные произведения. Почти полторы тысячи задач и этюдов прибыло к нам в редакцию.

Судьи конкурса уже приступили к работе. Они проверяют задачи и этюды, дают им оценку. Есть такие задачи и этюды, которым судьи ставят пятерки, но есть и троечники и даже двоечники.

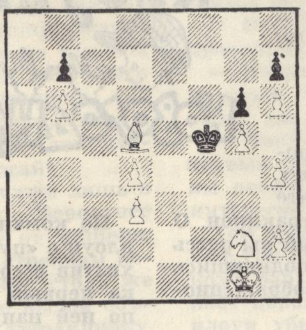
Неудачи чаще всего приходятся на долю тех ребят, которые погнались за количеством произведений в ущерб их качеству. Ведь если составляешь много задач, то не успеваешь отшлифовать каждую из них, в таких задачах есть и вторые решения и различные другие ошибки.

Торопиться в шахматах с выводами не надо. Вот что говорил великий русский писатель Лев Николаевич Толстой:

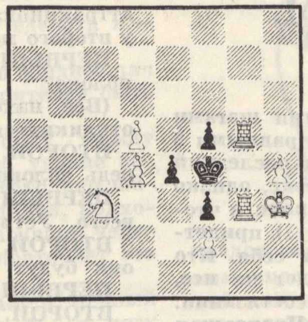
«Даже в маленьком деле нужно обдумать все много раз со всех сторон, прежде чем сделать. Все равно, если будешь рубаху шить или даже просто делать шахматный ход. И если не обдумать, сразу же испортишь — рубахи не сошьешь, партию проиграешь».

А теперь хочу вас познакомить с некоторыми произведениями, поступившими на мой конкурс.

Эту задачу составил **Боря Мельников,** ученик школы № 7 города

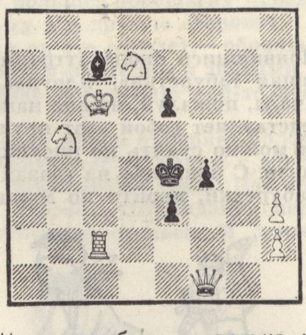
Николаева. Здесь белые, начиная игру, дают мат в три хода черному королю.

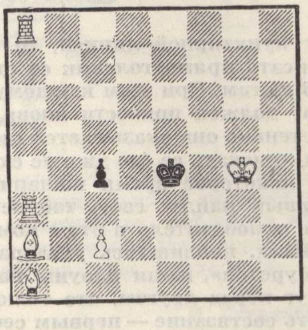
Мат в три хода дают белые черному королю и в другой Бориной задаче.

Следующая задача-двухходовка. Ее составил **Лева Брауде,** ученик школы № 1 города Нижняя Салда, Свердловской области.

Замысел этой задачи интересен. Недаром Лева имеет первый разряд по шахматам.

Многие ребята не только коллективно решают, но и вместе составляют задачи. Это очень хорошо. Ведь то, что не заметит один, подчас удастся увидеть другому.

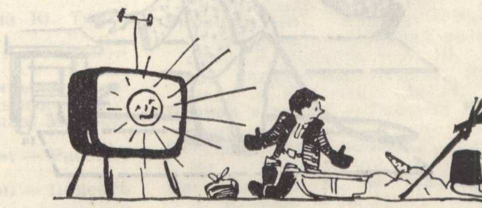

Эту задачу составили москвичи ученики 275-й школы **Женя Дайчик** и **Илюша Фрог.** Здесь белые дают мат в два хода черному королю.

НАЙДИТЕ, ДРУЗЬЯ, КАК РЕШАЮТСЯ ЗАДАЧИ, ПРИСЛАННЫЕ УЧАСТНИКАМИ НАШЕГО КОНКУРСА, НАПИШИТЕ, ПОНРАВИЛИСЬ ЛИ ОНИ ВАМ.

Будет, будет интересная передача!

Рисунки А. Шабанова.

Клоуны-проказники на новогоднем празднике

Два пестро разряженных клоуна прогуливаются по комнатам, где размещены аттракционы. Они дополняют программу праздника своими веселыми короткими выступлениями — фокусами, шуточными сценками, забавными трюками.

I

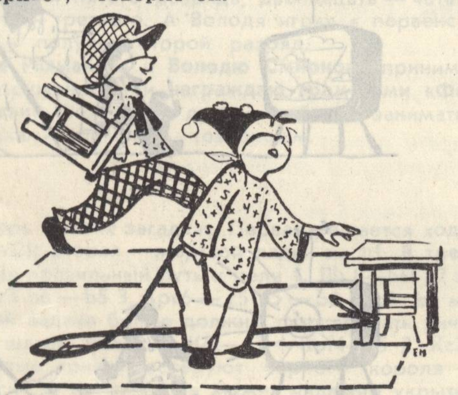
Появившись около аттракциона «Пропавшая табуретка», клоуны... Впрочем, сначала, пожалуй, нужно напомнить, что представляет собой этот нехитрый аттракцион. О нем можно судить по рисунку, который вы здесь видите. С повязкой на глазах нужно, поднявшись с табуретки, пройти по маршруту, изображенно-

му пунктирной линией, то есть своими шагами описать прямоугольник со сторонами, равными 5 и 3 шагам. При этом каждому ясно, что последний шаг должен привести вновь к табуретке, однако частенько она оказывается где-то в стороне, и чтобы отыскать ее (но уже не сходя с места), придется некоторое время пошарить вокруг себя. Кто первый найдет свою табуретку и сядет на нее, тот и победитель в этом комическом состязании.

Итак, появившись у аттракциона «Пропавшая табуретка», наши клоуны начинают похваляться друг перед другом, что знают секрет, как выиграть состязание — первым сесть на табуретку. Ведущий предлагает им решить спор не на словах, а на деле. Клоуны охотно соглашаются потягаться друг с другом.

Пока одному завязывают глаза, другой в это время, лукаво подмигивая зрителям, привязывает к своей табуретке бечевку. «Моя путеводная веревочка — дело верное»,— посмеивается он. Заметив эти приготовления, ведущий или кто-нибудь из ребят предупреждают второго клоуна: «Ваш противник хитрит». Второй клоун уверенно заявляет, что сам перехитрит кого угодно. «Мой способ вернее»,— говорит он.

По команде оба отправляются в путь: первый клоун с «путеводной веревочкой», а второй... прихватив с собой табуретку, на которой сидел! Пока первый клоун возится с веревкой, проверяя по ней направление, второй с последним шагом преспокойно садится на табуретку, требуя себе за это приз. Разумеется, ведущий отказывает ему в этом и прогоняет обоих клоунов.

2

И вот оба клоуна уже около какого-то другого аттракциона. У первого в руках большое яблоко, у второго маленький резиновый мячик.

ПЕРВЫЙ. Внимание! Кто хочет получить это яблоко?

(Все находящиеся в комнате, вероятно, живо откликнутся на такое предложение.)

ВТОРОЙ. Э-э, желающих слишком много, а ведь яблоко-то у нас только одно. Как же быть?

ПЕРВЫЙ. Чудак! Мы его разыграем, только и всего. Устроим конкурс.

ВТОРОЙ. Конкурс? Блестящая мысль! А в чем они будут соревноваться?

ПЕРВЫЙ. А вот этого я пока еще не знаю.

ВТОРОЙ. Не знаешь? Так я тебе скажу. Они будут бросать в цель вот этот мячик.

ПЕРВЫЙ. Прекрасно! А где же цель?

ВТОРОЙ. О чем тут думать — они будут кидать мячик в тебя.

ПЕРВЫЙ. Ты с ума сошел! А вдруг они в меня попадут?

ВТОРОЙ. Этого не может быть. Я ручаюсь своей головой.

ПЕРВЫЙ. На что она мне?! Давай лучше так условимся: если кто-нибудь в меня попадет, то ты будешь моей лошадью и я на тебе поеду.

ВТОРОЙ. Согласен. Становись вот к этой сте-

не, а я отсчитаю пять шагов. (Отсчитывает шаги.) Вот отсюда они будут бросать в тебя мячик. Кто первый? Становись вот сюда. Получай мячик. (Получивший мячик делает замах, прицеливаясь во второго клоуна.) Э, нет, немножко не так. Ты же не глупый, понимаешь, что я не хочу быть лошадью. Повернись-ка спиной к мишени, вот так. Стрелять будешь со спины. Возьми мяч в правую руку, а голову поверни налево — так, чтобы видеть мишень... Ну, а теперь бросай!

Бросая мяч в таком положении, можно лишь в очень редком случае попасть в цель. Вероятнее всего, мяч полетит в левую сторону от мишени.

Дав возможность еще нескольким стрелкам испытать свою меткость и, по-видимому, столь же безрезультатно, оба клоуна, так и не выдав объявленной премии, уходят к другому аттракциону, где могут повторить разыгранную ими сценку с яблоком.

3

Привлекая к себе внимание ребят, клоуны затевают между собой спор.

— Тебе не сделать того, что могу сделать я,— заявляет первый.

Второй решительно опровергает это обидное для него утверждение. Клоуны просят зрителей быть судьями в разрешении их спора.

Первый клоун протягивает веревочку между двумя стульями и закрепляет ее на уровне сиденья. После этого он отходит на несколько шагов в сторону, а потом, глядя в потолок, подходит к натянутой веревке и перешагивает через нее. Второй клоун довольно легко повторяет это нехитрое упражнение.

— Отлично! — с похвалой отзывается первый клоун.— Ты, оказывается, молодец. Но я могу сделать кое-что и потруднее. Смотри!..

Отсчитав три шага от веревки, первый клоун становится против нее и просит, чтобы ему завязали глаза. Потом, сделав столько же шагов в обратном направлении, он аккуратно перешагивает через веревочный барьер.

— Ну, как? — спрашивает первый клоун своего противника.

— Подумаешь! — отвечает тот.— Я сделаю это не хуже. Я сделаю больше: перешагну через веревку два раза — в ту и в другую сторону.

— Посмотрим, как он это сделает,— обращается первый клоун к ребятам-зрителям и знаками дает им понять, что сейчас произойдет что-то весьма интересное.

Тем временем второй клоун отмеряет положенные три шага и поворачивается лицом к веревочному барьеру. Ему завязывают глаза. Вот он делает первый шаг... второй... Неожиданно первый клоун убирает веревку со стульев. И зрителям

предоставляется возможность наблюдать довольно комичное зрелище: не подозревая о подвохе, второй клоун со всей серьезностью, соблюдая крайнюю осторожность, «перешагивает» через несуществующий барьер, дважды проделывая этот «трудный» номер.

Н. Студенецкий

Содержание журнала «Пионер» за 1960 год

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

СТИХИ

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ О ЖИЗНИ У НАС И ЗА РУБЕЖОМ

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ — ДРУГ

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

КРАСНЫЕ ГАЛСТУКИ НА СТРОЙКАХ СЕМИЛЕТКИ

КУРСЫ ШКОЛЬНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ

ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ

КЛУБ «ПИОНЕРА»

КОНКУРСЫ, ЗАОЧНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ

ЮМОР

СПОРТ

НАУКА И ТЕХНИКА

В ЛАБОРАТОРИЯХ УЧЕНЫХ

ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

ИСКУССТВО

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ И КНИГАХ

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ

(Рецензии и аннотации)

СТРАНИЧКА КОЛЛЕКЦИОНЕРА

Ответы на задачи, помещенные в № 11

НЕХИТРЫЕ ИСТОРИИ С ЗАГАДОЧНЫМИ КОНЦАМИ

НОМЕР ЛОТЕРЕЙНОГО БИЛЕТА

33962

ДНЕМ ИЛИ ВЕЧЕРОМ!

К вечеру температура воздуха понижается, поэтому верхние слои воздуха, уплотняясь, становятся тяжелее, опускаются вниз. Чем плотнее воздух, тем большее сопротивление оказывает он движущимся телам. Значит, вечером для преодоления возросшего сопротивления воздуха спортсмену придется затрачивать больше энергии, чем днем. Этим и объясняется тот факт, что в холодную погоду значительно труднее установить рекорд в соревнованиях по метанию молота, копья или гранаты, поскольку и ничтожная разница в результатах имеет порой большое значение.

КОМУ ПРИШЛО ПИСЬМО!

В условиях задачи говорится, что из четырех предположений, высказанных Соколовым, Коркиным, Голубевым и Масловым (Юрьев мнением своим не поделился), только одно соответствовало действительности. Если допустить, что прав Коркин и письмо адресовано Голубеву, то, значит, прав и Соколов, утверждавший, что письмо прислано не ему; но тогда получается, что обе эти догадки правильные, что противоречит условиям задачи. К тем же отрицательным выводам приходим мы, допуская правильность предположений Голубева или Маслова, так как их ответы не противоречат тому, что сказал Соколов. Таким образом, предположение Соколова («Не мне»), исключающее все остальные догадки, остается единственно правильным. Из этого следует, что мнения остальных ошибочны, то есть письмо адресовано не Голубеву, не Юрьеву, не Маслову и не Соколову, а Коркину, о котором никто не упомянул и который получил присланное ему письмо из рук моряка.

КОВАРНАЯ ЗАДАЧА

Один из вариантов решения:
(99—32) — (86—53) = 34

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе** (заместитель редактора), **В. И. Орлов, В. А. Поддубная** (ответственный секретарь), **М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28, комната, 11 **Телефон Д 3-30-73.**

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 06488. Подписано к печати 8/XII 1960 г. Тираж 533 700 экз. Изд. № 2203. Заказ № 3094.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

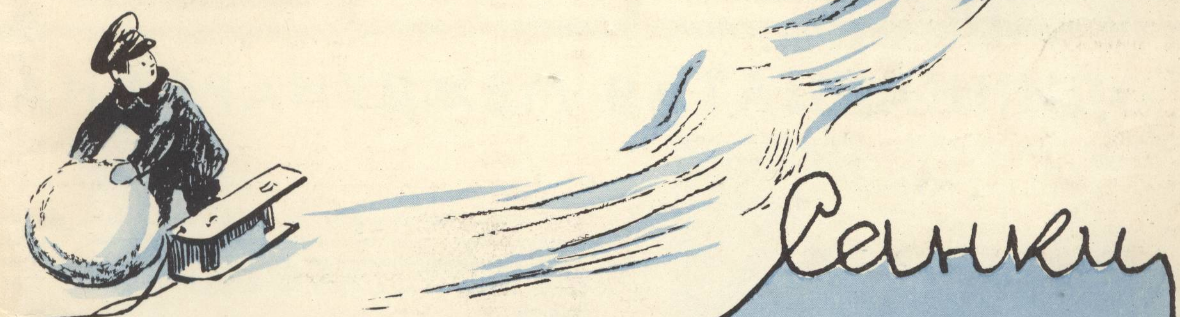
ГОНЩИКИ НА СНЕЖНОЙ ГОРКЕ

Победителем в игре считается тот, кто первым поставит снежную бабу. Состязаться могут сразу несколько пар. По сигналу «Раз, два, три!» каждая команда начинает лепить первый большой ком. У самого края горы его погружают на санки, и один из играющих съезжает вниз. На пути с горы его подстерегают два препятствия: снежные ворота и трамплин. Если гонщик уронит ком, он повторяет путь заново. Сбив снежные ворота, восстанавливает их.

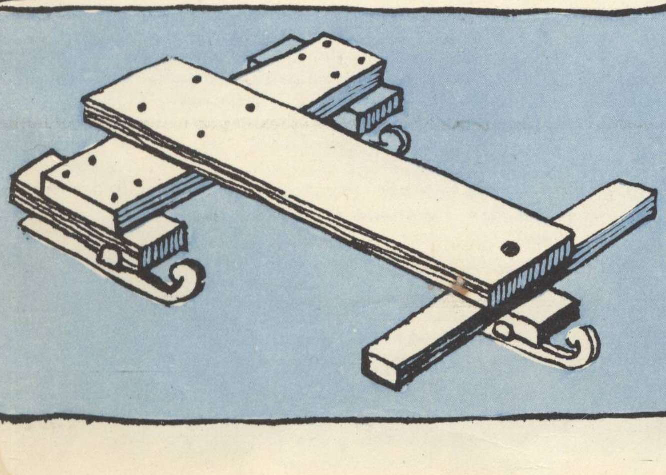
После трамплина санки нужно остановить поскорее, потому что снежная баба ставится на том месте, где гонщик сумел затормозить.

В это время партнер приготавливает второй ком и ждет санки. Теперь с горы уже едет он, а первый гонщик лепит третий, маленький ком. Гонщики должны позаботиться о том, чтобы не наехать ни на свою, ни на чужую снежную бабу, так как тогда им придется сначала починить разрушенное, а уж потом только заканчивать свою снежную бабу.

Санки

Нет, на простых санках за такими не угонишься! Если у тебя твердая рука и верный руль, то не страшны крутые повороты и неожиданные препятствия. Сделать санки-самокаты может каждый из вас. Для этого нужно найти три старых конька «снегурки», несколько досок и гвоздей. Работы на час, а кататься можно целую зиму.

ОДИННАДЦАТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ

Рисунки на стендах, которые вы видите на этой фотографии, сделаны вашими сверстниками, ребята. Это зал Международной выставки детского рисунка. Такие выставки ежегодно происходят в Дели — столице Индии.

Эта выставка одиннадцатая. В ней приняли участие юные художники 68 стран. Они прислали на выставку около 60 тысяч своих произведений.

Золотую медаль на этой выставке получил тринадцатилетний индийский школьник Прафул Амичанд Джхавери. На его большом панно изображен приезд Никиты Сергеевича Хрущева в Калькутту. Этот рисунок очень понравился Никите Сергеевичу, и он прислал юному художнику подарки: альбом «Третья-ковская галерея» и модель спутника.

На этой выставке премировано еще 342 юных художника, в том числе немало наших, советских ребят. Получил премию и пейзаж, который вы видите здесь справа. Его нарисовала Вера Поздеева, ей четыре года.